

# СОБОРНАЯ УЛИЦА СПЛУК ЯНДОРОС СОБОРНАЯ ВУЦЦА



ЛИТЕРАТУРНО-  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ЖУРНАЛ

1-2.2018





Екатерина Беликова. «Irada». Картон, акрил. 21,6 x 27,9 см (2018)

**Миколаївський  
літературно-художній журнал  
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»  
№ 1-2 (20-21) 2018 р.**

**Головний редактор:**  
Дмитро КРЕМІНЬ

**Редакційна колегія:**  
Євген МІРОШНИЧЕНКО  
Володимир ПУЧКОВ  
Ілля СТАРИКОВ  
Олексій ТОРХОВ  
(видавничий редактор)

**Редакційна рада:**  
Таміла БУГАЄНКО  
Олександр ГЛУШКО  
Олена ІВАНЕНКО  
В'ячеслав КАЧУРІН  
Тарас КРЕМІНЬ  
Сергій ПІСКУРЬОВ  
Олександр ПРОНКЕВИЧ  
Сергій РОСЛЯКОВ  
Олександр СИЗОНЕНКО  
Тетяна ТВЕРДА  
Тетяна ФАБРИКОВА

**Художник:**  
Юрій КОРНЮКОВ

**Засновник і видавець:**  
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

**Свідоцтво про реєстрацію:**  
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

**Адреса редакції та видавця:**  
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

**E-mail:** sobornaya.street@ukr.net

Журнал видається з червня 2012 р.  
російською та українською мовами  
за участю обласних організацій –  
Національної спілки письменників України,  
Конгресу літераторів України,  
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал  
Розповсюджується безкоштовно

**Віддруковано:**  
СПД Румянцева Г. В.  
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.  
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи  
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8  
Умовн. друк. арк. 20,93  
Замовлення № 1806-1  
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної  
Програми підтримки  
вітчизняного книговидання,  
книгорозповсюдження та популяризації  
української книги в Миколаївській  
області на 2017-2020 роки**



# СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский  
литературно-художественный  
журнал**

**1-2  
2018**

## СОДЕРЖАНИЕ

### КОЛОНКА РЕДАКТОРА

**Владимир ПУЧКОВ:** Формулы классиков ..... 3

### БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

**Лариса ЯНИШЕВСКАЯ:** Между Марсом и Юпитером. *Николаевцы на звёздной карте* ..... 4

**Вячеслав КУЛАКОВ:** Двое в Крыму. *По поводу ландшафтной памяти украинцев* ..... 11

### ПОЭЗИЯ

*105 лет со дня рождения*

**Марк ЛИСЯНСКИЙ:** По вечно зеленеющему следу ..... 15

**Сергій ЦУШКО:** Між квітів і трави ..... 21

**Владимир ГРЕКОВ:** Больше, чем след в пыли ..... 35

**Олег ДОРОШ:** Дім з червоної цегли ..... 40

**Ксана КОВАЛЕНКО:** Бути островом – хочу ..... 62

**Нина ПАЛАМАРЧУК:** Не дасть упай ..... 67

**Лана ГРИММ:** Лише сни ..... 83

**Георгій ШЕВЧЕНКО:** Життя проросте із нічого ..... 86

### ПРОЗА

**Анатолий ФИЛАЛЕЕВ:** Шарик. Эшелон. *Воспоминания* ..... 26

**Олександр ТЕРЕЩЕНКО:** Життя після 16:30 ..... 45

**Інеса ЗАВЯЛОВА:** Злива. *Новела* ..... 72

**Юлия ШОКОЛ:** Ксай-Лу и воды Великой Реки. *Рассказ* ..... 80

**Станислав СОЛОВЬЁВ:** Серёжка с Мясоедовской ..... 91

*100 років з дня народження*

**Леонід КУЛІЧЕНКО:** Над нами зорі. Криниця. *Оповідання* ..... 96

**Альбина БИЖАН:** Синяя гора. День космонавтики. Вознесение. *Рассказы* ..... 103

### ПУБЛИЦИСТИКА

**Тетяна ЛІХТЕЙ:** Від символістів до конкретистів:  
словацька поезія в мистецькому осмисленні Дмитра Кременя ..... 110

**Елена ПОНОМАРЁВА:** Николаевский исход. *Белая эмиграция во Франции* ..... 115

**Евгений МИРОШНИЧЕНКО:** «Это было в Сусумане, в магаданской стороне...» ..... 128

**Влада РУССОВА:** Він увірвався в літературу... *До 100-ліття Олесь Гончара* ..... 133

**Евгений ПАРАМОНОВ:** «Район на район»... *Из цикла «Дети холодной войны»* ..... 136

**Виталий СИНЯВСКИЙ:** Фехтовальная дорожка Ольги Харлан ..... 145

**Любовь ВАРЮХИНА:** «А садив я дуб і садив я граб» ..... 148

### МАСТЕРСКАЯ

**Алексей ТОРХОВ:** Змиероглиф «Жизнь». *Последняя картина Алексея Маркитана* ..... 150

**Елена ЖАТЬКО:** Живой арт провинции у моря ..... 154

**Ольга СКВИРСКАЯ:** Искусство маленьких шагов ..... 159

**Александр САЙКОВСКИЙ:** Остановить взгляд зрителя. *Фотомиф Ирины Гузий* ..... 162

### АРХИВ

**Марина ТАСИНКЕВИЧ:** Забытый жанр ..... 166

### НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

**Книги – переможці XII обласного конкурсу «Краща Миколаївська книга»** ..... 171

**Издательский перекрёсток:**

О. В. Алексеева «Хроники Алины, или как быть счастливой».

Г. М. Ге «Историчний нарис столітнього існування міста Николаева при гирлі Інгулу (1790–1890)».

В. Христенко «Николаевский камертон». В. Бабич «Властелины океанов».

А. Финогеев «Полоса прибора» ..... 173

**Поетична полочка:**

**Інга ВИДЮЩА:** Збільшувальне скло. *Перша книга Олега Дороша* ..... 177

### ЭКСЛИБРИС

**Евгений ГОРБУРОВ:** Жетон 58-го Прагского полка ..... 178

### ОБЛОЖКА

**Андрей ШИНКАРЕНКО:** Турецкий фонтан в Яхт-клубе ..... 180

## ФОРМУЛЫ КЛАССИКОВ

Пугающая тенденция: чем меньше у нас работающих заводов и фабрик, тем больше управляющих и контролирующих – департаментов, управлений и всяческих других учреждений. Да что там заводы и фабрики! В центре города уже более двадцати лет торчат недостроенные больницы и школа, а в бывших детских садиках вольготно расположились чиновники. Это называется пышными словами «розбудова» и «державотворення».

На первых порах независимости всё было понятно и даже объяснимо: молодая держава создавала и укрепляла свой госаппарат. Но при этом, как говорится, легко вошла во вкус: любителей «отнимать и делить» стало явно больше, чем желающих «складывать и умножать». Вот и ещё одна радостная весть подоспела: в дополнение к существующим судам, к которым у людей недоверие зашкаливает, Рада решила создать отдельный Антикоррупционный суд. Вместо того, чтобы сделать все суды антикоррупционными.

Распухание бюрократического аппарата уже пугает. Особенно преуспевают силовики, постепенно превращая свои офисы в целые микрорайоны. Уже можно обозначать их на карте города метафорически: «прокурорский квартал», «полицейский квартал», «налоговый рай»... Именно они становятся символами молодой державы. А не, скажем, образование, здравоохранение, культура. Бюрократия уже борется с себе подобными: красноречивый пример – вытеснение облуправления культуры из скромного особняка, пригланувшегося прокуратуре.

Бюрократии свойственно самовоспроизводиться, аннексируя новые территории. Этот процесс, при отсутствии политической воли, – неостановим. И тут всплывают в памяти рассуждения бородастого мыслителя, которого в постсоветской Украине настолько беспощадно «декоммунизировали», что даже о выпавшем на 5 мая сего года 200-летию со дня его рождения с перепугу забыли.

«Бюрократия считает себя конечной целью государства... Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить...» – это писал Карл Маркс.

И улиц его имени в Украине уже нет, и памятники бородатому идолу снесли, и даже киевскую кондитерскую фабрику, носившую имя Карла Маркса, на скорую руку перелицевали в «Roshen»... По памятникам и улицам скорбеть не станем – их в нашей «прошлой» стране было с избытком. Но не стоило с водой выплёскивать ребёнка. Беспощадные формулы основоположника марксизма остаются актуальными.

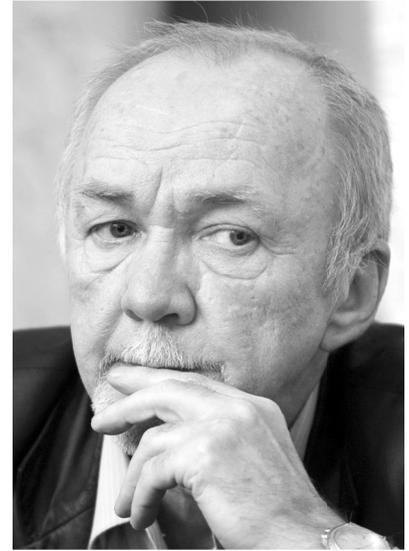
Это – не призыв возвращаться к Марксу. Это – лишь напоминание о том, о чём не следует забывать.

Не следует забывать и Маяковского, который в похожих условиях становления юного послереволюционного государства опубликовал хлёсткий и едкий приговор бюрократической экспансии – ставшее классическим стихотворение «Прозаседавшиеся». А чего стоит смешной и зловещий персонаж его комедии «Баня» – Победоносиков! В самом названии должности – «Главначпупс» («Главный начальник по управлению согласованием») – заключена вся абсурдность притязаний бюрократической опухоли на главенство в государстве.

Классики – потому и классики, что оставили нестареющие формулы-подсказки, помогающие вовремя остановиться, оглянуться, задуматься и скорректировать путь. Один из таких великих мастеров – Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Его «Историю одного города», по моему мнению, стоило бы время от времени публиковать с продолжением в газетах, вне зависимости от политического строя, – как напоминание и предостережение.

Среди других в последнее время всё чаще вспоминаю саркастичные формулы: «На патриотизм стали напирать – видимо, проворовались». Или эту: «Для того, чтобы воровать с успехом, нужно обладать только проворством и жадностью. Жадность в особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть под суд». Впрочем, вот ещё более хлёстко: «Власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления».

Насколько вольнодумно и даже опасно звучит! А ведь этим цитатам уже полтора года лет!



Владимир ПУЧКОВ

**Лариса ЯНИШЕВСКАЯ**

## МЕЖДУ МАРСОМ И ЮПИТЕРОМ

Николаевцы на звёздной карте

*С самых древних времён и до наших дней взгляд человека был устремлён в небо. Глубокое и завораживающее зрелище звёздной бездны вызывает широкую гамму эмоций. Много тайн скрывают обитатели этой бесконечности и многое могут нам рассказать. Галактики, созвездия, планеты. С детства нам знакомы космические названия Андромеда, Кассиопея, Сириус, Альдебаран, Церера.*

*Но, оказывается, в далёком космосе можно встретить привычные для нас земные имена и названия. Эти имена носят астероиды или малые планеты Солнечной системы, большинство из них находится между орбитами Марса и Юпитера. Среди более полумиллиона открытых астероидов около 16 тысячам присвоены имена, восемь из них имеют непосредственное отношение к нашему городу, Николаевской астрономической обсерватории, нашим землякам. Таким подаркам мы обязаны первооткрывателям, крымским астрономам Николаю Степановичу и Людмиле Ивановне Черных и их коллегам.*

Н. С. Черных (1931–2004) – специалист в области астрометрии и динамики малых тел Солнечной системы, доктор физико-математических наук Крымской астрофизической обсерватории. Трудолюбивый, с золотыми руками и обладавший острым умом, до фанатизма увлечённый астрономией. Свыше 1200 малых планет, открытых Н. С. Черных и его учениками, получили названия в честь выдающихся людей нашей планеты. Среди них есть Патон, Капица, Амосов, Келдыш, Менделеев, Ландау, Шевченко, Евтушенко, Высоцкий и многие другие.

По сложившейся традиции названия малых планет утверждаются специальной комиссией Международного астрономического союза – высшего органа астрономов всей Земли, и только в случае единодушного их одобрения. С этого момента название становится обязательным и включается во все каталоги и таблицы малых планет. Таким образом, справедливо считает Л. И. Черных, присвоение малой планете имени выдающейся личности или названия населённого пункта является актом международного признания. Наименование малой планеты – это своеобразный и вечный космический памятник.

Свидетельством заслуженного международного авторитета являются названия малых планет Солнечной системы: Николаев, «Ольшания», Кнорре, Пинигин, Калининков, Чурюмов, «Владичайка» и «Вышеславия».

## Николаев

Николаев – малая планета главного пояса астероидов, которая была открыта 20 сентября 1982 года Николаем Черных и зарегистрирована в международном каталоге под номером 8141. А вот «крестили» эту малую планету с присвоением имени только в 2001 году. И приурочили это событие к юбилею – 180-летию Николаевской астрономической обсерватории. Её история неразрывно связана с городом на Южном Буге. Она была Морской обсерваторией Черноморского флота, позже получила статус Южного отделения знаменитой Пулковской обсерватории, а на пороге XXI века стала самостоятельным научным учреждением Украины. Сейчас это – Научно-исследовательский институт «Николаевская астрономическая обсерватория» (НИИ НАО).

Астероид «Николаев» не пересекает орбиту Земли и оборачивается вокруг Солнца за 3.70 юлианских лет. Вот как говорил об этом астероиде первооткрыватель Николай Черных: «Кусок камня размером шесть километров, чуть меньше Эвереста – это всё-таки солидный материальный объект. Целый ряд обсерваторий в течение последующих лет снова обнаруживали её каждый раз как новый, но вычисления потом показывали, что это один и тот же объект, открытый нами 20 сентября 1982 года». Для Н. С. Черных название нашего города тесно связано с Николаевской обсерваторией, в которой он неоднократно бывал, знал её историю и поэтому решил в честь юбилея НАО увековечить город Николаев на карте звёздного неба.

Уникальность нашей обсерватории состоит в том, что она является одним из старейших научных учреждений Юго-Восточной Европы, которые создавались как морские и сохранились до сегодняшнего времени. Подобных учреждений в мире ещё два. Это знаменитая Гринвичская обсерватория в Англии (с 1675 г.) и Военно-морская обсерватория в США (с 1843 г.).

Николаевская обсерватория является памятником архитектуры национального значения. В состав памятника входит территория обсерватории площадью 7,1 гектара, административное здание, старые и современные павильоны и постройки научного и хозяйственного назначения, парковый ландшафт и чугунное ограждение. Тематика работ научных сотрудников НАО очень широка как в области астрономического приборостроения, так и в исследовании околоземного пространства.

Важной задачей является изучение объектов ближнего космоса – космического мусора, искусственных спутников Земли, астероидов, сближающихся с нашей планетой, метеоров. Например, фотографические наблюдения малых планет проводятся в обсерватории с 1961 года. Изучение этого класса тел является актуальной задачей современной наблюдательной астрономии, т.к. среди них имеются такие тела, которые пересекают, близко подходят или движутся вдоль орбиты Земли и могут представлять опасность для нашей цивилизации. Учёные мира оценивают наличие  $4700 \pm 1500$  потенциально опасных объектов с диаметром более 100 метров. Однако и объекты меньшего размера могут нанести существенный ущерб. Тунгусскую катастрофу вызвало падение объекта размером 50–80 метров. Можно сказать, что НАО «стоит на страже безопасности Земли». Только в XX столетии учёными Николаевской обсерватории были созданы 4 абсолютных каталога звёзд, что является высшим классом для астрометрически позиционных наблюдений.

С первых лет функционирования в программу работ обсерватории входила задача обеспечения точным временем судов морского флота. До настоящего времени в НИИ НАО прекрасно сохранилась коллекция маятниковых астрономических часов XVIII–XX вв. Первым основным хранителем времени были часы «Рифлер 12», привезённые из Одессы. Вначале Служба времени в основном предназначалась для собственных нужд обсерватории. А в 1931 году с приобретением переносного пассажного инструмента фирмы «Аскания-Верке» № 102551 начались регулярные наблюдения поправок часов на этом инструменте. С 1938 года был налажен регулярный приём временных радиосигналов, в этом же году Николаевская служба времени была включена в единую сеть служб времени Советского Союза (1938–1992 гг.) и по точности своих наблюдений много лет была одной из лучших в стране.

Другим направлением, которым гордятся сотрудники НАО, является астрономическое приборостроение. Инженеры самостоятельно разрабатывают, модернизируют и автоматизируют телескопы. И хотя эти инструменты небольшие по диаметру, но они могут самостоятельно наблюдать движущиеся объекты ближнего космоса. Все они оснащены современными приборами с зарядовой связью, ими можно управлять в режиме удалённого доступа, что намного облегчает работу астронома.

Признание заслуг, научного потенциала николаевских астрономов можно оценить по медалям и званиям, которые присуждены научным сотрудникам НАО. На монете, выпущенной Национальным



банком Украины к 220-летию г. Николаева, отчеканено здание Николаевской обсерватории. Государственное предприятие «Укрпочта» выпустило маркированный конверт, посвященный 210-й годовщине со дня рождения Карла Кнорре и 190-летию Николаевской астрономической обсерватории. НАО поддерживает тесные связи с обсерваториями России, Китая, Франции, Турции, Румынии, Чехии, Словакии, Словении, Латвии.

## «Ольшания»

Пожалуй, нет в Николаеве человека, который бы не знал о событиях далёкой весны 1944 года – истории освобождения города от немецко-фашистских оккупантов. Небольшая группа советских морских пехотинцев бесшумно высадилась в районе Николаевского элеватора и заняла круговую оборону... Сражаясь с численно превосходящими силами противника, за двое суток они отразили 18 ожесточённых атак, посеяли панику в тылу врага, помешали уничтожению порта. Единицы из храбрецов остались живы.

Один из астероидов, открытый в 1974 году, назван в честь Героя Советского Союза старшего лейтенанта Константина Ольшанского. Под его командованием в марте 1944 года осуществлялась десантная операция по освобождению города Николаева. К. Ольшанский пал смертью храбрых в бою 27 марта 1944 г. Астероид был открыт астрономом Крымской астрофизической обсерватории Людмилой Журавлёвой, она и предложила назвать малую планету «Ольшания».

Коллективный подвиг десантников вошёл в историю Великой Отечественной войны, историю всех войн как уникальный. Не было другого случая, когда 68 человек, участников десантной операции, одновременно были удостоены звания Героя Советского Союза.

Более 70 лет отделяют нас от героического подвига. Можем ли мы забыть, что молодые люди, полные сил и энергии, не жалели своих жизней ради того, чтобы освободить родной город от оккупантов, приблизить Победу. Историческую память народа не смогут перечеркнуть ни идеологические догмы, ни политические потрясения, ни жизненные неурядицы. Мы благодарны астрономам Крымской астрофизической обсерватории за столь бережное отношение к истории Николаева.

## Кнорре

В 2010 году малая планета, открытая ещё 10 апреля 1983 года Людмилой Ивановной Черных, получила имя «Кнорре» в честь династии астрономов немецко-итальянского происхождения – Эрнста Кристофа Кнорре, его сына Карла Кнорре и внука Виктора Карловича Кнорре.

Три поколения астрономов Кнорре работали в обсерваториях Тарту, Пулкова, Николаева и Берлина. Основателем династии является Эрнст Кристоф Кнорре (1759–1810). Директором обсерватории в городе Николаеве был его сын Карл-Фридрих. От отца он унаследовал необыкновенное трудолюбие и изобретательность, самоотверженность и преданность астрономии.

Карл Кнорре – человек-легенда. Он прекрасно знал математику, физику, астрономию, свободно говорил и читал на европейских языках. Трудиться начал ещё в раннем детстве: когда Карлу было десять лет, не стало его отца. В шестнадцать лет поступил на теологический факультет Дерптского университета. Но не богословие стало содержанием его жизни, а астрономия. В возрасте девятнадцати лет пришёл он в Николаевскую обсерваторию и отдал ей пятьдесят один год своей творческой жизни.



Карл Кнорре



Памятник героям-ольшанцам

Так как в XIX веке начал интенсивно развиваться Черноморский флот, что совершенно невозможно без астрономического обеспечения, наша обсерватория изначально была основана как морская. И поэтому Карлу Христофоровичу приходилось также руководить гидрографическими работами: изучением и описанием морей, измерением глубин, составлением лоций. Все офицеры-штурманы Черноморского флота были учениками К. Кнорре. Начавшаяся в 1822 году работа по детальным измерениям Чёрного, Азовского и Мраморного морей, а также рек, которые в них впадают, продолжалась несколько десятилетий под руководством и при участии Кнорре. Вместе с директором Черноморского депо карт капитаном второго ранга М. Бергом он исправлял «рабочие» мореходные карты. Эта кропотливая работа продолжалась тридцать лет и завершилась созданием точных карт братьями Манганари. «Атлас Чёрного моря», изданный ими в 1841 году в Санкт-Петербурге, хранится в музее Николаевской обсерватории.

Долгое время К. Кнорре был единственным штатным сотрудником в Николаевской обсерватории. Изучая архивные документы, можно проследить, где и какие книги он приобретал для библиотеки, какую мебель заказывал, откуда привозил оборудование и астрономические инструменты, сколько закупал дров для отопления помещений, где заказывал питьевую воду и т.д. Губернатор Николаева А. С. Грейг поддерживал К. Кнорре во всех его начинаниях и наделил очень большими правами. А заметив, что Карл Христофорович обладает исключительными математическими способностями, привлёк к судостроению. Дирекция благородного собрания города в 1859 году выбрала Кнорре своим почётным членом.

Его страстным увлечением были шахматы. Первый городской шахматный кружок был создан при обсерватории, а Николаев стал первым шахматным центром в Украине. Раскрыта ещё одна грань таланта астронома – он не только поддерживал дружбу с поэтами, но и сам был поэтом. Лирическая ода «К обсерватории» была написана в ранние годы его работы в Николаеве. Существует версия о том, что Карл Кнорре послужил прототипом образа Ленского в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Научная работа николаевского астронома была высоко оценена как в России, так и в Европе. В 1828 г. К. Кнорре был избран членом-корреспондентом Императорской (Петербургской) Академии наук России, в 1846 г. – действительным членом Русского географического общества, в 1848 г. – иностранным членом Английского королевского астрономического общества, в 1863 г. – действительным членом Немецкого астрономического общества. Карл Христофорович имел большую семью – шестнадцать детей (был женат трижды), все его дети получили образование за рубежом, а один из сыновей, Виктор, продолжил семейную династию астрономов.

## Пинигин

21 августа 1977 года был открыт астероид под номером 7976, который в 2003 году был назван в честь действующего на тот момент директора Николаевской обсерватории – Г. И. Пинигина. Это чрезвычайно одарённый, деятельный человек, высокой культуры и широкой эрудиции. Геннадий Иванович руководил обсерваторией с 1992 по 2015 гг.



*Геннадий Иванович Пинигин*

Его основные научные интересы связаны с вопросами изучения оптимальных конструкций и создания новых меридианных телескопов для наземных определений координат небесных объектов. В работе Николаевской обсерватории Геннадий Иванович также руководил астрономическим приборостроением, и надо отметить, что наши сотрудники добились в этом значительных успехов. В 1995 году в НАО был создан новый автоматический телескоп конструкции Г. И. Пинигина – аксиальный меридианный круг, который в 1999 г. был внесён в список объектов национального достояния Украины.

Под руководством Г. И. Пинигина широко развернулось международное сотрудничество с астрономическими обсерваториями КНР, Франции, России, Турции и других стран по уточнению связи между радио- и оптической опорными системами координат, созданию высокоточного сводного каталога в



избранных площадках небесной сферы, по наблюдениям и определениям масс избранных астероидов. Г. И. Пинигин был членом Международного астрономического союза (1979), Европейского астрономического общества (1986), Украинской астрономической ассоциации (1993), Евроазиатского астрономического общества (1994). В 1986–2001 гг. – член учёного совета Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР (ныне Главная астрономическая обсерватория РАН), с 2000 г. – член специализированного совета Главной астрономической обсерватории Национальной Академии наук Украины. В 1985–1991 гг., 1994–2000 гг. входил в состав организационного комитета комиссии Международного астрономического союза. Г. И. Пинигин избирался заместителем председателя, затем членом экспертного совета по астрономии Министерства образования и науки Украины, входил в состав правления Евроазиатского астрономического общества.

Множество наград венчает деятельность этого замечательного человека. И, конечно, по праву его имя занимает место на карте звёздного неба.

## Калиненко

В созвездии Овна в 2003 году студенты Николаевского пединститута в вузовский телескоп наблюдали отражённый солнечный свет малой планеты «Калиненко». Человек с такой фамилией – профессор Н. Д. Калиненко (1924–1996) – был до фанатизма предан астрономии. Никифор Дмитриевич создал лучшую в СССР институтскую учебно-лабораторную базу, на личные средства приобрёл приборы, вместе с учениками построил обсерваторию, собрал 700-миллиметровый рефлектор. Обсерватория высшего учебного заведения позволяет проводить достаточно серьёзные научные исследования. Здесь фотографировали спутники Марса, комету Беннета, в разное время наблюдали кометы Галлея, Остина, Мюллера, Хейла-Боппа. Кроме высокой образованности, энциклопедических знаний в своей области, Н. Калиненко имел инженерные способности, которые помогали ему создавать приборы, не имеющие аналогов в мире. Этот замечательный человек оставил своим последователям уникальную материально-техническую базу и учебно-методический комплекс. По инициативе профессора в пединституте была открыта новая специальность для подготовки школьных учителей физики и астрономии. В 70-е годы таких специалистов готовили только классические университеты. В 1996 г. астрономической обсерватории ННУ было присвоено имя профессора Н. Д. Калиненко. За преданность профессии, воспитание нескольких поколений школьных учителей физики и астрономии, вклад в науку Крымское астрономическое общество назвало его именем малую планету № 12978.



*Никифор Дмитриевич  
Калиненко*



*Клим Иванович  
Чурюмов*

## Чурюмов

Малая планета с таким названием, открытая 8 августа 1978 года, также несёт информацию о нашем земляке. Клим Чурюмов – известный украинский астроном, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, действительный член Нью-Йоркской академии, родился в Николаеве в 1937 году.

В 1960 году после окончания физического факультета университета им. Т. Г. Шевченко он был направлен на полярную геофизическую станцию в бухте Тикси Якутской АССР. Там исследовал полярные сияния, земные токи и ионосферу. Наблюдал за кометами на загородной станции Киевского университета в селе Лесники и в астрономических экспедициях в высокогорные районы Средней Азии, Кавказа, в Сибирь, Приморский край, на Чукотку и Камчатку.

Клим Чурюмов стал знаменитым на весь мир благодаря открытию кометы в 1969 году. Эту комету он открыл совместно с астроно-



*К. И. Чурюмов с макетом кометы*



*Моделирование: «Комета Чурюмова»  
на фоне Лос-Анджелеса*

мом Светланы Герасименко, и названа она была их именами. Из более пяти тысяч известных комет именно комета Чурюмова-Герасименко в 2003 году была выбрана для поистине фантастического проекта «Rosetta». Это первая в истории комета, на которую был послан космический аппарат и провёл на ней исследования. К. Чурюмов был одержим целью дожить до того дня, когда корабль встретится с этим небесным телом. Этот беспрецедентный проект длился долгие 12 лет (только полёт к комете занял у корабля «Розетта» целое десятилетие) и обошёлся Европейскому космическому агентству в астрономическую сумму – полтора миллиарда евро. Межпланетный зонд «Розетта» («Rosetta») был выведен в космос ещё в марте 2004 года с космодрома Куру во Франции. Достиг кометы только в 2014 году, и отделившийся от зонда спускаемый аппарат выполнил успешную посадку на её поверхность. Завершился проект «Розетта» осенью 2016 г., а через две недели после этого, 15 октября 2016 г., Клим Чурюмов умер. Как будто судьба распорядилась считать его земную миссию выполненной. Вот такое мистическое совпадение.

## «Владичайка»

И, конечно же, нужно многое сказать о Николаевском городском голове Владимире Чайке (1948–2013), именем которого названа малая планета. Её открыла в 1978 году крымский астроном Людмила Черных. Харизматичный, активный и общительный «поющий мэ́р» Николаева пользовался любовью и популярностью у горожан. Владимир Дмитриевич Чайка был частым гостем Николаевской обсерватории, всячески её опекал, оказывал моральную поддержку научным сотрудникам.



*Владимир Дмитриевич  
Чайка*

Он был успешным политиком и хозяйственником, двенадцать лет руководил городским советом, четырежды избирался на эту должность. Он не боялся фотокамер, вопросов журналистов, любил и развивал в городе спорт и науку. Понимая, что шагать в будущее, не цenia прошлое, невозможно, многое сделал, чтобы сохранить Николаевскую обсерваторию как объект астрономического наследия. Он поддерживал связь с представителем династии Струве – парижанином Никитой Струве, зарубежными потомками Кнорре, они неоднократно бывали Николаеве. Осенью 2010 года Чайка радушно встречал 15 человек из Германии (Эрик фон Кнорре и др.), посетивших наш город с целью изучения наследия предков. В свидетельстве о присвоении имени «Владичайка» малой планете № 10459 её первооткрыватель Л. И. Черных написала так: «Названа в честь Владимира Дмитриевича Чайки, инженера-кораблестроителя, кандидата технических наук. Он внёс большой вклад в развитие экономики и науки, культуры и спорта в городе Николаеве».

**«Вышеславия»**

*Леонид Николаевич  
Вышеславский*

24 сентября 1979 года произошло событие, о котором сразу же сообщили многие газеты. В Крымской астрофизической обсерватории была открыта новая малая планета Солнечной системы – астероид 2953. Первооткрыватель – кандидат физико-математических наук Н. С. Черных. Среднее расстояние планеты от Солнца – 423 млн км. Период обращения вокруг Солнца – 4 года и 9 месяцев. Поперечник планеты – 14 км. В почётном свидетельстве академии наук сказано, что малая планета получила название «Вышеславия» в честь известного советского поэта Л. Н. Вышеславского – автора «Звёздных сонетов» и книги лирики «Близкая звезда», удостоенной Государственной премии Украины им. Т. Шевченко. Название астероида утверждено в США Центром по малым планетам (Смитсоновская обсерватория).

*Звёзды светят нам из бездны стынущей,  
Звездопадом полыхают в августе,  
Только нам неведом вид их нынешний:  
Этот свет их – свет давнейшей давности.  
С миллионнолетним опозданием  
К нам он шёл сквозь огненное крошево, –  
Множество зрачков у мироздания,  
Но они глядят на нас из прошлого...*

Это строки Леонида Вышеславского. Он родился в Николаеве в 1914 г., был знаком с великими учёными, читал свои стихи Нильсу Бору и академику Ландау, восторженно воспринял полёт в космос Ю. А. Гагарина. Кстати, Юрий Гагарин знал наизусть стихи Вышеславского, читал их на вечерах в лётном училище. В лирике нашего земляка большое место занимают философские мотивы, раздумья «о времени и о себе», стремление осмыслить сущность XX века и понять духовный мир современника. Леонид Николаевич сохранил трепетное чувство любви к своей малой родине. В 2000 году он издал книгу стихов о родном городе, она называется «Николаевская колыбель».

Мы гордимся тем, что в космическом венке малых планет есть имена наших земляков и название нашего города. В отличие от земных названий, имена малых планет не пересматриваются и не отменяются. Они не подвержены влиянию времени и смене идеологий и смогут многое рассказать будущим поколениям о нас и нашей эпохе.

*Лариса Янишевская, зав. научно-технической библиотекой Николаевской астрономической обсерватории.*

Вячеслав КУЛАКОВ



## ДВОЕ В КРЫМУ

По поводу ландшафтной памяти украинцев

*Дочь Урана и Геи – Мнемозина – даёт людям то, без чего нет человека, – память. За это она требует: постоянно напоминай себе о самом себе, ибо, забыв, кто ты есть, не сможешь уже вспомнить, зачем ты есть.*

Кто-то может сказать о своих предках, что они проливали кровь на поле битвы, кто-то увидит своё имя на древнем гербе, а кто-то вдруг вспомнит, что его предки пасли скот по всей Тавриде и таврийская степь, а не лес и не горы, делала его существование на земле комфортным, а море, что рядом со степью, дало ему возможность и силы общаться с миром и жить в цивилизации, предложенной Богом или запрограммированной Универсумом. Это и есть особенность общей памяти. Таким способом «пишется» неформальная версия общей истории о самих себе: история, в которой изображено каждого и где каждый имеет возможность изображать других. И где эта процедура продолжается вечно, поскольку воспоминания индивидуумов общности людей, именуемой нацией, в значительной мере есть совместными, потому как нация и есть совместный проект на будущее – хорошенько запомни, что я тебе сказала!.. Но именно это и затрудняет ситуацию, при которой, называя общность нацией, а значит, опираясь на других по праву территории, вы, люди, должны решать, можно ли и насколько доверять конкретной личности в моменты наибольших напряжений всех. Для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом личная память поддерживается, а память групп передаётся следующим поколениям, я предлагаю каждому иметь свой аргумент относительно того, как общества помнят.

Я – гуманистический интерпретатор. Я даю людям то, без чего универсалия «ландшафт» не будет полной, а значит, и гармоничной. За это я требую: постоянно напоминай себе, что ландшафт как «поверхность», которая окружает тебя всегда и есть везде, соизмеряем онтически как данность самой природы и экзистенциально – когда он формирует твоё чувство доверия к миру или дискомфорта в нём. Ландшафт – или близкий друг, или отъявленный враг. На дружеской «поверхности» человеку легко, на вражеской – тошно. Человек идентифицируется нацией, ландшафт – местом. Ландшафт без понятия места не человечен. Человек вне нации исчезает с ландшафтной «поверхности». Принадлежность к определённой нации даёт ему право искать свой комфорт на определённой территории. У него также есть право самоопределиваться, к какой нации он себя относит. Но нации не будет, если нет территории. Территория как земная реалья определяется ландшафтом, и он, вмещающий человека, соизволяет ему вмешиваться в свою структуру. Он является той жертвенной чашей, которая говорит о волеизъявлении земли, через ландшафт предьявляющей свои претензии, свою «поверхность». Это волеизъявление преследует человека в каждой точке геопространства, в каждый момент его бытия.



В этом и состоит сущность «ландшафтности» человеческой жизни, суть ландшафта как очеловечивания бытия.

Человек вне нации бессмысленен, как и национальный ландшафт бессмысленен без человека. Моя задача состоит в том, чтобы человек, воспринимающий образы в художественной форме, смог осмыслить сущность национального ландшафта. Для этого я объединяю усилия музы-памяти и учёного-специалиста, чтобы через реалии 2001 года (заметки о путешествии по украинскому Крыму) приблизиться к искомому образу.

## О первых впечатлениях

...Жена моя Наташа с интересом отслеживала «картинки из жизни», мелькающие за окном троллейбуса, с каждой минутой приближающего нас к морю. «Смотри, оказывается, татары хорошо здесь обустроиваются, недаром они «крымские», – и действительно, обратил я внимание: недостроенных до полного «о`кей» крымчацких домостроений оказывалось в каждом селении немало. Впереди нас сидел татарский парнишка призывного возраста – непоседливый и о-о-чень деловой; он всю дорогу делился своими видами на урожай лука в этом году и... редиски в следующем. А Наташа прислушивалась. Ей было реально интересно. У неё даже мигрень прошла, а такое, без таблеток, случается редко. Откуда у неё эта «вялотекущая татарофилия»? Не нахожу ничего предосудительного в таком... тёплом отношении к автохтонам.

Мы медленно карабкались по взгорью, ожидая смены ландшафтов. Горы, возникшие на западе, нас, родом из Николаева и мыслящих горизонтальными перспективами степняков, поразили величием. Вдаль убегала дорога на Судак, а внизу лежала Алушта и 9 км непрерывного скатывания перед этим. И вдруг... оно появилось сразу, внезапно – море, слитое с небом, никакого тебе перехода, никаких полутонов, рраз – и всё: словно одно дитя одной матери-природы, всё в полудымке и безо всякого движения.

Я отметил про себя эту климатическую сингулярность Крыма: едино-статичное-едва-заметное колыхание моря и квази-неподвижную – в преддверии барического перепада – серость (не голубизну!) неба. Хотя нет: небо было голубым, также и в движении, по большому счёту, чаще всего, но – «на меже» с морем оно сдерживало невидимой преградой и шевеление белых, безвредных для погоды, облачков, в образном восприятии сероватых, и подозрительное «насувания» тёмно-серых влагонесущих кумулюсов (кучевых, потенциально дождевых).

Миновав Алушту, трудно оторвать глаз от окна: ландшафт всё время меняется, а сама дорога извилиста – и потому всё время ждёшь ракурса, открывающего «вид на море». Я задаю себе вопрос: а



Крымский троллейбус

почему вид моря так важен; он что – входит в перечень обязательных идеальных ценностей в жизни человека; без него – никак нельзя, «комплекс неполноценности» съедает, «зигзуги в сторону» досаждают, «запор мыслей» начинается? И сам же отвечаю: без моря можешь ты прожить, но вот без вида на него жизнь будет пресной. А что: не Анахарсис – да уж, но на экзерсис, думаю, потянет.

Всё-таки море должно шлёпаться волнами о берег, а не наслаивать его бризом; утром смотришь – словно щенок молоко лижет. В отличие от прошлого раза – когда я вообще не помню дня, чтобы видеть море спокойным, а всё больше с нарастающими к обеду бурунами, а к вечеру так вообще устанавливался шторм, и с тех пор наивно полагал, что морским простором называют лишь вечные волны (намерения), которые, возносясь к небу барашками (желаниями), накрывают тебя с головой (надеждами), и не дают устоять на дне (заякориться), и уносят от пляжа (дома) прочь; в этом смысле Одиссей-странник не одинок: море было спокойным – штилевым.

И тут случилась встреча, которая... хотя – разве не такими «случайными» встречами и полнится наш скучный мир, именно таких «несподиванных зустричей», ярких коммуникаций, чего-то такого запоминающегося исподволь мы ожидали. Тропа, на которую мы ступили, вела через заросли к обитаемым «опушкам» и, забираясь наверх дальше, приводила к той опасно нависающей над дорогой скале, которую обжили экстремалы, а некоторые разбиваются здесь насмерть. «Горой Кошкой» называют эту скалу местные. Дорога внизу, извилистая и узкая, ведёт из окраины Симеиза в Кацавели – посёлок, жители которого ведут разговор с Космосом; это там, где высятся, если ты помнишь, шаровидные антенны, прямо из моря торчат, а ещё – огромных размеров телескоп, который медленно-медленно крутится, и перманентная эта «вертуга» означает, что жизнь посёлка с грузинским названием связана с космическим пространством, а море для них вторично. Но не вторичны родственники, «на лето» наезжающие, от которых постоянная головная боль: их непросто выгнать – поэтому летняя жизнь академических людей проходит в крайней тесноте. На тропе, что убедила нас отличной от других тропинок шириной и мы выбрали её, возникла фигура женщины, навстречу идущей. И вот мы сближаемся, и встреча неизбежна. «Добрый день» «Добрый...» «Хорошая нынче погода» «Да уж...» «А вы куда идёте?» «А вы куда?..» «А я переночевать – куда-нибудь на природу» «И мы...» «А давайте вместе?» «Давайте...» Интересно!

«...А не хочет ли, случайно, милая барышня совместно переночевать где-то на скрытой поляне горного Голубого залива?..» Надо сказать, что живописное предгорье одного из наполовину заповедных, а наполовину «для всех» уголков ЮБК сплошь залесено – спрятаться нам «ото всех» труда не составит. Молодая женщина с радостью согласилась: «Наташа, – протянула она ручку маме, – из Полтавы». Понятно, что другая Наташа, из Николаева, в ответ улыбнулась.

### «Вот послушай мои географические измышления...»

Я тебе [в своих заметках я обращаюсь к сыну. – В. К.] точно говорю: «на каждом повороте» путешествия нам благоприятствовала сама территория, ландшафтный Бог, что её опекает. И я обращаюсь к тебе как к философу, как к будущему магистру: этот Бог нам «даёт добро» – всюду на своей территории, потому что я разгадал, мне кажется, одну из очень важных тайн земного мироздания.

Сама земля, или лучше сказать «край», «land» – то, что окружает человека в течение его жизни, что подпитывает его жизнь, как говорят, «своими соками», влияет на человека таким образом, что заставляет подчиняться внутренним «законам», другими словами: открывает перед ним строго определённые ментальные горизонты. Эта «земля», «край», «land» становится субъектом и начинает продуцировать идеальные смыслы: ценности, символы, значения, перспективы, проекты. Эта земля уже не земля, а... геобраз. Познаваемость геобразно воспринятой реальности зиждется на том, что ландшафт (в широком смысле) вбирает в себя человеческие смыслы, ценности и цели. Более того, ландшафт как полноправный субъект бытия экстраполирует эти смыслы, ценности на человека, покладая во главу угла его решений и действий определённые обязанности думать и решать и, соответственно, действовать именно так, а не иначе, а сам ландшафт становится культурным – ментальным вместилищем бытия человека («ландшафтным Богом», по определению).

Культурный ландшафт – это материальная человеко-природная целостность, отображённая в геобразном виде, по существу – идеальном (то есть за действительностью, что воспринимается как явленная «вживе»), стоит вторичный, когнитивно-конструктивный смысл: идея, например, нации). Геобразы культурных ландшафтов, что представлены объективно, но субъективно трактованы



(а мы уже знаем, что и сам ландшафт часто выступает в жизни человека как субъект), придают содержание исходящим от «самой земли» ценностям. Эти ценности (идеально отображённые) материально обогащаются благодаря геокультуре и унаследуются человеком. Сложность, загадочность, одновременно – согласованность и пространственность ландшафтов полуострова и составляют суть географического феномена Крыма. Как географический феномен (а Украина – это чётко прослеживаемый зональный строй геопространственных феноменов), он становится неотъемлемой частью национальной идеи и принимает социальную форму государства, сущностно украинского.

А всё потому, что закономерности восприятия ландшафтов всюду одни и те же: содержание, которое люди вкладывают в понятие ландшафта и региона, сказывается на восприятии конкретных ландшафтов и регионов; когнитивная оценка человеком образов ландшафтов (геообразов) влияет на восприятие им региона, в котором эти ландшафты выступают уже как идеально обоснованная перцепция («Крым – украинская территория») и становятся выразителем одной из ментальных черт.

Ведь место на планете, занимаемое одним государством, представляет собой определённое единство, а граждане этой территории-государства являются, по определению Аристотеля, общинниками (κοινῶν) этого государства. Немалые преимущества имеет тот способ пользования территорией, который освящён обычаями автохтонов, в случае Крыма – крымских татар, и упорядочен законами этой страны – Украины, а не навязан приезжими извне русскими (это могли быть, скажем, турки, но полуостров присвоили русские, хотя формально он принадлежит Украине). Иначе территория как субъект геореалий (совокупность только ей присущих ландшафтных комплексов) проиграет, а проигравший субъект – как территория без вмещающего для нации ландшафта – хиреет и умирает.

Такова преамбула. Теоретические нюансы того, что хочу конкретизировать. Вот та Наташа, что из Полтавы, что на некоторое время составила нам компанию, она посещает Крым как украинка, она пронизана фибрами геокультурного образа историко-культурного ландшафтного ресурса территории. Крым для неё такая же Украина, как Миргород, Киев, Одесса или Франковск. За её ментальными горизонтами кроется национальное самосознание украинки. Она не мыслит научно-рефлексивно, но разговаривает и действует в Крыму как хозяйка: это её земля, она слита с ней. Вот тот татарский юноша, гордо заявляющий о себе как предприниматель, – он тоже украинец. Идея нации (Украины) в нём первична (хоть и ощущает он себя татаринoм-крымчаком), потому что в его случае произошла реализация антропических соотношений и реалий, заложенных в ландшафте, а это, напомним: этнокультурные (переходящие в нациетворческие), мемориальные, духовные.

А всё почему? Потому что человек переживает целостно: как личное бытие – онтически; как одинокое существование в общем существовании – экзистенциально. Однако в этой природной целостности рассеяны феномены – приметы гуманистического ресурса ландшафтов. Одна из них – способность влиять на человека в его национальной идентификации. Татарский мальчик – априори крымчак. Он же ощущает себя украинцем в понимании государство-нация. Его этнические корни несколько не мешают ему чувствовать себя украинцем, потому что через свой личный (и предыдущий, этносодержательный) опыт он понимает и оценивает феноменальность своего прожития-в-ландшафте именно так. И мы с Наташей ощущаем себя в Крыму по-украински: с достоинством, трепетностью и бережливостью по отношению к этому геопространству. А многие из тех, с которыми мы столкнулись, – чужие. Это сказывалось по разговорам, поведению, по отношению к себе и к другим – по отношению к земле, на которой они временно находятся, тоже... Это сказывались «ихние» (чужие) ментальные черты. Русские, приезжающие как туристы-рекреанты, и русские-здесь-живущие, – разные люди. Первые, судя по своим ментальным горизонтам, принадлежат к российской нации, и земля эта для них чужая; вторые, сросшиеся с ландшафтом, – украинцы (их ментальные горизонты следует рассматривать в плоскости рассмотренных ландшафтных категорий), и Россия как нациетворческий субъект для них чужда. Они – не россияне. Они украинцы с русскими фамилиями. Они – вместе с крымскими татарами – входят в тело украинской state-nation.

## Post scriptum

Я интуитивно коснулся щепетильной стороны национального вопроса, потому что уверен: ландшафтный бог Крыма (genii loci: «дух местности» у древних), заранее предназначающий удачу, приветствует такие воззрения, хочет и дальше видеть нас, украинцев, в своих владениях.



105 лет со дня рождения

Марк ЛИСЯНСКИЙ

## ПО ВЕЧНО ЗЕЛЕНЕЮЩЕМУ СЛЕДУ

### КОРАБЕЛЫ

Над лиманом парус белый  
И акации в снегу.  
Вижу город корабелов  
На высоком берегу.

Корабелы, корабелы,  
Снова я в семье родной.  
Парус белый, белый, белый –  
Надо мной!

Под мостом Ингул струится,  
Корабли качает Буг...  
Дай воды твоей напиться,  
Я твой сын, и я твой друг!

Ты мне был родным порогом,  
Первым городом любви.  
И по всем морским дорогам  
Корабли идут твои.

С каждым годом ты всё ближе,  
Мой причал и мой привал.  
Я и в городе Париже  
Николаев вспоминал.

Корабелы, корабелы,  
Снова я в семье родной.  
Парус белый, белый, белый –  
Надо мной!

\* \* \*

Город над Ингулом и над Бугом,  
Отражённый с трёх сторон водой,  
Ты мне оставался верным другом  
Под холодной северной звездой.  
Словно в детстве, твой прибой встречаю  
И кричу сквозь орудийный гром:  
«Здравствуй, здравствуй, город Николаев!  
Ты нас ждал, и мы к тебе идём!»

Я кричу и вижу, будто в сказке,  
За рекою первый твой квартал...  
Узнаёшь ли голос мой солдатский?  
Ты его мальчишеским звал.

СОБОРНА ВУЛИЦА 1-2 • 2018



Лисянский Марк Самойлович. Родился 13 января 1913 года в Одессе. Детские и юношеские годы поэта прошли в Николаеве, где он закончил среднюю школу. Первые стихи были напечатаны в газете «Красный Николаев» (1924). В 1929–1932 гг. работал в меднокотельном цехе Николаевского судостроительного завода. Окончил Московский институт журналистики (1934). Работал в редакциях областных газет г. Иваново, Ярославля и других городов. Первый сборник стихов «Берег» вышел в 1940 г. в Ярославле. В первые дни Великой Отечественной войны ушёл на фронт добровольцем, был редактором дивизионной газеты «В бой за Отчизну», специальным корреспондентом армейских и фронтовых газет. Стихи военных лет вошли в сборники «Моя земля» (1942), «Фронтная весна» (1942), «От имени Чёрного моря» (1947). Автор тридцати поэтических сборников и слов многочисленных известных советских песен. Награждён многими орденами и медалями. Почётный гражданин г. Николаева (1988). Умер 30 августа 1993 г. в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.



Есть у всех незаменимый город,  
Есть незаменимые друзья.  
Город свой нельзя оставить в горе,  
Так с друзьями поступать нельзя.

Николаев, боль моя живая,  
Может, день остался, может, час,  
Чтобы ты, сквозь слёзы улыбаясь,  
Встретил под акациями нас.

### УТЕШЕНИЕ

Затихает наша улица  
В предвечерний час.  
Всё на свете образуется –  
Уверяю вас.  
Ночь надвинется тревожная,  
Завершится год.  
Может, встреча невозможная  
Завтра утром ждёт.  
Надо верить и надеяться,  
Не туманя глаз.  
Всё на свете перемелется –  
Уверяю вас.  
Только жили б жизнью прежнюю,  
Зажигая кровь,  
Вера рядышком с Надеждою  
Да ещё Любовь.  
Лишь была бы эта троица  
С нами каждый раз,  
Всё на свете успокоится –  
Уверяю вас.

### ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осенние листья шумят и шумят в саду,  
Знакомой тропой я рядом с тобой иду.  
И счастлив лишь тот, в ком сердце поёт,  
С кем рядом любимый идёт.

Пусть годы проходят, живёт на земле любовь,  
И там, где расстались, мы встретились нынче вновь.  
Сильнее разлук тепло твоих рук,  
Мой верный, единственный друг.

В саду опустевшем тропа далеко видна,  
И осень прекрасна, когда на душе весна.  
Пусть годы летят, но светится взгляд,  
И листья над нами шумят.

### СТИХИ О МЕСТНОЙ СЛАВЕ

В нашем городе, где я считался известным поэтом,  
 Все газеты охотно стихи помещали мои.  
 Все знакомые и незнакомые знали об этом,  
 И об этом мне пели все ветры и все соловьи.

Мне казался наш город Москвой, и Парижем, и Римом,  
 Я шагал по Сенной – и смотрели мне девушки вслед.  
 И акации белые мне, проходящему мимо,  
 С двух сторон подступая, чуть слышно шептали: поэт.

Мной соседи гордились, и руку мне грузчики жали,  
 Те, что вместе с отцом разгружали в порту корабли,  
 Мои слабые строчки они занесли на скрижали  
 И меня над Сенной, над землёй высоко вознесли.

Мной гордилась и мама моя, бескорыстно и тайно,  
 Из газет вырезала стихи и хранила в альбоме своём.  
 Я об этом узнал от сестры совершенно случайно,  
 Через множество лет возвратившись в родительский дом.

Неказистого парня красавица вдруг полюбила,  
 За стихи полюбила бродягу, упрянца, осла...  
 Провинциальная слава меня погубила,  
 Провинциальная слава меня же спасла.

\* \* \*

Память – это государство,  
 Это наш бесценный край,  
 Где звучит впервые «здравствуй!»  
 И в последний раз – «прощай!»  
 Здесь нам дышится привольно,  
 Здесь шагаем далеко.  
 Если больно, так уж больно,  
 А легко – так уж легко.  
 Память – это Николаев,  
 Это берег, это дом,  
 Хоть давно в нём не живём,  
 Никогда не забываем.  
 Вижу Ржев и бой последний,  
 Флаг, взлетевший высоко...  
 Пал в тот день Семён Собко,  
 Друг мой двадцатидвухлетний.  
 Память – это наша встреча,  
 Где разлук, по сути, нет,  
 Это самый первый вечер  
 И сегодняшний рассвет.  
 Ничего не позабыло  
 Сердце, где и долг, и честь.  
 Память – это то, что есть,  
 А совсем не то, что было.

**ПЕРВЫЕ МОЗОЛИ***А. Лавуту*

Гудит гудок. Я на пороге дома.  
Трубит, зовёт гудок. Меня зовёт!  
И я иду по улице знакомой  
На мой судостроительный завод.

Два океанских якоря у входа.  
Осталось четверть часа до семи.  
Идут, идут работники завода,  
Как будто братья из одной семьи.

Мы почитали за большое счастье,  
Когда в цеху кого-нибудь из нас  
Улыбкой дружелюбной встретит мастер  
И скажет: «Добрый день, рабочий класс!»

Я начинал работать раньше смены,  
Зажав болванку накрепко в тиски,  
И по зубилу бил самозабвенно,  
И кровь сочилась из моей руки.

Меня бросало в жар, меня знобило,  
Но я не успокоился, пока  
Не научился с бесшабашной силой  
С размаху бить, не глядя на зубило,  
И попадать в него наверняка.

В ладони молоток сжимал до боли  
И был безмерно счастлив, горд и рад,  
С волнением ощущая, как мозоли  
На собственной руке огнём горят.

Не зря же, одолев своё смущенье,  
Как бы взойдя на новый перевал,  
Я сочинил в обед стихотворенье  
И Первыми мозолями назвал.

Наверно, в нём была такая сила,  
Такой кипел в душе моей порыв,  
Что стих многотиражка поместила,  
Всего четыре строчки сократив.

Большой завод мне домом стал родимым,  
Я рос в его отеческом тепле,  
Я чувствовал себя необходимым,  
Рабочим человеком на земле!

**МОЙ ГОРОД**

Ни стука, ни скрипа, ни лая,  
Утихла ночная листва.  
Дышу я тобой, Николаев,  
Мне даже не снится Москва.

Шагаю той ночью бессонной –  
Ещё мне шестнадцати нет, –  
На улице нашей зелёной  
Я признанный всеми поэт.

Иду Адмиральской от друга  
Сквозь город, который уснул.  
И тянет прохладой с Буга,  
И плещется рядом Ингул.

Сквозь сумрак акаций по Спасской  
Я путь продолжаю к Сенной.  
И город мне кажется сказкой,  
Недавно придуманной мной.

Теперь-то, конечно, я знаю,  
Не знал, оперившись едва:  
Признал бы меня Николаев,  
Признает тогда и Москва.

Ту ночь не вернуть. Только эхо.  
Но, веря былым чудесам,  
Я в мой Николаев приехал  
К моим уцелевшим друзьям.

Всё было: разлуки и встречи.  
Душа, не кричи – помолчи!..  
Мне город набросил на плечи  
Накидку из жёлтой парчи.

Пылают осенние краски,  
Я вижу весь город насквозь.  
На то и придуманы сказки,  
Чтоб легче на свете жилось.

**Я ПРИЕЗЖАЮ В ГОРОД НИКОЛАЕВ**

Я приезжаю в город Николаев,  
Иду один по улице Сенной.  
Со мною шум акаций, звон трамваев,  
Но молодости нет уже со мной.

Ах, жизнь, твои пути необратимы,  
Но нам они и в смертный час видны.  
Я приезжаю к другу-побратиму,  
Он не вернулся до сих пор с войны.



Я приезжаю в собственное детство,  
Которого по всем приметам нет,  
Я приезжаю в милое соседство  
Девчонки, чей давно затерян след.

Как медлит поезд пассажирский, скорый!  
Как устарели нынче поезда!..  
Я приезжаю к матери, которой  
Нет и не будет больше никогда.

И всё-таки я еду, еду, еду,  
И всё-таки спешу, спешу, спешу  
По вечно зеленеющему следу –  
Пока живу, пока дышу!

### **Я СЛАВЛЮ ЖИЗНЬ**

Такая уж моя планида:  
Я славлю жизнь, в которой есть  
И боль, и горе, и обида,  
И смерть... Всего не перечесать!

Не перечесать, да и не надо,  
Я, повторяясь, говорю,  
Что жизнь – великая награда,  
И жизнь за жизнь благодарю.

Не за пустые украшения,  
Им, даже ценным, – грош цена,  
А за большие утешенья,  
Которыми она полна.

За то, что начал я с зубила,  
А кончил одой кораблю,  
За то, что ты меня любила,  
За то, что я тебя люблю.

За то, что, не меняя галса,  
Я плыл сквозь ночь,  
Я шёл сквозь дым,  
За то, что был я молодым,  
За то, что я живым остался.



Сергій ЦУШКО

## МІЖ КВІТІВ І ТРАВИ

\* \* \*

Метке дитинство недаремно  
 пройшло між квітів і трави –  
 до них я і сьогодні чемно  
 звертаюся лише на «ви».

Рівня за досвідом і зростом  
 (усі наївні і малі!),  
 жили ми приязно і просто  
 на доброзичливій землі.

Мої дбайливі повитухи  
 думки давали і слова –  
 неспішна степова Синюха  
 й подільська лагідна Іква.

Пройшли роки. В асфальт коріння  
 втискаю, щоб лишити слід,  
 забувши давнє, мудре вміння  
 так жити, як трава і цвіт.

Та часом вітерець знайомий  
 запаморочливо війне –  
 то у віночку польовому  
 моє дитинство зве мене.

\* \* \*

Я пташку в клітці не тримаю –  
 адже вони такі, як ми:  
 коли їм радісно – співають,  
 коли їм сумно – замовкають  
 і в щасті змахують крильми.

Хай ти – людина, я – людина,  
 та пам'ятаймо повсякчас:  
 окрилена душа пташина –  
 синиччина чи солов'їна –  
 живе у кожному із нас.

Коли ж ти інших гнеш уперто  
 і жодну пісню не зложив,  
 коли в душі у тебе мертво –  
 тоді ти сам і кат, і жертва,  
 бо Птаха у собі убив.



Цушко Сергій Вікторович. Поет, прозаїк, перекладач. Народився 21.07.1945 року в с. Лиса Гора Первомайського району Миколаївської області. Закінчив факультет автоматики та електроприладобудування Київського політехнічного інституту (1969). Працював наладчиком систем автоматизації (1969–1997), журналістом (1997–2000). Із 2001-го по 2013-й був редактором Університетського видавництва ПУЛЬСАРИ (Київ). Автор збірок поезії: «Внутрішні монологи» (1993), «Слово» (1994), «Хор» (2004), «Закоханий мандрівець» (2007), «Мій майдан» (2007), «Сонце осені» (2010), «Грамматика життя» (2013), «Один із вас» (вибрані поезії, 2014). Пише для дітей. Перекладає з білоруської, литовської, польської, вірменської мов. Новели й оповідання публікувалися в періодичній пресі. Автор пісень на свої вірші й тексти інших поетів. Член Національної спілки письменників України.



\* \* \*

Очима п'ю облич настої  
в одвічнім пошуку краси –  
так хочеться води живої  
і життєдайної роси!  
Так хочеться щодня відкрити  
джерелець сонячний потік  
і доброзичливо радіти  
прозорості озер та рік.  
Яка оманлива й фатальна,  
вся із надій та протиріч,  
вразлива, ніжна і – безжальна  
ця екологія облич.  
І як багато, як багато  
душ, що конають у багні, –  
то спровокована розплата  
за роки рабства і брехні.  
Та як немало, як немало  
залежить все-таки від нас,  
щоб наші лица розквітали  
без запозичених прикрас.  
І щоб не жертвенною кров'ю,  
яку ми ллемо стільки літ,  
а богоданою любов'ю  
красу нам повернути в світ.

\* \* \*

Забудь. Забудь – і не питай нічого.  
Я все одно тобі не відповім,  
бо не стрічав ні Істини, ні Бога  
поміж людей у світі черствім й злім.  
Знаходив їх у гнаних і блаженних,  
в очах читав – так рідко, спрагло так –  
сумних, але й просвітлено-натхненних,  
як докір, заклик, найпевніший знак,  
що є вони.  
В зневіреному світі  
у натовпі бредуть одинаки,  
можливо, задля однієї миті,  
що сенс життя осяє на віки.

\* \* \*

На багатолюдному торгівниці  
звів капличку  
і в ній молюся іконі Слова.  
Ось-ось почую  
тихе відлуння –  
вигнати б лише псевдожерців  
та лукавих служок...

\* \* \*

Жінка дивиться в дзеркало –  
і бачить себе маленькою дівчинкою.  
Жінка дивиться в дзеркало –  
і роздивляється в ньому квітучу юнку.  
Жінка дивиться в дзеркало –  
і любить зрілою красою.

Одного лише вона не помічає:  
що дівчинка давно виросла,  
цвіт юності весь осипався,  
а зрілий плід ось-ось упаде.

Та навіщо їй це знати?  
Адже дзеркала існують для того,  
щоб жінки у них завше бачили  
своє сонячне дитинство,  
легкокрилу юність  
і повнозрілу мудрість.

### СТАРИЙ БУДИНОК

Він ще живий. У п'яті ночі  
ще племін жевріє в душі.  
Але уже на нього точать  
бульдозери свої ковші.  
Допоки не настав світанок  
і страти невблаганна мить,  
своє життя він наостанок  
ще подумки перебіжить.  
Не проклинатиме нікого.  
І тільки щастя одного  
всю ніч проситиме у Бога  
для тих, що зрадили його.

### ОМЕЛА

Ніжно викине цвіт мозолястий садок,  
і в надії благодатну годину  
до пори замаскується серед гілок  
омела – як безжальна пухлина.  
Мов стоустий вампір тихо п'є чийсь кров –  
вічний пристосуванець жорстокий  
у довірливих і працьовитих дібров  
безупинно смоктатиме соки.  
Переможно повзе від села до села  
і займає все вищі посади.  
У садах омела й поміж нас омела  
на гілках звироднілої влади.



\* \* \*

*Дмитрові Павличку*

Пусте – портрети, тиражі  
і сцени тернова оправа:  
гірка й самотня наша справа,  
ми тому натовпу чужі,  
що прагне хліба і видовищ,  
що вище плоту не злетить  
і щастя крихітку спішить  
урвати в метушні торговищ.

А ми по келіях німих  
запалим кожен свою свічку  
і рознуртуємо нічку  
вогнями помислів живих.  
Плече ладнаєм нелукаво  
під хрест із віри і вини,  
щоб завтра чути: «Розіпни!»  
й приглушене відлуння: «Слава!»

### **СЛУХАЮЧИ СОЛОВЕЙКА**

П'ять грамів гарячої плоті –  
а пісня дзвенить на весь світ.  
Куди йому до кашалотів,  
та тим і не снівся політ.  
Однаково – в лісі чи в місті,  
закони природи одні.  
Ти кажеш: вага у суспільстві,  
а де твої справи й пісні?..

### **МЕЖА**

Все частіше стою на межі,  
хіба ж раз не перейденій мною,  
на одвічнім земнім рубежі –  
між уявним і сутнім собою.  
Я у світі немало сходив,  
та вже десь зупинитися мушу,  
щоб між згарищ і творених див  
з плином буднів узгодити душу.  
Поміж тіл – і панічних, і злих –  
одного ми не можемо збагнути:  
мало прагнути щастя для всіх,  
треба вчитись щасливими бути.  
Ще хвилина прозріння прийде,  
кожен вдивиться з сумом та болем –  
де кінчається пустка і де  
колоситься доглянуте поле.  
Де у кожному – подоба Христа –  
розіп'ята душа безневинна.  
Де закінчується суета  
й починається власне Людина.

**В РІДНОМУ ДОМІ**

Жнуть серпокрильці над селом зелений вечір,  
кладуть край неба золоті копички хмар.  
Поволі сонця пригаса пожар,  
в хати сховались голоси малечі.  
Цей день – немов сеанс повторного кіно,  
лиш батько й мама не покличуть ніжно: «Сину!»  
Тут їжачок тобі перебіжить стежину  
й клен стукне змовницьки галузкою в вікно.  
Сад звів яблунь обважнілі короги.  
На спаді літо. Уночі уже не жарко.  
Жнуть серпокрильці, й скрапує із хмарки  
зелена кров трави.

\* \* \*

*Михайлові Слабошпицькому*

На дереві життя іще одна зарубка –  
все вище й вище. Вже спинаємось на пальці.  
Росли, із ним змагаючись, угору –  
хто швидше з нас сягне гілками неба,  
та з часом ми від дерева відстали  
і задираєм голови до нього.

На стовбурі його вже запливають  
зарубки давні – від пори дитинства  
і юності, між зморщок їх ледь видно,  
як і між зморщок на обличчях наших  
ледь вгадуються риси юні плинні,  
й ми, ріжучи щораз нову зарубку  
усе повільніше, бо й ніж вже затупився,  
й рука уже не та – долає втома,  
пригадуєм, як легко і бездумно  
лишали перші позначки на тілі  
того, хто нас, малих, переживе  
і понесе сліди слабкі у Вічність  
перебування нашого у світі,  
де ще квітує Дерево Життя.





Филалеев Анатолий Александрович. Инженер-строитель. Родился в г. Курган-Тюбе Таджикской ССР в 1940 г. После окончания войны семья переехала в г. Сталинград, где окончил среднюю школу. Окончил Волгоградский институт инженеров городского хозяйства (1964). Работал на Урале, в Пермской области. С 1968 года живёт в Николаеве. Строил жилые дома, детские сады, промышленные объекты. Почётный строитель. Автор книги воспоминаний «Дети войны» (Николаев, «Илион», 2017).

Анатолий ФИЛАЛЕЕВ

## ШАРИК

Нет на планете Земля более преданного человеку существа, чем собака! Какой бы породы она ни была, собака – настоящий друг человека. Если сложить воедино все рассказы об отношениях человека и собаки, то получится одна из самых больших и интересных в мире историй.

В детстве мы все мечтаем иметь собаку, которая бы нас ждала и радовалась встрече, выражая неподдельную радость. Когда ребёнку грустно или его не понимают близкие, собака всегда поймёт и обласкает. Наверняка у многих из нас в жизни были свои незабываемые отношения с этими верными и преданными друзьями.

Моя первая собака, с которой я подружился, была обычной дворняжкой по кличке Шарик, тёмно-коричневого окраса, небольшого роста с широкой грудью, стоящими ушами и закрученным, как бублик, хвостом. Шарик больше был похож на сибирскую лайку, а характер у него был норовистый, но покладистый и игривый, он постоянно крутился возле меня.

Но случилась беда. Мне было шесть лет, когда собачник, так мы тогда называли работников городской санитарной службы, похитил моего верного друга – Шарика. Это было летом 1946 года под Сталинградом в районе Бекетовки, куда мы переехали жить в маленький домик, уцелевший от бомбёжки. Здесь в 1942 году при освобождении станции Абганерово погиб наш отец. Он был водителем танка Т-34.

В семье я был самый младший. Обычно в полдень мама уходила с ведрами на коромысле за бардой – отходами при изготовлении пива. Барду мама добавляла в корм для коровы. Сестра Лида, десятилетняя девочка, пасла корову на окраине Бекетовки вдоль железнодорожного полотна. Старший брат Юра, ему было двенадцать лет, учился на курсах радиомастеров. Обычно брат с сестрой пасли корову по очереди. Она была кормилицей нашей семьи. В доме со мной оставалась бабушка. Выполнив все мамины поручения, я, как обычно, отпросился погулять с Шариком.

Стояла сухая жаркая погода, дул горячий ветер-суховея. В воздух поднимались мелкие песчинки пыли. Кто бывал в Сталинграде летом, тот мог испытать, что такое суховея. Мы с Шариком были рады, что вышли погулять на улицу.

С раннего утра мимо дома по улице Письменская, где мы жили, каждый день следовала на работу длинная колонна немецких военнопленных. Растянувшись на несколько километров, они медленно шли ровным строем, высокие, в длинных шинелях, под охраной молодых бойцов с автоматами.

Когда колонна пленных освобождала улицу, начиналось движение автомобилей. Улица была отремонтирована военнопленными и выложена брусчаткой, по ней проезжали тяжёлые американские студебеккеры, наш домик дрожал, дребезжали стёкла, посуда и раскачивался абажур. Мы так привыкли к этим звукам, что их почти не замечали.

Студебеккеры тянули за собой на платформе трофейную военную технику. Мне нравилось смотреть на разбитый немецкий танк или орудия. Машина ехала медленно, и мы с Шариком бежали за ней вдоль дороги. В такую минуту я испытывал чувство гордости: это мой папа подбил немецкий танк. Я всё ещё верил, что отец жив и скоро обязательно вернётся с фронта.

Пробежав метров сто до ближайшего переулка, мы с Шариком возвращались обратно к своему дому.

Неожиданно возле нас резко остановилась полуполторка. Из кабины вышел здоровенный человек в кирзовых сапогах и выгоревшей гимнастёрке. В правой руке он держал большие щипцы, похожие на те, которыми кузнец несёт раскалённый металл на наковальню. Он подошёл к Шарик, ловким движением ухватил его за шею (на ней был ошейник) и быстро потащил к машине. Шарик визжал и хрипел, пытался вырваться из железных клещей. А я вцепился своими маленькими ручонками в штанины мужика и громко, что было сил, кричал, чтобы кто-то меня услышал и пришёл на помощь:

– Дяденька, зачем вы забрали моего Шарика, отпустите его! Это моя собака, мы живём в этом доме.

В кузове полуполторки стояла большая клетка с решёткой. В ней уже было много бродячих собак. В одно мгновение Шарик оказался в клетке. Мне было больно слышать, как Шарик лаял, скулил... От жалости к нему покатались слёзы... Но мужик не смотрел в мою сторону. Он быстро сел в машину, и она тронулась.

К кому обратиться за помощью? Брата не было дома, он бы обязательно помог, он уже тогда мог постоять за справедливость. Бабушку тревожить не стал, боялся, что машина уедет и больше её не найду. Одет я был по-летнему, как многие мальчишки, в одних трусах и босиком. Я помчался что было силы за удаляющимся автомобилем с клеткой для бродячих собак. Бежал и думал только об одном: не упустить из виду машину. Улица вела меня на колхозный рынок. Это было примерно километра два. Добежав до рынка, стал оглядываться. Здесь было много лошадей, запряжённых в телеги, несколько двугорбых верблюдов и много другой домашней скотины, медленно жующей свой корм. Всё выглядело мирно. Люди ходили между рядами, торговались с продавцами. Некоторые поднимали овец на руках, определяя их вес.

В стороне я увидел полуполторку с клеткой, слышно было, как лаяли и жалобно визжали собаки. В кабине сидел тот самый человек в выгоревшей гимнастёрке и спокойно раскуривал папиросу. Его даже не удивило, что я нашёл его. Задышавшись от бега и усталости, я произнёс:

– Дяденька, отдайте моего Шарика. Зачем вы у меня его забрали? Я его очень люблю! Это мой друг.

Но на человека не действовали ни мои слёзы, ни просьбы, он как будто меня не слышал и молча продолжал курить свою папиросу. Немного погодя повернулся ко мне и громко произнёс:

– Раз ты любишь свою собаку, тогда я тебе её отдам. Только заплати мне за неё 25 рублей и забери своего Шарика.

– Но у меня нет денег, и мне их негде взять!

– В таком случае и собаку не получишь.

Он отвернулся и продолжал безразлично докуривать свою папиросу.

В моей голове сразу стали рождаться планы, где взять деньги, чтобы выручить из беды Шарика. Я побежал по рынку в надежде встретить кого-нибудь из маминых подруг, таких же вдов, как она, живущих на этой разорённой фашистами и выжженной суховеями земле. Я забежал в молочный ряд, здесь могли быть мамы знакомые. Бегу, плачу, слёзы ручьём текут по лицу, а глазами ищу знакомые лица.

Вдруг я увидел женщину, с которой мама ходит в поле косить сено. Она тоже меня узнала и стала спрашивать, почему плачу. Сразу вокруг нас собралось ещё несколько женщин. Всклипывая, я рассказал о своей беде. Женщины обзвали мужика живодёром и тут же собрали мне 25 рублей. С зажатыми в кулаке деньгами я помчался к машине. Не добежав несколько метров, увидел, как она медленно тронулась. Мои босые ноги неслись по раскалённым солнцем булыжникам. Догнав полуполторку, я показал деньги. Машина резко остановилась, и мужик вышел из кабины. Я протянул ему свою маленькую загорелую ручонку с 25 рублями. Собачник пересчитал деньги, сунул их в карман и молча полез в кузов. Только он приоткрыл крышку клетки, как мой Шарик пулей выпрыгнул прямо ко мне в руки. От удара мы вместе повалились на землю. Пёсик не давал мне подняться, прыгал и лизал мои невысохшие от слёз щёки. Я был самым счастливым человеком – Шарик получил свободу. Когда я поднялся с земли, то полуполторки рядом уже не было. А мы с Шариком побежали в молочный ряд благодарить за спасение моего друга.

Женщины, увидев нас вместе, радовались, смеялись и гладили меня по голове. Они тоже были счастливы оттого, что помогли выручить моего Шарика.



## ЭШЕЛОН



В 1938 году мои родители по общественному призыву выехали обустраивать Ферганскую долину в Таджикистане. Отец, Филалеев Александр Прокофьевич (1909 г.р.), перед отъездом окончил курсы механиков-водителей. Его направили в Курган-Тюбе, небольшой городишко, расположенный почти на границе с Афганистаном.

Семье выделили маленький домик из одной комнаты. Отец в совхозе стал восстанавливать паровой автомобиль. А мама, Филалеева Александра Филипповна (1910 г.р.), пошла работать в маслоцех. Семья наша состояла из семи человек: бабушки, моего старшего брата Юры (ему шёл тогда пятый год), двухлетней сестры Лиды. С нами жили также два маминых племянника, Ваня и Коля, их родители в 1930 году умерли от голода, и мои родители взяли их на воспитание. 2 июля 1940 года в семье родился я.

В Средней Азии климат резко континентальный. Днём жара выше 40 градусов, а ночью воздух охлаждается до нуля. Местные жители, чтобы ночью не замёрзнуть, выкапывали в земляном полу круглую яму и перед сном жгли в ней дрова. Стенки ямы нагревались, золу выгребали и ложились спать сидя, накрывшись сверху одеялом. Так мы осваивали местное жилище. Позже отец всё перестроил, сложил кирпичную печь, и жить стало удобнее. Отец восстанавливал единственный в округе грузовой автомобиль, он мог работать и на жидком топливе, и на дровах. В кузове стоял паровой котёл, когда не было бензина, отец растапливал его сухим валежником, в котле образовывался пар – и машина приходила в движение.

По случаю пуска автомобиля в совхозе устроили праздник. На столах было много фруктов, подавали плов, люди пили чай, гремели барабаны, народ радовался такому событию. Отец стал для местных жителей уважаемым человеком! На этом автомобиле он возил выращенный урожай и совхозную продукцию в столицу Душанбе.

Вскоре к нам приехала жить мамина родная сестра Нюра, красивая девушка с длинной русой косой, ей шёл пятнадцатый год. В семье нас стало девятеро. Родители завели хозяйство, мама вырастила из тёлки корову, и у нас в семье появилось своё молоко. Мимо нашего дома по улице протекал арык, течение в нём быстрое, а вода холодная и мутная. Земля в Ферганской долине плодородная, там много солнца, а на поливных полях за год убирают по два урожая пшеницы, подсолнуха и кукурузы. А какие вкусные вырастают дыни, арбузы, виноград! Благодатный край. Но радоваться жизни не дала война.

Осенью 1941 года отца призвали на фронт. Половина селения пришла его провожать. Он был зачислен в механизированную бригаду водителем танка Т-34. Здесь, на востоке страны, уже готовился

кулак для удара и окружения фашистов на Сталинградском фронте. В то время там стояли 40-градусные морозы, снежные заносы достигали выше пояса.

В Курган-Тюбе на лечение стали поступать раненые бойцы, а в семье зачастили почтальоны с извещениями о погибших. В декабре почтальон постучал и в нашу калитку. Маме адресовалось письмо следующего содержания:

«Ваш муж красноармеец Филалеев Александр Прокофьевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 14 декабря 1942 г. Похоронен – Сталинградская обл., Аксайский р-н, с. Абганерово (кладбище)».

Отец погиб при освобождении станции Абганерово.

Вскоре мамыны племянники Ваня и Коля прибавили себе год в биографии и ушли добровольцами на фронт. За ними отправилась санитаркой сестра Нюра. Нас осталось пятеро, в семье старшим стал брат Юра, ему шёл девятый год, мне – четвёртый. Все трудились. Мама работала в маслоцехе, Юра, управившись с делами по дому, шёл ей помогать.

Всё мужское население, молодые девушки и парни ушли на фронт. В домах остались женщины и дети. Жить без отца стало трудно и опасно, участились грабежи, местные басмачи расправлялись с беззащитными семьями. Наш дом опустел, в нём поселилась тревога. На плечи мамы легла ещё большая ответственность – сохранить семью и вырастить детей. До конца войны оставалось ещё целых три года.

## Отъезд

Мама, успокаивая нас, говорила:

– Дети, как только закончится война, всё продадим и уедем домой, в Сталинград, где погиб и похоронен наш отец.

Тогда она и представить себе не могла, что в Сталинграде, который лежал в руинах, жить и растить детей будет ещё труднее.

Каждый день люди ждали конца войны. Прильнув к радиоточкам, напрягая слух, слушали сообщения с фронта. Голос Левитана был дорог каждому из нас, он вселял надежду. В его сообщениях всё чаще звучали хорошие новости: «Наши войска по всему фронту ведут наступательные бои. Враг бежит, неся большие потери...»

– Ну вот, дети, скоро закончится война, и мы все уедем в Россию, – повторяла мама, словно спрашивая у нас совета.

В Курган-Тюбе уже отцвели сады и на рынках стали появляться ранние овощи и фрукты. 9 мая по радио Левитан объявил: «Война завершена полной капитуляцией немецко-фашистских войск. Ура, товарищи! Победа! Сегодня в Москве состоится военный парад и праздничный салют в честь победы Советской армии и разгрома немецко-фашистских войск».

Эта новость в мгновенье разнеслась по всему городку. Люди смеялись, обнимались с незнакомыми прохожими. Это была одна всеобщая радость – долгожданная Победа. Мы слушали радио, бурно выражали свои чувства. А я кричал:

– Ура! Скоро вернётся мой папа!

Мама с бабушкой, обнявшись, смотрели на наши восторженные лица, плакали и улыбались. Они пригласили соседку с её двумя детьми к нам в гости. Накрыли стол белой скатертью и выставили графин красного вина. Юра принёс казан с пловом. Мы с сестрой Лидой, ей тогда было восемь лет, расставляли посуду. Я очень любил плов, он был праздничный, с изюмом, настоящее лакомство. Мама, наполнив рюмки себе, бабушке и соседке, встала, перекрестилась и торжественно произнесла:

– Дорогие мои! Я поздравляю вас всех с долгожданной Победой, она досталась нам очень дорогой ценой, она забрала у нас самых близких людей. Желая детям, чтобы хорошо учились и стали умными и добрыми. И пусть больше никогда на нас не нападёт враг, пусть всегда будет мир.

Произнося эти слова, мама заплакала, не сдержались бабушка и соседка, у которой муж тоже погиб на фронте. Обнявшись, женщины плакали, по их щекам лились слёзы горечи и радости: наконец-то кончилась проклятая война.

А затем дошла очередь до фронтовых песен. У мамы был звонкий голос, она первая запела «Катюшу», которую мы часто слышали по радио в исполнении Клавдии Шульженко.

Мама с бабушкой стали готовиться к отъезду. В то время, чтобы уехать в Россию из Таджикистана, нужно было получить приглашение от родственников, которые могли бы предоставить жильё. Приглашение нам прислала мамина сестра, тётя Нюра, которая жила в Сталинграде, она недавно



вернулась с фронта и ждала первенца. Отцом ребёнка был бывший моряк Черноморского флота. Это был совсем молодой, симпатичный и энергичный мужчина, мы его звали дядя Лёня. На войне он потерял ногу и носил протез под широкими флотскими брюками. Соседка наша тоже получила приглашение, она уже успела продать корову и собиралась в дорогу вместе с нами. Корова у дехкан стоила больших денег.

О том, что русская женщина продала корову и собирается уезжать, узнали басмачи. Ночью своими кривыми кинжалами они просверлили в саманной стене отверстие и залезли в дом. Бандиты забрали деньги, вырученные от продажи коровы, и безжалостно расправились с хозяйкой. Только рано утром её обнаружили задушенной. Мы все очень переживали горе, которое обрушилось на наших соседей. Этот случай ещё раз убедил маму: нужно как можно быстрее уезжать в Россию.

Дом и корову у нас купила местная таджикская семья. Военный комиссариат оказал помощь в отъезде, выдал грузовую машину и разрешение на получение железнодорожных билетов. Ехать нужно было в Сталинабад, теперь Душанбе, где формировался эшелон для отправки эвакуированных и солдат после выздоровления. Мама с бабушкой Настасьей приготовили домашний сыр, напекли лепёшек, запаслись сушёным урюком. Мы погрузили свой багаж в полуторку, ту самую, на которой когда-то работал наш отец, и стали прощаться с соседями, они пришли проводить в дорогу. Все эти годы мы жили с ними очень дружно, как одна семья. Многие плакали, обнимая мою маму, желали нам счастливого пути. Укладкой вещей на машину руководил Юра, мы ему все помогали. Водитель дал прощальный гудок, несколько раз протяжно просигналил, и машина тронулась в путь, навсегда увозя нас из Средней Азии.

## В вагоне-теплушке

Мы сидели в открытом кузове грузового автомобиля, он вёз нас и соседскую семью, пострадавшую от басмачей. До Сталинабада машина благополучно доехала без остановок. На вокзале мама получила для всех проездные билеты и повела нас к стоящему в тупике эшелону. Он состоял из нескольких пассажирских и товарных вагонов, таких же, как солдатские вагоны-теплушки. Каждый вагон был оборудован нарами в два яруса.

Командовал офицер, на рукаве которого была надета повязка с надписью «Начальник эшелона». Его постоянно сопровождали два солдата с автоматами.

Начальник эшелона подвёл нас к вагону и, распахнув его двери, очень удивился: вагон был полностью забит отъезжающими, а наши места заняты – переселялась целая еврейская община. Проверив билеты, он освободил две полки. Мы втроем – я, брат Юра и сестра Лида – разместились сверху, внизу устроились мама с бабушкой. Напротив раскладывали свои пожитки соседи. Над ними на верхней полке начальник эшелона освободил ещё одно место. Его занял молодой офицер с пустым рукавом кителя. Я сразу выяснил, что он участвовал в боях под Сталинградом и возвращался из госпиталя домой, в Ленинград.

В вагоне было полутемно, свет проникал сюда через два маленьких окошка. Ощущался неприятный запах, здесь уже второй день жили люди в ожидании отправления эшелона. Обнаружилось, что они сумели попасть в вагон эвакуированных без всяких формальных документов.

Разместив пассажиров, офицер с повязкой на рукаве громко объявил:

– Граждане пассажиры! Эшелон будет отправляться через два часа. Всем необходимо запастись водой и едой, ближайших остановок по расписанию скоро не предвидится.

Он приказал во всём подчиняться назначенному им старшему по вагону, соблюдать дисциплину и порядок, не сорить, на остановках проветривать помещение. В углу товарного вагона зияло отверстие, это было место для туалета, его завесили одеялом.

В вагоне, где мы разместились, ехали преимущественно еврейские семьи. Многие из них направлялись в Украину, в основном в Одессу. Это были весёлые люди, и нам с ними интересно было общаться. Старик рассказывал своему внуку разные истории, над которыми смеялись и взрослые, и дети.

Помню один анекдот, который особенно рассмешил всех:

«Идут два еврея ночью с работы. Один работал парикмахером, а второй держал керосиновую лавку. Встречают их грабители и говорят: «Ну, пока живы, выкладывайте, что у вас в карманах». Парикмахер достаёт сторулёвку и говорит товарищу: «Абрам, помнишь, я у тебя занимал сто рублей?» – «Да, помню». – «Ну вот я тебе возвращаю долг при свидетелях», – и протягивает сто рублей. Грабителям понравилась смекалка парикмахера, они рассмеялись и не стали забирать деньги».

Услышав сообщение начальника поезда о том, что отправление эшелона состоится через два часа, все засуетились. Рядом ехала еврейская семья, в которой была беременная женщина с двумя детьми. Её муж уже дважды сбежал к водокачке и принёс воду в мешке из бараньей шкуры. Мама с Юрой тоже принесли ведро воды и наполнили ею самовар, бабушка с ним не расставалась уже много лет.

В эшелоне всё ожило. Разносился громкий смех, возбуждённые крики детей, а солнце палило так, будто напоследок согревая отъезжающих своим азиатским теплом. Мы с нетерпением ждали, что наконец-то эшелон тронется и подует встречный ветерок – станет легче дышать и будет прохладнее.

Вскоре раздался долгожданный свисток, паровоз прижался к составу, толчком подтолкнул вагоны, они подтолкнули друг друга и сцепили весь эшелон. Мама с бабушкой перекрестились и, изобразив крест руками, благословили всех. Старый еврей в чёрной шляпе с бородой и седыми вьющимися косичками беспрерывно кланялся и читал молитву.

Раздался длинный прощальный гудок, состав несколько раз сильно дёрнулся и, медленно набирая скорость, тронулся в далёкий путь. За две недели нам предстояло преодолеть огромное пространство, дорогу из Средней Азии в Европу. Двери вагона были закрыты, и только два окошка давали возможность дышать. Вероятно, никто из едущих в эшелоне не мог ранее представить, каким образом можно преодолеть тысячи километров в пятидесятиградусную жару. В переполненных вагонах жили дети и старики, беременные женщины; здесь не было нормального туалета, воды и свежего воздуха, и только сила человеческого духа и стремление выжить любой ценой помогали людям преодолевать тяготы.

Мы миновали небольшие полустанки. Там продавались свежие овощи, фрукты, урюк, виноград и самые сладкие и душистые в мире дыни. Но железнодорожный состав двигался без остановок. Он как бы спешил довести нас ещё живыми до станции назначения, пока мы не задохнулись от невыносимой духоты и жары.

Иногда гнетущую суету нарушал громкий хохот, который доносился из угла вагона, когда за одеялом исчезала фигура полного еврея.

## Рождение ребёнка

Офицер, назначенный старшим по вагону, периодически спускался с верхней полки, чтобы проверить порядок и самочувствие подопечных. Эшелон проехал всего несколько часов, а состояние пассажиров было удручающим.

В нашем вагоне обнаружили две беременные женщины. У одной из них по имени Эмма был очень большой живот. Она поддерживала его двумя руками, когда передвигалась по вагону. Мама внимательно следила за её движениями, иногда о чём-то с ней тихо переговаривалась. Эмма скоро должна была родить.

Наш сосед с пустым рукавом кителя, вероятно, был любителем пения, он постоянно что-то мурлыкал себе под нос. У него был приятный лирический голос. Конечно, мы сразу угадывали, что он напевал, – это были мелодии Леонида Утёсова. Наша соседка открыла футляр инструмента, и вагон наполнился проникновенными звуками скрипки. Так незаметно пролетели ещё несколько часов.

Неожиданно мама подошла к Эмме. Женщина тяжело дышала, громко стонала, а потом легла на освободившееся место. Отгородив его простынями, мама приготовила тазик с горячей водой и спокойно объявила:

– Эммочка, сейчас мы будем рожать.

Офицер прошёл в глубь вагона и привёл пожилого врача-еврея с чемоданчиком. Они стали готовиться принимать роды. Вдруг Эмма, застонав, громко закричала: «Мама!»

– Ничего, милая, давай поднатужься и не стесняйся, кричи ещё громче, – говорил акушер.

Эмма что было сил протяжно, с надрывом произносила всего одно слово: «Мама! Мама! Мама!» И сразу же вслед за её криком раздался пронзительный плач родившегося ребёнка. В это время эшелон остановился, офицер открыл дверь вагона. Сменяя друг друга, к открытой двери подходили люди, чтобы вздохнуть свежий глоток воздуха.

Так мы простояли целую ночь. Железная дорога лежала в долине, с двух её сторон возвышались вершины, покрытые снежными шапками. Вместе с нами мама вышла из вагона в ночную прохладу, чтобы отдохнуть после приёма родов. Утром начальник эшелона сообщил соседу-офицеру, что задержка состава была вынужденной. Басмачи подорвали пути, чтобы устроить крушение и ограбить поезд.



Вскоре раздался протяжный гудок паровоза, и наш эшелон тронулся с места. Офицер прошёл по вагону, проверяя, все ли пассажиры на месте. Непредвиденная остановка и весть о диверсии вызвали тревогу. Вернувшийся офицер сразу почувствовал на себе вопрошающий взгляд. Это был взгляд скрипачки Ноны.

Чтобы поднять настроение, он предложил ей спеть дуэтом фронтовые песни. Нона виртуозно владела скрипкой, исполняя мелодию, закрывала свои большие карие глаза и погружалась в звуки. Тогда скрипка и Нона становились одним целым, она добавляла в свои импровизации новые чувственные мотивы. Все слушали и восхищались искусством стихийного дуэта. Мы тоже аплодировали артистам.

Мама очень любила фронтовые песни и всегда с огромным вниманием слушала их и подпевала. Офицер подошёл к Ноне, встал на колени и поцеловал её руки. Лицо девушки покрылось багровым румянцем, в знак благодарности она исполнила «Лунную сонату» Бетховена. Это было прекрасное исполнение. До войны Нона училась в Одесской музыкальной консерватории.

А эшелон двигался по намеченному маршруту, сближая в одну семью ранее совершенно незнакомых людей, где зарождалось взаимное чувство привязанности. Нона с бабушкой ехали в Одессу. Многие, кто находился в вагоне, почувствовав такую непринуждённую обстановку, желали показать, что и они тоже могут сделать нечто приятное для всех.

В вагоне ехали люди разных профессий: врачи, учителя, парикмахеры, мастеровые. Одна девушка собрала возле себя детей и стала готовить с ними концерт. Мой брат Юра взялся прочитать наизусть стихотворение Сергея Есенина. Сестра Лида пела песню «Орлёнок», а все дети ей подпевали. Я декламировал Корнея Чуковского: «А нечистым трубочистам – стыд и срам!.. Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое!» Так незаметно пролетел ещё один дорожный день.

А солнце нещадно палило, все ждали спасительной остановки, когда офицер сможет открыть двери вагона. Ночью поезд резко затормозил, как будто столкнувшись с преградой. Многие попадали со своих полок, зазвенела посуда, сорвались с крючков вёдра, опрокинулся наш самовар.

## Бандиты

Под потолком раскачивалась керосиновая лампа. Пассажиры стали собирать поваленные вещи и приводить себя в порядок. За стенкой вагона слышалась стрельба, крики, топот копыт и ржание лошадей. Воцарилась тишина, и все стали настороженно прислушиваться. Стрельба не прекращалась. На поезд напали басмачи. Остановив эшелон, они пытались ворваться в вагон. Солдат из охраны открыл стрельбу. Ему на помощь пришёл начальник эшелона с автоматчиками и ограбления состава не допустили. Один из бандитов был убит, остальные на лошадях ускакали в ночную степь.

Когда всё успокоилось, послышалась команда:

– Можно открывать двери!

В вагон хлынул поток живительной прохлады. Начальник поезда в сопровождении автоматчиков направился к паровозу, чтобы очистить железнодорожные пути от завала. Наш машинист оказался молодцом, он вовремя заметил преграду.

Очистив пути, все разошлись по вагонам, и поезд тронулся. Один солдат при перестрелке был легко ранен, его привели в наш вагон, где сделали перевязку. Некоторым пассажирам также потребовалась медицинская помощь. Мама очень переживала за нас, но мы во время неожиданной остановки удержались на своей полке. Юра с мамой предусмотрительно натянули простыню, чтобы мы не свалились. Эмма тоже благополучно перенесла случившееся. Ребёнок вёл себя спокойно, больше спал, иногда пищал, но, приложившись к груди, снова умолкал. Когда появился малыш, мама сказала: «Эмма, это хорошая примета, в пути у нас родился мальчик. Теперь мы все обязательно доедем домой».

Через несколько дней безостановочного движения эшелона люди стали испытывать недостаток воды и пищи, а Эмма ко всему ещё нуждалась в молоке, чтобы кормить ребёнка.

К счастью, состав затормозил у небольшой станции. Здесь оказался небольшой рынок. В первую очередь люди бежали к водочке. И мама с Юрой набрали воды, чтобы наполнить бабушкин самовар. На рынке скопилась большая толпа пассажиров эшелона. Но неожиданно раздался протяжный свисток паровоза, люди бросились к своим вагонам. Такая ситуация повторялась уже три раза. Поезд стал реже останавливаться, минуя станции.

## Не отстать

У нас заканчивались запасы продуктов, и мама с Юрой на одной из остановок побежали на рыночек. Здесь скопилось много людей, мама с трудом смогла добыть несколько лепёшек и, передав их Юре, сказала:

– Беги к поезду, сынок, а я поищу молоко для Эммы.

Юра побежал к вагону, а вслед за ним и мама направилась к своему поезду. Вдруг состав тронулся и стал медленно набирать скорость. Юра успел вскочить в вагон. Поравнявшись с ним, мама передала банку с молоком, а сама, ухватившись одной рукой за поручень, пыталась запрыгнуть на ступеньку. Она споткнулась. Мы громко закричали: «Мама! Мама!» Офицер и Юра успели вовремя её подхватить. Мы переволновались, перепугались, что можем остаться одни. Теперь опять были все вместе и были счастливы.

Поезд всё реже делал остановки. Причиной этому стало воровство на станционных рынках. В эшелоне ехала группа лихих парней. На остановках они просто грабили продавцов с продуктами, убегали и прятались в эшелоне. Из-за такой ситуации был отдан приказ не давать разрешения на остановки нашего эшелона, отчего страдали все пассажиры. Однажды произошла задержка состава. В вагоне, где ехали злоумышленники, возникла драка, охрана пыталась навести порядок. Один из солдат получил ножевое ранение. Начальник эшелона провёл расследование. Оказалось, что в эшелоне ехали семь человек без билетов. Это были уголовники и дезертиры, которые скрывались от правосудия в Таджикистане. Трое из них были славяне, а остальные таджики. Все они были арестованы и переданы в отделение дорожной милиции.

На седьмой день пути наш эшелон, наконец, избавился от воров и стал чаще останавливаться на станциях, где люди смогли пополнить свои запасы и передохнуть. От постоянных стрессов пассажиры чувствовали внутреннюю тревогу. Наш сосед на одной из станций получил центральную газету. Стал читать вслух статью о преступлениях фашистов, их издевательствах над советскими военнопленными и гражданами, угнанными в Германию. Все слушали, затаив дыхание. Почти у каждого в семье было горе: кто-то пропал без вести или попал в плен. Это была трагедия миллионов. Мама переживала за нас, слушая сообщения о детях – жертвах войны.

Офицер отложил газету и громко сказал:

– Граждане, не унывайте! Беда позади! Наш народ победил и уничтожил проклятого зверя. Теперь будем восстанавливать города, заводы, дети пойдут учиться, и жизнь наладится.

На фронте он был артиллеристом, получил ранение, и ему ампутировали руку. Офицер вдруг громко запел:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ.  
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас,  
из тысяч грозных батарей  
за слёзы наших матерей,  
за нашу Родину огонь, огонь!*

Множеством голосов весь вагон стал подпевать, забыв про горе и печаль. Когда песня стихла, всем немного стало легче на душе. Именно в этот момент раздался громкий плач малыша, который как бы подтверждал слова офицера о том, что жизнь продолжается, наш эшелон приближает всех к заветной мечте – вернуться домой на Родину.

Мы ехали в Сталинград, и никто из нас не представлял, как и где мы будем жить. Однако мы понимали: едем туда, где погиб наш отец, наш защитник. Это придавало уверенности в том, что всё будет благополучно.

## События и потрясения

За время движения эшелона происходили разные события. В солдатском вагоне у одного парня открылись раны, поднялся сильный жар, сердце его не выдержало, он умер. Стояла удушающая жара. Эшелон доехал до ближайшей станции, где пути расходились в разные направления. Рядом с будкой железнодорожного смотрителя выкопали могилу. Так похоронили умершего солдата. Его товарищ сбил небольшой крест с табличкой. Офицер сказал прощальные слова, сообщив, что этот солдат на фронте был связистом и за боевые заслуги награждён орденом Красного Знамени.

Прозвучал прощальный залп из автоматов. Всем стало жаль, что солдат не смог повидать свою семью и родных. Это эхо войны до сих пор продолжает забирать защитников нашей Родины.



Прозвучал долгий гудок, поезд тронулся в путь. Все пассажиры уже свыклись с драмами, сопровождавшими наше путешествие. Евреи-хасиды, ехавшие в нашем вагоне, рассказывали о нацистских зверствах над соотечественниками в Бухенвальде и других концентрационных лагерях. Выяснилось, что в вагоне есть именинница, исполнилось семнадцать лет Сарре. Её родители угощали всех детей кусочками сахара. Я обожал сладкое, и брат, зная мою страсть, поделился со мной своим кусочком.

Нона в честь дня рождения Сарры исполнила на скрипке несколько национальных мелодий. Она была одета в нарядное голубое платье. Старая еврейка подарила ей кулон на цепочке, а скрипачке Ноне – золотое колечко. Женщина была очень слаба. Она чувствовала, что не перенесёт этот мучительный путь. Жара не прекращалась, в вагоне стояла невыносимая духота. На одной из остановок женщина попросила, чтобы её вынесли подышать свежим воздухом и посмотреть на небо. Старик с косичками прочитал у её изголовья молитву. Она уговорила не заносить её обратно в вагон и, еле шевеля губами, сказала прощальные слова, а потом тихо умерла. Начальник эшелона задержал состав, чтобы родственники смогли похоронить близкого человека.

После похорон старой еврейки наш эшелон стал чаще останавливаться на станциях. Мама с Юрой сразу отправлялись за продуктами и водой. Так за две недели наш эшелон добрался до станции Гумрак. Это был конечный пункт следования, восточная окраина Сталинграда. Все пассажиры освободили вагоны. Мама пошла к начальнику эшелона, чтобы выяснить, как можно добраться до Сталинграда. Офицер быстро разрешил ситуацию.

– Идите к машинисту состава, – сказал он. – Паровоз будет двигаться в Сталинград и возьмёт вас.

Мы обрадовались и стали переносить вещи. Машинист с Юрой поднимали узлы и укладывали их поверх угольного ящика. У нас было несколько чемоданов и бабушкин самовар. Она не выпускала его из рук. Нас же машинист разместил на площадке впереди паровоза.

День был на закате, мы ехали в Сталинград, обдуваемые прохладным ветром. С правой стороны вдоль железнодорожного полотна на протяжении всего пути до самого Сталинграда громоздилась разбитая военная техника: орудия, автомобили, танки, самолёты, груды искорёженного металла. Всё это предназначалось для отправки на переплавку. Я стоял впереди мамы и с изумлением смотрел на эту грандиозную, просто фантастическую картину. «А ведь рядом с этой техникой были люди», – думал я.

Машинист остановил паровоз, объявив, что дальше везти не может – впереди железнодорожный вокзал. Была ночь. Мы опустили вещи на землю и поблагодарили машиниста. На прощанье он сказал:

– Долго здесь не стойте – могут ограбить.

Нас окутала такая темень, что в двух шагах ничего не было видно. Мама с Юрой сразу отправились искать дорогу и место, где можно было бы переночевать. Вскоре они заметили огонёк и пошли на него. Это оказалась землянка с маленьким окошечком. Мама постучала в дверь, её открыла пожилая женщина. Мама объяснила, кто мы и почему здесь находимся. Хозяйка согласилась оставить нас до утра. В землянке находилась ещё дочь хозяйки с ребёнком. Все разместились на полу, расстелив одеяло и положив под головы чемоданы. Утром мама заметила, что по стенам ползает много вшей. Хозяйка объяснила, что не может от них избавиться, так как вокруг трупы жертв обстрелов и бомбёжек. Простившись, мы стали искать дом маминой сестры Нюры.

В то время в Сталинграде уже ходили трамваи, работали магазины и город поднимался из руин. Уже строились высокие жилые здания. Узнав маршрут трамвая, мы перенесли вещи на остановку. Ехать пришлось недолго, вагоновожатая помогла вынести узлы. Так мы добрались до жилища, где обитала мамина сестра.

Окна её квартиры были забиты железными листами, крыши у дома не было – она сгорела во время бомбёжки. Здесь уже жили две семьи. Мамина сестра встретила нас с искренней радостью, мы опять были вместе. Тётя Нюра оказалась фронтовичкой, у неё была своя семья и только что родившаяся дочь Нина.

Наконец мы смогли отдохнуть и привести себя в порядок после трудной дороги. Мама с сестрой приготовили обед, накрыли стол белой скатертью. Дядя Лёня налил взрослым в рюмки вина и поздравил с возвращением на родную землю. Затем подняли стаканы за Победу, помянули всех, кто не вернулся с войны. Так закончилось наше путешествие из Средней Азии в Сталинград.



Владимир ГРЕКОВ

## БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЛЕД В ПЫЛИ

\* \* \*

Я допиваю лето. Оно  
В горло не лезет. Пусть  
Осень – из листьев жёлтых панно –  
Мне нарисует грусть,

Пусть у реки мне ива нальёт  
Сонного ветерка,  
Тихий вечерний костёр поймёт  
Неживая река,

И, между пальцев стекая, пусть  
Август простит меня.  
Я в эти пальцы башкой упрюсь,  
Смену времён кляня.

Что упустил? И успел ли что?  
Это уже не суть.  
В шкафу шевельнулся рукав пальто.  
И мне теперь не уснуть.

Мне – до рассвета – спинка скамьи,  
Звёзд холодная плеть.  
Лето уносит грехи мои  
И норовит истлеть.

Я провожаю – как на вокзал –  
Друга, печаль неся.  
Лето – как кто-то мудрый сказал –  
Жизнь. Но отнюдь не вся.

\* \* \*

Помнят камни у дороги посох твой.  
Помнят звёзды взгляд и песни у костра.  
Пахнешь пылью, старым потом и листвою  
И чем там обычно пахнут вечера.  
Капюшон, котомка, трубка, борода,  
В синий купол неба тянется дымок.  
Горизонт – это навечно, навсегда,  
От него ещё никто уйти не смог.  
За спиной – всегда не так, как впереди,  
Несказанно меньше, сколько ни иди,  
Помнят камни у дороги тень подошв.  
Они знают – не останешься. Уйдёшь.  
Не спина рассвет встречает, а глаза.  
Ждёт тебя – не горизонт, а то, что ЗА.



Греков Владимир Олегович. Родился 16.04.1989 г. в Николаеве. Закончил ЧДУ имени Петра Могилы по специальности «переводчик немецкого и английского языков». С 2010 года работает там же старшим преподавателем кафедры теории и практики перевода. Стихосложением активно занимается со студенческих времён. Имеющиеся публикации в основном научного характера, посвящены вопросам теории и практики перевода.



\* \* \*

Бабушка медленно сходит с ума.  
Возле дивана стоят ходунки.  
Мозг человека – всего лишь тюрьма,  
Да и засовы не так уж крепки.

Старость – в клеёнку замотанный пульт,  
И сковородка, и пара кастрюль.  
Это почти что законченный путь.  
Это – давление, если июль.

Ноют колени, и ночь всё длинней,  
Сын замышляет неведомо что,  
Ждёт, пока бабушка двинет коней  
И запахнет сосновым пальто.

Ярких таблеток цветной хоровод,  
Блики на стенах от телепрограмм...  
Бабушка сходит, и скоро сойдёт,  
Что-то шепча своим старым коврам.

День уходящий в копилку упал,  
Возле дивана стоят ходунки.  
Медленно так иссякает запал  
Жалко трясущейся старой руки.

Горечь бессилия точит червём,  
Тело уставшее давит, как клеть.  
Господи Боже, зачем ТАК живём,  
Даже окурку не хочется тлеть.

Бабушка тает, как злобный зверёк,  
Не принимая родных и друзей.  
Кто-то всевышний её не сберёт  
Или устал волноваться о ней.

\* \* \*

Я переводчик, я лишь тень.  
Я отзвук нежности в сонете.  
И в кружеве чужих затей  
Я должен выжить, незаметен,  
И донести легчайший флёр  
Чужих оттенков и значений,  
Чужую боль, чужой укор,  
Чужой неоценённый гений,  
Громаду светлых пирамид,  
Блеск солнца на стекле оконном,  
Всё то, что переплёт хранит  
В своём хранилище бездонном.  
Касаясь сотен тысяч книг  
И меряя чужие лица,  
Я должен раствориться в них,  
Перевести – и испариться.

\* \* \*

Мне кажется, я вечность. На спине  
Достаточно зарубок лет и шрамов.  
Всё вечное находится вовне  
Людских соборов, их нелепых храмов.  
Оно неуловимо, как пыльца,  
Что светится под солнцем. Вы спросите,  
Что вечно? Лишь твои черты лица,  
Да между нами связанные нити.

Мне кажется, я вечность не глядел  
В твои глаза, в их глубину и тайну,  
Где память соприкосновенья тел,  
Столкнувшихся нарочно – иль случайно?  
Всё в вечности. Хранится на виду,  
Как экспонат в музее, под витриной.  
Я верю, что когда-нибудь уйду,  
Как всякий позабытый и старинный  
Предмет. Уйдут деянья и мечты,  
Но в вечности останется хоть что-то:  
Пусть это будут хоть твои черты,  
Твоя слепая нежность и забота.  
Я от себя оставить не хочу  
Ни грамма, тая в дымке предрассветной,  
Но всё же в миг, когда я улечу,  
Я вспомню – ты была живой и светлой.  
Что вечность без тебя? Одна печаль  
Да тихих вечеров сочувствий шёпот,  
Холодная кровать, остывший чай,  
И вместо чувств – один бесценный опыт.

Я вечность бы сменил на отгиск рук  
Своих на белой и горячей коже,  
И в вечность мысль закрадётся вдруг:  
«Она по мне, поди, скучает тоже?»  
Зарубками покрытая спина,  
Стена. Стена. Прямоугольник двери  
Закрытой. Вечность не имеет дна,  
В ней не во что играть, бороться, верить.  
Я просто помню. Помню дней каскад,  
Сплетённый в счастье бережно и туго.  
Святые не следят, святые спят,  
Мы сами берегли покой друг друга.

И вот в итоге я сижу один,  
Без тёплых слов, друзей и без известий.  
Как говорил китайский мандарин:  
«Дорогой в вечность лучше топать вместе».  
И лишь воспоминаний купол мне  
Поможет выжить злыми вечерами.  
Всё вечное находится вовне,  
Оно во мне, в твоём последнем храме.



\* \* \*

Что внутри? Изнанка вроде,  
Швы, да нитки, да ярлык.  
Пара мыслей о свободе,  
О событиях былых,  
И словарные страницы,  
Семь затрёпанных грехов,  
Всё, чему не совершиться  
И не сбыться. Я таков,  
Прост, как свалка. Сторож где-то  
Вышел. Что ли, перекур?  
Что внутри? Осколки света  
И качающийся шнур,  
Табуретка, что устала,  
Как-то на бок прилегла.  
Что внутри? Всего немало,  
Вот такие вот дела.  
Здесь портрет одной курсистки,  
Книжный ссохшийся стеллаж.  
Вот «Плейбой». В «Плейбое» сиськи –  
Это вам не «Ералаш».  
Сдувшийся от боли мячик,  
Позабытый нотный стан:  
Стало скучно. Вырос мальчик  
И почти мужчиной стал.  
Вот кольцо из драгметалла –  
Экспонатом под стеклом.  
– Изменила? – Изменяла! –  
Тот ещё металлолом.  
Пирамиды нежных строчек,  
Сеть исписанных листков.  
Мой ли почерк? Чей же почерк?  
Непонятно. Я таков,  
Свалка мыслей и куплетов,  
Всё, что было, всё, что есть.  
Вот в меня приходит лето,  
Лето – маленькая лесь,  
В летнем солнце даже свалка  
Может выглядеть, как парк.  
Мне себя совсем не жалко,  
Мне всё нравится и так.  
Каждый человек – загадка,  
Так все люди говорят.  
Что снаружи? Чисто-гладко.  
Что внутри? Да всё подряд.

\* \* \*

Мой стул стареет быстрее меня,  
Он тихо мается взаперти.  
Что толку, скажем, иметь коня,  
Но не иметь для него пути?  
А стул мечтает пуститься вскачь  
На всех изогнутых четырёх,  
Однако – хоть ты скрипи, хоть плачь –  
Хозяин слишком его берёт.  
Из комнаты – помнишь? – не выходи,  
На спинку – рубашка по вечерам.  
Скрипит пружина в его груди,  
Смирение духа – надёжный храм.  
А стул, обивкой наморщив лоб,  
Из года в год принимая вес,  
Мечтает с места в прямой галоп  
Среди невиданных прежде мест.  
Увы, закаты смеются, мчась  
Над старым стулом без перспектив...  
Когда души отмирает часть –  
Звенит пружина, её пробив.

\* \* \*

Дорога – пыль, где подошвы след  
Таёт, прошлое хороня.  
Бог, наверное, очень слеп,  
Если когда-то создал меня.  
Рассвет сменяет отблеск звезды,  
Его сменяет яркий зенит.  
Время хоронит мои следы  
И похоронно по ним звенит.  
Всё же движемся и идём  
Против всех ловушек Земли,  
Чтоб оставить своим путём  
Что-то больше, чем след в пыли.





Гордій Олег Анатолійович (Олег Дорощ – літературний псевдонім). Народився 20 листопада 1988 року в Миколаєві. Поет, прозаїк, публіцист, організатор літературно-музичних вечорів, квартирників. Працює кореспондентом на місцевому телеканалі. Друкується з 2000 року в періодичних виданнях та інтернет-порталах. Переможець конкурсу молодих літераторів краю «Південне сузір'я» (2009), лауреат «Золотої арфи» (2010), лауреат Миколаївського фестивалю «Монітор» (2011), переможець конкурсу «Паперове дерево» (2011). Лауреат Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія» (2014). Учасник літературних угруповань: «ЛАКМус», «Микола» (Миколаївський літературний андеграунд), один із засновників та лідерів мистецького об'єднання «Теплий настрій». Член Національної спілки письменників України (2014).

Олег ДОРОШ

## ДІМ З ЧЕРВОНОЇ ЦЕГЛИ

\* \* \*

осінні коти  
линуть  
до рук  
мов риби  
при березі  
мілкої річки  
шукають  
ласки  
хвостами зачіпають  
щоки і ніс  
ти як вони – безпритульний  
і не вписаний жодними рамками  
в місто  
будуєш для них  
дім зі своїх долонь  
а коти  
пухнасті  
і теплі  
муркочуть  
муркочуть  
муркочуть  
тобі  
на вухо  
цю розмірену симфонію  
осені  
мур-р – жовтопад заливає обличчя  
мур-р-р – пожухле сонце звалилось на віття  
мур-р-р-р – кричиш у водостічні труби у відчай  
мур-р-р-р-р – співаєш під мелодії покручених дерев  
і коли ти ідеш  
двійко котів біжать перед тебе  
плутаються між ногами  
чорний і білий –  
Михаїл  
Габріїл

### З НЕПОКРИТОЮ ГОЛОВОЮ

крізь важкі долоні ночі цієї  
кидає місяць сніжками в мене  
і ховається тишком одразу  
за товщу хмар, позираючи краєм ока,  
чи я не відвернувся,  
і сніжки дрібні мов пудра цукрова  
всипають голову мою,  
що просить волосся.

від того і холодно їй,  
бо замість лісу густого –  
пошерхла земля, затерта платівка,  
а сніжки кружляють і падають в очі,  
хрумтять на зубах,  
тануть на язиці,  
вимальовують химерні фігури на тілі ночі.  
дзвіночки дзвенять –  
прийшла Коляда.  
Христос народився – славимо його.  
у тіні дерев знайду я притулок,  
а далі як буде.  
маю для Малого м'ятну жуйку в подарунок,  
сірники, кілька гривень, піду на них ще й куплю пиріжка,  
а ще маю любов,  
а це єдине, що мені треба насправді,  
як і тому Малому,  
як і місяцю, що досі ховається,  
і деревам, і ліхтарям,  
що як можуть затримують сніг,  
аби не мерзла моя голова.

### КЛЮЧІ

коли замерзне ріка  
і крига полонить хвилі бурхливі  
я йтиму по ній  
розкривши долоні за вітром  
доки провалюсь в ополонку  
і пірнатиму до самого дна  
щоб  
дістати ключі  
що зронив  
Апостол Петро  
а коли я почну втопати  
розсікаючи пальцями крижану воду  
коли ноги відмовлятимуться рухатись  
а руки марно шукатимуть льодяного окрайця  
коли тьмаритиметься в очах  
і важчатиме голова  
і в скроню лупитиме жила несамовито  
коли я вже змирюсь зі своєю долею  
з крижаним полоном  
мене витягне багром старий рибалка  
так подібний до Христа  
я лежатиму горілиць  
знесилений  
викашлюватиму з грудей  
кров з дрібними частинками криги  
а в руках триматиму міцно  
ключі  
од свого дому  
якщо не вмру від застуди  
мати струїть мене ніжною ласкою



\* \* \*

розкажи мені, водію маршрутки,  
звідки взявся цей смуток?  
звідки це відчуття, що світ зараз розвалиться навпіл,  
мов яблуко зігниле?  
звідки застуда в головах сірих пішаків,  
що так байдуже переходять дорогу на світлофорі?  
сумний погоничу ранкового туману,  
в дірявому кашкеті,  
засмальцьованим серцем і рукавами.  
чому мені так затишно в салоні  
цієї старенької, розбитої, жовтої «газелі»,  
що зберігає місцеві плітки,  
сигаретний дим і музику 90-х?  
тільки не пиняй на Дормашині.  
вдавай, що там немає зупинки –  
лети в невідомість проспектами чужих життів.  
ти промовчиш,  
як завше,  
коли Віктор Цой  
вкотре запитає тебе з магнітоли:  
«так откуда взялась печаль?»

### ЛОВЕЦЬ У ЖИТІ

як в моєму місті пройде  
сірий прохолодний дощ  
я лежатиму горілиць  
на вологій пошерхлій бруківці  
вдихатиму прохолодне повітря від Бугу  
моє стрижене коротко волосся  
вбиратиме в себе дрібні прозорі краплини дощу  
воно заколоситься рясним  
чорним житом  
в якому гратимуться в піжмурки діти  
і зі стрімкої прірви мого лоба стрибатимуть вниз  
я ловитиму їх  
у долоні  
і посміхатимусь

### ДУМКИ

мені здавалося  
що моє волосся  
харчується думками  
одного дня я взяв бритву  
і зарівав його  
тепер  
мої думки нікому  
не потрібні

\* \* \*

*«Я – істинна Виноградна Лоза,  
а Отець мій – Виноградар» (Івана 15:1),  
«Я – Лоза, а ви – пагони. Хто перебуває в Мені,  
і Я – в ній, Той приносить багато плоду» (Івана 15:5)*

сей дім з червоної цегли,  
де не так гамірно,  
проріс з зерна однієї весни.

спочатку він був невеличким, слабеньким пагінцем,  
що понад силу розпихує землю,  
аби вдихнути повітря свіжого через комин, аби відчути  
як сонце торкається його даху з черепиці теплим промінням,  
як шепоче йому у шиби своїм дзвінким, як лугові трави, голосом.  
ви ж бо не знаєте, як шепоче сонце!  
він був таким малим, що  
здавалось, його зломить лютий вітер  
чи затопчуть дикі тварини,  
заросте скривавленими тернами та будяками.  
здавалось.  
і Батько хрестився.

сей дім з червоної цегли,  
де не так гамірно,  
дужчав щомиті.  
його стіни ставали грубішими,  
вікна прозорішими,  
а двері вкривались чудернацьким розписом.  
згодом міцна виноградна лоза оповила його тіло.  
навесні на ній з'являлися великі та соковиті ягоди,  
сповнені святою брунатною кров'ю причастя.  
і небесне птаство будувало в ньому свої гнізда,  
вигодовуючи пташенят,  
і метелики зліталися вечорами на його вогні у шибах.

коли дім став зовсім великий,  
Батько поселив в ньому  
двох:

маленьку дівчинку на останньому поверсі,  
ту, що виходить на балкон і кидає у вогку землю зернята пшениці.  
а на першому – старезного кривого діда,  
який стріляє з рушниць у ноги людей на ганку,  
адже правди в них нема.

правди взагалі нема.  
проте є дім  
з червоної цегли.

**О, РИБИ**

*«О, риби моря і річки, слухайте слів науки Божої,  
яку ці бідні єретики не хочуть знати».*

З молитви Св. Антонія Пандуанського

як місяць зазирне у гладку поверхню води,  
своє відображення забачить  
і розправить широкі, мідяні груди.  
коли тонкий очерет сахнеться  
від незвичного супокою –  
вийде на хиткий місток  
ясночолоий чоловік з  
долонями, мовби вечірні човни,  
і кидатиме крихти хліба безмовним окуням,  
що з глибини тихого озера зберуться, ніби стадо овець  
довкола свого пастуха.  
і слухатимуть проповідь про те,  
як колись син Божий ходив босими ногами по воді,  
ледь торкаючись прохолодної поверхні,  
як лоскотали йому п'яти верхівки хвиль,  
і як він посміхався од того, мов безтурботне хлоп'я,  
такий бездоганний і прекрасний.  
як ви линули йому до рук,  
лише б він розламав ваші тіла і нагодував усіх нужденних,  
лише б і сам втамував свій голод.  
од того й тіло ваше святе, що його їсти можна навіть у піст.  
од того і мови не маєте ви,  
бо коли Його судили, ні слова Він не сказав,  
од того й шукаєте глибини, де все мирське таке далеке й чуже,  
од того й спасетеся перше, ніж люди та інші тварі земні.  
і води ці будуть Едемом навіки для вас.  
і сидітиме ви одесною Його.





Олександр ТЕРЕЩЕНКО

## ЖИТТЯ ПІСЛЯ 16:30

От редактора

Эти заметки Александра Терещенко я обнаружил в «Фейсбуке». Сам автор скромно называет их – «моя маячня». Но мне они «бредовыми» не показались. Фрагментарные – да. Субъективные, дневниковые, разрозненные – они удивительным образом складываются в целостную картину: человек – свалившиеся на него испытания – их преодоление. Фактически это – документальная повесть.

Несколько слов об авторе, справочно. В украинской «Википедии» об Александре Леонтьевиче Терещенко говорится: «Солдат Вооружённых Сил Украины, 79-я отдельная аэромобильная бригада. Работал видеооператором николаевской телекомпании НИС-ТВ, с женой воспитывал детей. Во время войны изъявил желание быть добровольцем. При обороне Донецкого аэропорта 15 октября 2014-го попал под очередной обстрел террористов. В укрепление, где находился Терещенко с другими военнослужащими, попала граната, которую Александр схватил и пытался выбросить».

Он не успел – граната взорвалась в руках. Терещенко полностью потерял правую руку и кисть левой, получил тяжёлую травму глаза, другие ранения. Одновременно – фактически спас четверых сослуживцев. За личное мужество и героизм, проявленные при защите государственного суверенитета и территориальной целостности Украины, верность воинской присяге награждён орденом «За мужество» III степени. А 31 марта 2018 года ему был вручён почётный знак негосударственного ордена «Народный Герой Украины».

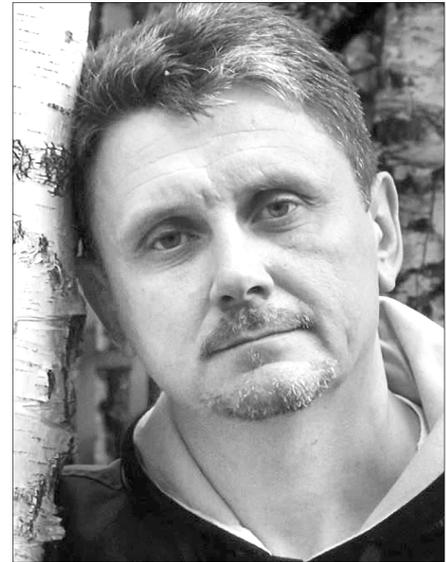
Однако повесть Александра Терещенко – не об этом. Не о подвигах, не о доблести, не о славе. Она – не о войне, а о том, что с ним было после. По сути, это внутренний монолог, в котором нет никакого фальшивого пафоса, самолюбования, морализаторства. Нет дурной «литературицины». Есть искренность, воля и самоирония сильного и мужественного человека, сумевшего извлечь трудный урок из постигшей его беды и вернуться к полноценной жизни. Есть, наконец, крепкий литературный дар: наблюдательность, вкус к деталям, лаконичность, точность словоупотребления, умение передать словами собственную неповторимую интонацию.

Он делится своим уроком с нами. Его пронзительная история заставляет вспомнить такие имена, как писатель Н. Островский («Как закалялась сталь»), лётчик А. Маресьев («Повесть о настоящем человеке»), шахтёр и литератор В. Титов («Всем смертям назло»), слепой и безрукий киевский поэт, Шевченковский лауреат В. Забаштанский, австралиец Ник Вуйчич...

Впрочем, стоп! Не будем, даже из самых благородных побуждений, впадать в пафос! Дочитав до этого места, Саша Терещенко уже начал иронически улыбаться – он явно готовится «приземлить» поток высокопарных словес едкой, но доброй шуткой.

Добавлю, что Александр Леонтьевич возглавляет николаевскую областную Ассоциацию участников и инвалидов АТО, в 2014 г. был удостоен звания «Горожанин года» в номинации «СМИ». Ныне – в Киеве, заместитель начальника Академии патрульной полиции по социально-гуманитарным вопросам.

А дальше – читайте сами. Читайте сочувственно, вдумчиво, по возможности хоть немного примеряя произошедшее с автором на себя. Это тяжёлый, но добрый урок.



**Владимир Пучков,**  
член Национального союза писателей Украины

**Від автора**

*Розмістивши останнім часом п'ять уривків зі своїх «нотаток божсвільного», отримав багато щирих та схвальних (може, й не завжди об'єктивно) коментарів. У зв'язку з цим хотів би пояснити, яку мету я точно перед собою не ставив:*

*1. Щоб це виглядало як героїчний епос, присвячений собі любимому. (Можу тільки підтвердити улюбленого Луїса Рів'єру – «легко бути мужнім, коли не маєш іншого виходу». Це дійсно так, головне – своєчасно це усвідомити).*

*2. Видавити сльозу співчуття. (Я одужав, маю сучасні протези, які хоч і не замінили рук, дозволили мені бути, значною мірою, самодостатнім та незалежним. Маю щастя робити важливу справу в команді одноступів, про яку можна тільки мріяти).*

*3. Зняти камінь з душі, переклавши його в душу читачам. (Пройшовши ті етапи, які описую, я досяг внутрішньої свободи та душевного спокою. Духовна досконалість – то процес перманентний та безмежний. У мене грандіозні плани на майбутнє – не важливо, чи це буде 49 років чи 2 дні).*

*4. «Закосити» під письменника. (Мені вистачає почуття гумору для оцінки своїх «літературних здібностей»).*

*Єдиний сенс, який я вбачаю в цій історії: якщо когось, хто вже в десятій чи сотій раз повертається в «Попереднє меню», моя маячня на 1/100 допоможе нарешті вибрати «Далі», – я буду щасливий більше, ніж від 10000 «лайків» і стількох же схвальних коментів.*

\* \* \*

*Настає новий день! Господь ще вчора все спланував.  
Від тебе треба лише пара дрібниць – за будь-якого  
розкладу не втратити власної гідності!*

**1**

Яскравий спалах і вибух – ніби за два кроки прилетів 122-мм «кабан». Хоча то лише маленька зелененька цяцька – РГД-5 (*Ручна граната РГД-5 – протипіхотна уламкова ручна граната дистанційної дії, наступального типу. Основне призначення – ураження особового складу супротивника уламками корпусу.* – Ред.). «Дашка» (*великокаліберний кулемет ДШК.* – Ред.), встановлена посеред зали, продовжує відбивати свинцевий смертоносний такт. Падаю на бетонну підлогу, відчуваючи, як щось липке і тепле заліпило праве око та розтікається по обличчю. Розірвана нижня губа трохи заважає, але дихання рівне. Руки здаються напіврозплавленими, і таке відчуття, що зменшились у розмірах. Намагаюся опустити додолу, але правий лікоть заклонило намертво. Болю нема. Перше відчуття – це подив.

– Цього не могло статися зі мною за жодних обставин. Я такий класний чувак, Господь не міг допустити цього...

Чую голоси і тупіт, хтось кричить:

– Важкий «трюхсотий»!..

Відчуваю, як наді мною схиляється декілька чоловік.

– Док, готуй інструменти. Тут піпєц!

Після цієї фрази розумію, що солдатське щастя – «миттєва смерть або легке поранення» – проходить повз мене. Шість пар міцних рук хапають мене і бігом несуть в глиб терміналу. Хтось спереду невдало схопився за бронік, і той насунувся мені на обличчя. Стало важко дихати. Чужим голосом прошу відірвати кевларовий комір.

«Дашка» не замовкає.

В терміналі вже майже темно. Мене опускають на підлогу, док возиться з джгутами. Відчуваю, як теплі струмені крові залишають тіло. Болю, як і раніше, нема, тільки страшно нудить, відчуття, що ти застряг десь між світами. Ладен віддати все тільки за те, щоб втратити свідомість, але то не сьогодні і не для мене. Прошу вколоти «Налбуфін» чи «Бутарфанол», завжди плував ці приколи. Кажу, що мій у лівій нарукавній кишені (добре, що хоч у лівій). Відчуваю укол, потім ще, але краще не стає.

– В мене нема рук?

Молодий лейтенант, мій командир, здається, крізь сльози, палко видавлює:

– Все буде добре, руку пришиють, вона коло тебе. Будеш ще на моєму весіллі гуляти...

В розпачі ляпаю дурницю з дешевого фільму: «Пристреліть мене. Як я буду жити без рук?» – чую свій голос десь здалеку. Наче сиджу в партері театру. Добре, що поряд нема Станіславського, не повірив би. Халтура.

Док, здається, завершив свою справу.

– Запиши: 16:30.

Десь на мені пишуть час. Теплі струмені стають рідшими, але краще не стає. Нудить ще більше. Знов прошу, щоб вкололи щось, щоб я відключився. Хтось здогадується розстібнути ремінь, щоб стало легше дихати. Латунна пряжка бряцнула об підлогу. Мій улюблений, ще студентом переробив його з дядькової офіцерської портупей. Майже як у Данді на прізвисько «Крокодил». Нудить так, що вже нема сил. Мо, то вже конаю? Чекаю, коли почну пролітати через тунель до яскравого світла, побачу згори своє понівечене тіло, все життя перед очима... Ну, щоб все, як має бути. Та ніц! Напевне, з мене ще не досить.

– «Коробочка» підійшла, давай грузити!

Ті ж міцні руки хапають мене і несуть до БТРа. Цей довбаний десантний відсік явно на мене не розрахований. Бідні хлопці не знають, як до мене підступитись. Допомагаю їм ногами та в стилі пітона нарешті заповзаю всередину. Гупають двері:

– Пашол!..

Понеслась! – БТР вилітає на «взльотку» і мчить у бік Пісок. Ці декілька кілометрів, здається, тривають цілу вічність. На скачках права рука, що як-небудь примотана до шини, постійно падає. Далі бригадна швидка. Лікар, з яким тиждень тому снідали курячим паштетом в Тоненькому, ставить крапельницю та постійно розмовляє, щоб я не відключився. Хочеться послати, але ж то док, і він «при исполненії». Як мантру, повторюю:

– 4+, телефон у кишені, прізвище...

Районна лікарня. Стомлений лікар та медсестра роздягають і везуть до рентген-кабінету. Жалкую за зіпсованим «бундесівським» кітелем. За пару годин до вибуху знайшов його у волонтерці, саме мій розмір, надів – як на світ народився. Одним словом, чічі-ляля, не те що наш «піксель» моднявий. Тепер, блін, жилетку маю. Сестра на ходу заповнює якісь папери.

– Прізвище?

– Терещенко.

– Ім'я?

– Олександр.

– По батькові?

– Леонтіювич.

– Зрозуміло, Леонідович, – повторює вона записуючи.

– Леонтіювич, б...дь!.. (Зриваюсь на крик – завжди дратує, коли плутають).

Сестра перелякано виправляє та вибачається.

Вертолїт. Знову швидка. Від вертольота до швидкої каталку супроводжує незнайома жінка, яка, поклавши руку мені на плече, лагідно каже:

– Все позаду, рідненький. Ти в Дніпрі. Ще станеш чемпіоном зі стрільби. У нас чудові лікарі...

В очах сльози. Намагаюсь посміхнутись, але через розірвану губу посмішка виходить а-ля «рестайлінговий лускунчик». А далі операційна. Яскраве світло. Хірург торкається правої руки нижче ліктя і запитує, чи я щось відчуваю. Крізь сльози шепочу, що ні, але дуже хочу відчувати, благаю зберегти. Нарешті відключаюсь.

Відкривши око, розумію, що вже ранок. Я в ліжку. Дивно бачити білу білизну. Так чисто, аж огидно. Звертаю увагу, що замість рук скривавлені бинти. Емоцій ніяких. Напевне, морфій. Помічаю незнайому симпатичну жінку поряд. Вона ніяково посміхається:

– Я Лена, психолог, буду біля тебе, скільки потрібно.

Запитує, чи хочу їсти.

Як не дивно, хочу, ще й дуже.

Дістаючи якісь «балабаси», Лена обережно починає здалеку пробивати, «на якому я світі», – типу чи займаєш суїцидом зараз, чи спершу поснідаю. А я тим часом міркую, до чого тут психолог. Що зі мною не так? Ну, так, відірвало руки – але ж то до хірурга. Око? Наче офтальмолог. Щось тут не той-во. Може, має рідню зустріти. Підготувати, яке «щастя» їх тут чекає. Втамувавши голод, починаю щось п'ятякати, щоб заспокоїти психолога.



Заходить санітарка з «туалетним аксесуаром», пропонує допомогти. Відпускаю якийсь жарт і встаю сам. Підійшовши до дзеркала у вбиральні, бачу в ньому кумедного чолов'ягу. Згадую «Теорію запою»: «Это кто там такой некрасивый пришёл?..»

Да, блін, відон ще той!.. Праве око заліплене пов'язкою, півобличчя вкрито якоюсь незрозумілою кіркою з крові та пороху. Нижня губа та права брова зшиті на вузли, наче мішки з картоплею. Паратрійка нижніх зубів у мінусі. Ну, руки... то особлива тема. І все це одягнено в якусь коротку білу сорочку, схожу на жіночу «ночнушку» епохи Керенського. З-під короткого рукава звисає китиця різнокольорових катетерів. Згодом на запитання молоденької журналістки, що то таке, – з серйозним виглядом пояснив, що то Audio, Video та USB-виходи.

Підморгую собі:

– Е, брат, та ти ще легко відбувся. Он ще скільки всього лишилося. Вуха, наприклад, зовсім не постраждали. Принаймні, зовні...

– Ну що ж, ласкаво просимо в нове життя! Життя після 16:30...

## 2

16:30. За майже 48 років стрілка годинника відміряла цей час 17502 рази. То був 17503-й. До фіга! Пам'ятаю, коли в дитинстві до мене нарешті дійшло, що люди не живуть вічно (бабуся проговорила-ся), впав у страшну дитячу депресію. Вираховував на коробці від сірників, скільки там мені, нещасному, залишилось днів... Виходило жахливо мало. Найбільше пригнічувало, що мамі залишилось набагато менше. Дякувати Богу, я навіть не здогадувався тоді, наскільки менше.

Тата я майже не пам'ятаю. Згадую тільки ті рідкі моменти, коли він був «у зав'язці» та дуже класно розповідав нам з сестрою «казку» про Тарзана та мавпу Чіту. Потім знову не втримався – по п'янці набив комусь макітру і сів на 3 чи 5 років. З вільного поселення, так званої «хімії», самовільно приїхав у «відпустку». Додали ще. Побачив його, коли вже мав 14 років і не дуже розумів – хто то є батько і як з ним поводитись. Мама дуже любила тата, намагалася врятувати, возила аж на Урал кодувати, але марно. На жаль, батько наробив багато дурниць, після яких мама не змогла його простити. Я теж. Оселившись десь аж на Волзі, він писав листи, просив вибачення, під кінець навіть просив його забрати до себе. Дитячі образи занадто глибоко врізаються в пам'ять. Я навіть знайшов 1500 причин, щоб не поїхати, коли його ховали. Я не дав йому жодного шансу бути пробаченим і спочити з миром. Я, сука, той, в якому тече його кров 4+, який схожий на нього майже як дві краплі води. Коли приїздив підлітком у його село, чув за спиною: «Он Льон пішов...». Льон – саме так його звали батьки та знайомі. «Льон» – саме такий позивний я собі взяв, щоб хоч якось спокутувати свою провину. Саме тому я іноді агресивно реаую, коли мене називають Леонідовичем.

– Я закінчив.

Здається, Лена зовсім не здивувалася, що в такий момент я переймаюся саме цим, а не своїми втраченими руками. Напевне, психологом вона була класним, бо після її порад мені трохи полегшало. Хоча, може, то морфій. Добігала кінця лише перша доба після тих клятих 16:30. Я чекав на приїзд рідних. Хвилювання чомусь не було. Було відчуття, що я спостерігаю за всім, що відбувається, десь із того самого партеру театру. Того самого, що й у терміналі. Ще вранці, коли прийшов лікар спитати, як я, та пояснити, що він був безсилий врятувати руку, – попросив його набрати номер та дати мені телефон:

«Привіт. Я живий, але без обох рук».

Якось дуже спокійно та байдуже все це в мене вийшло. Знов халтура. Бідний Станіславський зробив черговий оберт десь там на Небесах.

«Як без рук? Ти де?!»

Ну, потім, звичайно, сльози. Лікар забрав телефон і почав щось пояснювати сам. А я поринав у сон. Засинаючи, згадав гробаних сепарів, що зіпсували мені бундесівку, суки, на фіг мені тепер та «жилыотка»...

## 3

Реанімація «Мечки» (Дніпропетровська обласна клінічна лікарня ім. І.І. Мечникова. – Ред.). В кімнаті чотири ліжка. Один без свідомості вже кілька діб, другий періодично стогне, коли приходить до тями, намагається повіривати все, що до нього під'єднано. Але найгірше, що лікарі не можуть добитися від нього, як знайти рідних. То, блін, капец, як погано. Третнього не пам'ятаю...

Я – біля вікна. Ліжко якесь модне – з матрацом, що періодично наповнюється повітрям, потім спускається. Таке враження, що ти на морі. Правда, жаркувато на ньому, та й простирадло постійно ковзає, бо він якийсь занадто слизький. До великого пальця на правій нозі під'єднана якась фігня, що веде до приладу, на екрані якого цифри. Що то воно є? Може, IQ визначає, чи ку його мать. Якщо так, то я красунчик, судячи з того, що на екрані. Але лікар розчаровує: то лише показує насиченість крові киснем. Шкода. Незважаючи на те, що катетери працюють по повній, два-три рази на день вливають в мене всяку всячину, я тут кайфую. На цьому ліжку надувному з чистою білою постіллю, біля вікна, нічого не гупає, вентиляція працює справно, одним словом – як у Бога за пазухою! Це ж тобі не в терміналі на бетонній підлозі у кублі з брудних карематів та спальників. А той сморід! – суміш запахів лайна, немитого тіла крутих хлопців та порохових газів. Напевне, так смердить смерть. А може, й ні, може, вона без запаху зовсім... До палати заходить літня жінка в білому халаті, певно, «прохвесорка». Дуже вибачається та питає, чи я не проти поспілкуватися з студентами-медиками.

– Вони майбутні лікарі, їм треба знати, як у вас це все проходить, щоб навчитися рятувати.

– Дівчата? – питаю.

– Так.

– Треба ж було попередити, я б поголився...

Та й «тельнік» ще не купили – що ж то за ВДВ! От халепа. А подаровану сестрою арафатку я взагалі в терміналі залишив. Узяв навмисне, думав, повертатимемося в Крамік (так скорочено прозвали Краматорськ) – а я такий на броні, в арафатці, як справжній посіпака. Селфі, всі діла... До речі, наступного разу, коли буду згадувати довбаних сепарів, не забути пригадати їм ще й арафатку. Ну, то що поробиш, заводьте, як то кажуть, «нині маю час та натхнення».

– Запускайте!

До палати заходить з десяток дівчаток, перелякано поглядають на «потерпевшого». «Прохвесорка» їм щось показує та розказує, іноді питає мене, як то все було, що відчував, та ще якусь фігню. Одним словом, як в інтерактивному музеї доісторичних тварин. Типу екскурсовод підводить глядачів до опудала мамонта чи стегоцефала і «вжліво» так питає:

– Як ся маєте, шановний, який ваш морально-психологічний стан?

– Усьо добре, ідіть вже, не заважайте. Мені тут ще років 200 байдикувати...

Десь так. Екскурсія кінчається, дівчатка бажають одужання, поспіхом залишають палату. Може, кому зле стало. Нічого, хай звикають. Зате до патологоанатома вже підготовленими підуть. А я не можу заспокоїтись через арафатку. Курва, жодного разу не надів! Довбані сепари!..

#### 4

Пройшло вже майже два місяці. З «Мечки» перебрався в офтальмологію. Тут взагалі апартменти. Морфій колоти перестали, а настрої, як не дивно, не зіпсувався. Може, то контузія дається знаки? Треба за собою постежити, а то ще тойво... Починаю вже трохи замислюватись. Ну, типу:

*«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,  
Синь очей утративший во мгле...»*

«Синь очей»? Поки що, правда, одного ока, але тим не менш.

Найперше, що я зрозумів за цей час: якщо ти не заслужив на прямий квиток до Вальхалли, життя з тебе висмокчуть по краплині солодкі вбивці – співчуття та жалість. Цей людський ресурс просто бездонний. І не тому, що люди такі погані, перш за все, тому, що ти такий, що викликаєш співчуття. Ти починаєш вживатися в цю роль і вже не уявляєш власного життя без сторонньої допомоги. А якщо при цьому з тебе





роблять ще й героя «народного фінського епосу» – тоді гаплик. Повільно, але впевнено ти перетворюєшся на шановного овоча, а з роками – повного кавалера ювілейних нагород. І одного разу, зазирнувши в дзеркало, ти жажнешся від лискучої та самовдоволеної пики. Той «загиблик» у дзеркалі вбиральні 16-ї лікарні Дніпра був набагато привабливішим. Якби хлопці тоді, в терміналі, знали, що тягнуть на собі центнер овочів, – може, впустили б хоч пару разів. Отож, брате, треба негайно вже «раму докупи збирати».

І найперше, з чого треба почати, – так це навчитися самому жерти. Ніщо так не підкреслює твою безпорадність, як годування з ложечки. То просто капець якийсь. Крім того, на цьому ґрунті виявив третинні статеві ознаки, про які раніше і гадки не мав.

От, наприклад: коли я їм або мене годує син (відбивною, картоплею та салатом), – все чітко, зрозуміло і системно: відбивна, картопля, салат... відбивна, картопля, салат... Коли ж тебе годує хтось із жінок, система інша – ніякої системи: відбивна, картопля, картопля; салат, салат, картопля; відбивна, відбивна... Як то може бути? Довбані сепари. Хоча сепари тут, напевне, ні при чому. Просто – довбані, і все.

Як бути? Варіантів, звісно, обмаль, але троньки є.

Варіант перший і найпростіший: робоча назва – «їсти мордою».

То як з фільму на каналі Animal Planet про «нільських крокодилів»: тиха поверхня ріки, щебечуть пташки, і раптом – хабач! – з води вилітає якесь чудовисько з безрозмірною пащекою і миттєво хапає все, що погано стоїть на березі, та ковтає то всьо за дві секунди. Якщо оволодіти досконало – то це, практично, бездоганна техніка. Тільки два недоліки: вона мало придатна для перших страв, бо можна виглядати як мій улюблений спанієль Квінто. Він як поїсть борщу, то потім півдня струшує з вух капусту.

Ну і, по-друге, такий «етикет» на людях «народное достояние» дозволити собі не може (по протоколу). Для того випадку розробляю комплект змінних насадок на базі напульсника для спорту. До одного прикріплюється ложка, до другого вилка, ну а до третього стилус – то вже для розваг.

Мою увагу відволікає голос у коридорі. Якийсь чел патякає по телефону:

– Да, написал, как договаривались. Я шёл за кулисами сцены, и бутафорская стрела попала в глаз!.. Что? Как я теперь буду с одним глазом?!

Відповідаю подумки: «Да нормально, чаще вертеть головой будешь! Глаза – это ж так же, как яйца! Одно – запасное...»

Ну що ж, життя налагоджується!

## 5

Знаючі люди кажуть, що звичка укорінюється в нас за 21 день. На те, щоб звикнути, що ти «особливий», – треба трохи більше. Все залежить від того, як швидко ти зможеш прийняти за даність те, що, власне, вже прийнято без тебе. Тобі треба лишень поставити галочку в квадратику біля тексту «з правилами ознайомлений та згоден» і тиснути на «Продовжити». Ну, або «Повернутися в попереднє меню», як на звичайному інтернет-ресурсі. Можна, звичайно, 253 рази повертатися в попереднє меню, але воно лишиться незмінним. Тож ставлю галочку і тисну: «Продовжити».

Найперше, що треба зрозуміти, – це те, що життя без болю більше не буде. Ну, в сенсі НІКОЛИ. Але це біль незвичайний. Це біль ексклюзивний. Болить те, чого, власне, нема. Фантомний біль. Щоб здолати чи співіснувати з ним, є декілька варіантів.

Найефективніший, найпростіший та найдоступніший – то, звичайно, суїцид. Одна мить – і ніякого болю: чистий спокій.

Якщо не брати до уваги деяку неестетичність цього процесу, є ще одна суттєва фігня – сучасній науці достеменно невідомо, «як суїцид вплине на карму».

Жоден медичний чи парапсихологічний заклад не видасть тобі медичну довідку, що то всьо є безпечним. Тоді що ми маємо? Ти, задовбаний від тієї всієї історії, згвинчуєш по-легкому з цього тлінного життя і – упс! – в наступному житті народжуєшся... Скажімо, баобабом, який живе 1000 років.

На перший погляд, це зовсім непогано. Стоїш собі десь в Австралії, втикаєш, слухаєш вітер, пташок... Коротше, повний релакс і реабілітація. Але обов'язково в тій місцині поселиться зграя койотів, які почнуть кожного дня справно підсикати твій величавий мужній стовбур. Кожного, сука, Божого дня. А якщо, не приведи Господи, серед того кодла буде один, який в минулому житті був довбаним

сепаром, цей процес стане сенсом всього його койотового життя. Він передаватиме цей ритуал кожному своєму паршивому цуценяті, буде жерти виключно сечогінну травичку, оселиться десь поряд, щоб частіше тебе відвідувати. І так, блін, 1000 років. А ти стоятимеш у цьому лайні і не зможеш не те що перейти на інше місце, а навіть гаркнути на нього: «Ціба, покидьку!» Бо ти ж баобаб. Ну, як тобі?

Я коли це уявляю, підсвідомо ховаю під себе ноги, бо наче відчуваю, що ці волохаті злидні вже десь поряд причаїлися та готуються по черзі, піднявши паскудну задню лапу, зробити свою мокру та смердючу справу. Уявив? Отож! Я точно – пас.

Навіть аргумент, що ВДВ (чи то по-новому ДШБ) та суїцид – речі не сумісні, виглядає не так вбивчо, як оця перспектива з баобабом та койотами.

Далі в рейтингу – «смаколики»! Враховуючи, що рівень співчуття до твоєї злегка відформатованої персони просто зашкалює, охочих впіндюрити тобі дозу «Налбуфіну» чи «Бутерфанолу» не бракує. І, на перший погляд, – то дуже кльово. Приємне тепло розливається по всьому тілу, доносячи до кожної клітини суміш спокою та ілюзій... Але тут теж є свої приколи. Надовго тієї байдості не вистачає, і тобі треба мінімум тричі на день підставляти вену. Врешті-решт, ти остаточно втрачаєш волю, і якщо, не дай Боже, тебе за дупу вкусить комар – будеш на колінах благати вколоти тобі щось, бо ти «погібаєш». Коротше, ця маленька скляна ампула з прозорою рідиною стане для тебе – що голка для Чахлика Невмирущого (тепер, здається, так звуть Кошея Безсмертного). А у випадку, коли ти ще й фізично сам собі не зробиш той клятий укол, – то вже подвійне ярмо. Тому йдемо далі.

Чарівний витвір фармацевтів з романтичною назвою «Лірика». Ніяких наркотичних речовин у складі, не викликає залежності, просто біленька пігулка, яка творить дива! Після 2–3-х місяців прийому препарату я відчуваю, що ліричні пісні Олега Мітєєва, які я полюбляв до війни, тепер просто обожаю. А лікувальну дію «Лірики» можу порівняти хіба що з цілющими властивостями капустяного листа, яким моя покійна сусідка, баба Вовчиха, лікувала все, починаючи від ячменя на оці до геморою.

Ну і, нарешті, те, на чому зупиняюся.

Техніка має назву: «Лечение бешенства у собак методом самовнушения».

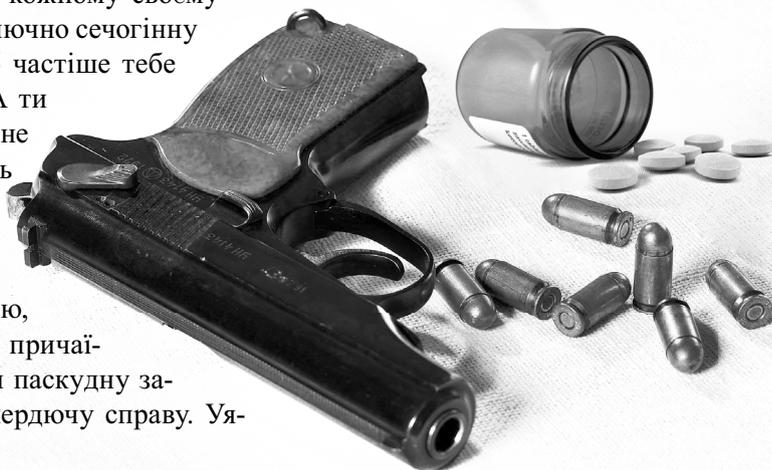
Не буду зупинятися на супермодному досягненні з цієї області – вправах із дзеркалом, бо там треба мати хоч одну кінцівку. Суть її полягає в тому, що ти стаєш перед дзеркалом і наявною рукою крутиш дулю, а відсутньою рукою намагаєшся уявити, що ти дулю скрутив. Якщо те вдасться, то буде тобі щастя!

Я ж уявляю той клятий біль своїм заклятим суперником. Це значить, що в тобі постійно точиться своєрідне футбольне дербі. З часом ти звикаєш повністю контролювати гру і перемагаєш з мінімальним рахунком. Але коли змінюється погода, той сучий син всією командою переходить в наступ, твоя оборона тріщить по швах, і здається, що то капець. Треба діставати джокера. Ти такий – сідаєш зручніше і кажеш так екзальтовано: «Давай, покидьку, давай! Ще, давай!.. А ось так особливо приємно».

Тільки вираз обличчя має бути обов'язково, як у Брюса Вілліса в «Міцному горішку», коли він йде босоніж по битому склу. Без цього – то всьо собаці під хвіст.

А ще цей ексклюзивний біль починає виконувати в твоєму житті важливу функцію: коли прокидаєшся зранку від болю – значить, живий, і то є добре!

Згадую свого друга і «кулегу» по штучних кінцівках Олега Кравця, якому я, до речі, присвячую цей уривок з майбутньої палітурки (можливо). Коли я сідаю в його обшарпану «четвірку» (ВАЗ-2104), яка працює на газу і в якій так смердить газом, що аж очі виїда, – на моє запитання: «Чому так смердить?» – він розпливається в чарівній вусатій посмішці так, що його хитрючі очі перетворюються на лукаві щілини, і урочисто так відповідає: «То ж добре, значить, газ е!» А потім голосно рече.





Час поволі стирає з твого жорсткого диску кластери з файлами, створеними до 16:30 15 жовтня 2014 року. З тими, які вже не матимуть у твоєму житті жодного сенсу. Які якірним ланцюгом тримають тебе на місці, не даючи можливості залишити тонучий корабель. Все те, що провокує в твоїй голові запитання типу: «Чому це сталося саме зі мною?», «Я більше не зможу це зробити», «Хіба то життя?» – негайно йде в бан.

Якщо важко, зустрічні запитання: «А чому не з тобою?», «Чому, сука, з кимось іншим?». «Ти не знав, на що йшов?». Ти розраховував постріляти на полігоні, на крайній випадок відсидітися в Краміку, наробити купу селфі в арафатці, виставити то всьо в Фейсбуці та тішитися, рахуючи «лайки» та читаючи захоплені коменти?

...Заходжу в тролейбус, звично впираюсь ліктем у поручень, правий порожній рукав заправлений у кишеню, то задля форсу. Відчуваю на собі чийсь уважний погляд. Чоловік мого віку вп'явся в мене поглядом, повним співчуття та жалю. Напевне,

вважає, що тим він мені допомагає триматися. Намагаюся не звертати увагу, спостерігаю знайомі міські пейзажі за вікном. Але дуже скоро то всьо мені починає набридати, виникає непереборне бажання підійти й прошепотіти йому на вухо з десяток пунктів, за якими я мав би поспівчувати йому. Та так прошепотіти, щоб він у кращому випадку весь шлях боявся відвести погляд від вікна, перераховуючи всі до одного стовпи, а в гіршому – зійшов на першій же зупинці, згадуючи той гробаний тролейбус усе наступне життя як жахливий сон. Але то не моє. Та й кому від того полегшає, що одним демотивованим чоловіком у країні стане більше. Обмежуюсь важким красномовним зустрічним поглядом в область перенісся. Менш ніж за хвилину пасажир в'яне. О, так вже краще. І не здумай мені більше, а то, присягаюся, прошепочу!..

Коли я майже біля цілі, в гарнітурі лунає огидний та зловтішний голос: «Телефон 1 отключён». Через кілька секунд той самий, але вдвічі зловтішніший голос робить контрольний у голову: «Телефон 2 отключён». Сукаааа! Функція Help зникає з меню на твоїх очах. Блін!.. Модна гарнітура, що дозволяє приймати телефонні дзвінки за допомогою голосових команд, – сьогодні, здається, має свої плани. Місце і час евакуації передати тепер неможливо. Як літак-фантом, я зникаю з радарів. Перша думка: все-таки підійти до того чувака та все-таки прошепотіти те, що хотів. Ні, не можна. Він тут точно не при ділах. Хай живе.

Розгубленість навпіл зі страхом. Бридке солодкувате, підзабуте відчуття під грудьми: «Що робити?», «Куди?», «Alarm!»...

Але паніка триває недовго. Наче хтось невидимий робить ін'єкцію адреналіну – здається, що відчув знайомий укол біля лівого ліктя. Навіть озираюсь навколо. Може, Ангел-охоронець? В лічені секунди безвихідь змінюється п'янким відчуттям куражу, знайомим ще з того часу, коли займався бадмінтоном. Пам'ятаю, безнадійно «летів» з рахунком 2:16, жбурнув ні в чому не винну, до того ж недешеву ракетку, та так, що вона стала схожа на ключку, але, тим не менш, за мить вже заруба, і хвилин за двадцять рахунок уже 21:21, гра на більше-менше (до переваги у 2 очки).

В такі моменти розумієш, що тебе вже ніхто не зупинить. У суперника жодного шансу. Банальна поїздка до інституту на закриття заборгованості перетворюється на захоплюючий квест. SOS відміняється. Все місто в твоєму розпорядженні, але є одна умова: жодного звернення по допомогу, інакше – GAME OVER...

А далі – як у класиків XIX століття.

«Смеркалось». Котресь пошкрябалось у хвіртку.

– Хто?

– Я.

Звичний брязкіт замка.

– Де тебе носить? Щось трапилось?

– Все добре. Так, вирішив пішки пройтися.

- Пішки? Десять кілометрів? Ти божевільний?
- Згоден. Я ж контужений. У ПТСР потенціал безмежний.

Вкладаючись спати, подумав: «Який драйвовий день. Я таки красунчик. Дякую тобі, чарівний голос у гарнітурі».

І вже провалюючись у сон: «Не забути набрати Дімона, нагадати, як я його тоді з 2:16...»

## 7

Дзвінок:

– Доброго вечора.

– Доброго.

– Мій чоловік отримав поранення в 15-му. Дали інвалідність, пройшов уже рік, треба знову на МСЕК, а вона вже місяць не збирається. Кажуть, ви можете допомогти. Якщо знімуть інвалідність – нам кінець.

– Що за комісія, місто, район?

Потім обережно запитую, що за поранення.

– Осколочне в ногу, ампутували палець на нозі, контузія теж є.

– А що з роботою? Можу з цим теж допомогти.

Різно перебиває:

– З роботою ми самі розберемося. У нього депресія. Нам треба допомогти з МСЕКом.

– Добре, спробую дізнатись, чому не збираються. Щодо інвалідності – не «решаю» такі питання.

То до медиків.

Після закінчення розмови довго приходжу до тями. Що то було? Ну, звичайно, як я можу зрозуміти глибину депресії у людини, що втратила на нозі палець... Черствію...

Увечері, повернувшись додому, довго розглядаю свої ноги, точніше, пальці. Пальці, м'яко кажучи, так собі. Великий на правій до цього часу з синім нігтем – футбол. Ті два, що йдуть після великого, – наче з іншої моделі, занадто довгі. Може, китайська збірка? Дякувати Богу, що хоч всі на місці. Напевне, там якийсь прикол з ними. В якомусь із них антидепресивний кризовий центр, невідомий навіть старому Дарвіну? Тоді повезло, з депресняком я б довго не протягнув. Наклав би на себе руки...

Через паузу починаю реготати: «наклав би на себе руки» – то кльовий жарт. Тут треба або протези на себе накладати, або суїцид буде фантомний. Коротше, ні те ні се. От, бляха, і з'їхати красиво не вдасться. Та й та історія з баобабом і койотами не йде з голови. Мій вухатий улюбленець, англійський кокер Квінто, наче розуміючи, чим я тут переймаюся, ліниво підходить, обнюхує мої ноги та, лизнувши якраз ті два неправильних пальці, застрибує на диван, вмошуючи свою волохату теплу голову мені на коліна. Його карі віддані очі, здається, хочуть сказати: «А я тебе попереджав!.. Чому ви, люди, такі самовпевнені?»...

Я згадую коротку відпустку, деś за тиждень до виїзду в ДАП. Квінто не відходив від мене ні на крок, спав на моїх ногах, постійно заглядав ув очі...

Ех, друже, хіба можна відвернути неминуче... Добре, якщо в наступному житті стану псиськом та здибаємось. Я тобі то всьо поясню. А може, поміняємось ролями – ти господар, а я твій пес? Тільки що там в тебе з креативом буде, після собачого життя? Як назвеш мене Тузіком чи Бобіком, ото матиму клопіт!..

Квінто якось дуже по-людськи зітхає та закриває очі. Спить. Згадую, як приніс його додому десять років тому. Його попередник, такий самий чорний англієць Ліон, не проживши й року, пішов «гуляти по райдузі». Хвороба. Я тоді був у відрядженні. Повернувшись та дізнавшись, що його вже нема, зачинився в кімнаті з пляшкою коньяку. Випив майже всю, навпіл зі сльозами. Не сп'янів. Вирішив: шукатиму схожого на нього. Під Новий рік нарешті знайшов. Після роботи заїхав забрати. Заходжу в квартиру – у кімнаті, відгороджені дошкою, нишпорять чотири малих «песиголовці», а цей тяга в зубах качину голову, трохи меншу, ніж він сам. Зразу видно справжнього українця! «Оцей, – кажу. – Скільки?». «50 доларів». «Тримайте. Пішли, Квінто, тепер це твоє ім'я».

Всю дорогу в маршрутці відчував, як те хутряне тепле чудо копірсається та підскигнує у мене на грудях. Мабуть, засмучений, що качину голову відібрали. Уявляю, як дітлашня зараз зрадіє.

Дивно, як тваринам так швидко вдається заспокоїти нам серце та зігріти душу. Напевне, задля цього Господь нам їх і послав.



Майже третину життя ми витрачаємо на сон чи, принаймні, на намагання заснути. Це дивний паралельний світ, у якому півку завжди можна «відмотати назад», або навпаки. Якщо сон чудовий, то, навіть прокинувшись, завжди можна зробити вигляд, нібито продовжуєш спати, і, додавши необхідну порцію відсебеньки, поринути в нього з головою. І навпаки, коли то жадливий сон, в якому ти когось втрачаєш або зірвався зі скелі і летиш у прірву, – треба просто відкрити очі, сказати: «Куди ніч – туди й сон». Ну, або: «Дурне спить – дурня сниться». І наче нічого й не було.

Це світ, у якому народжуються і живуть наші ілюзії, які так ніколи і не стануть реальністю, але з якими так не хочеться розлучатися. Навіть ставши безнадійно дорослими, ми продовжуємо бавитися з ними уві сні.

У цього чудового казкового світу є холоднокровний підступний ворог. Ворог, у якого одна мета – загарбати все, знищити навіть саму згадку про цей світ. Ворог – то безсоння. Воно, як розлючений океан, накочує свої хвилі на неймовірний, вкритий зеленню острів... З роками від мальовничого загадкового острова, по якому в дитинстві ти блукав у пошуках пригод, залишається крихітний атол, на якому ледве можна знайти місце, де бридкі солоні хвилі не торкатимуться твоїх ніг. На якому лишається лише кілька хирлявих, напівзнівечених, де-не-де зелених ще дерев з трухлявим корінням, що стирчить назовні, – твоїх юнацьких ілюзій.

Як тільки у вікні починає сіріти, бій з безсонням остаточно програно. Цьому мерзотнику начхати, що сьогодні субота, якій передував важкий робочий тиждень. І що остання думка, яку видав твій стомлений мозок напередодні, поринаючи в короткий сон, – «нарешті висплюся».

Виспався, блін.

Почалося. Одразу два нав'язливих і практично несумісних бажання починають ятрити свідомість. Перше – це за жодних обставин не надягати сьогодні протез. Бо після виснажливого робочого тижня шкіра на лівій нагадує червоний кирзовий чобіт. І друге – це, за будь-яку ціну, випити кави, негайно. Оскільки о 6-й ранку на власній кухні реальніше зустріти привид батька принца Гамлета, ніж хоч якого-небудь пришепелкуватого баристу, – то, виходить, маю проблему.

Але то всьо триває недовго. Оскільки «потужний інтелект» від того бісового вибуху не постраждав, рішення приходить миттєво. Сьогодні готуємо каву – «морський котик». Ні, жодних аналогій з елітою американських спецпризначенців. Виключно ластонігим чи ласторукиим ссавцям присвячується. Кава має бути зварена за допомогою тільки «підручних» частин тіла, і крапка.

– Квінто, підйом у десантних військах!

Квінто сонно чвалає до кухні. «От же ж Бог господаря послав. Сам не спить і собаці не дає», – красномовно кажуть його розумні карі очі. Смачно позіхнувши, він валиться під стіл і за мить вже хропе. Цікаво, він взагалі знає, що то таке – безсоння?

Приготування кави, в обраній спосіб, виявляється не таким складним, як здавалося б. Лише одного разу впустив ложку. Квінто тішиться тим, як я її підбираю зубами з колін. Зайвий раз переконуюсь, якими легкими виявляються «невирішувані» проблеми, за які ми навіть не беремося, щоб «не втрачати час».

За кілька хвилин цілющий напій готовий. Є тільки одна проблема – тонка, зрадницьки відполірована дерев'яна ручка турки. Шанси налити вистражданий напій у горнятко мізерні. Лякає не перспектива вивернути то всьо собі в мотню, а зостатися без кави. Втім, безвихідних ситуацій не буває. Оскільки цей спосіб приготування кави придумав я сам, ніщо не заважає внести до рецепту крайній пункт – напій найкраще смакує, якщо його пити через соломинку, безпосередньо з турки, залишеної на вимкненій плиті. Круто! Отож. Шкода, що Квінто не може оцінити мою винахідливість.

А я хапаю планшет, чіпляю стилус та зручно вмощуюся біля плити з туркою.

Зайшовши в ФБ, бачу, що таких контужених жайворонків, як я, тут вже греблю гати. В основному тести проходять: «кем ви були в прошлой жизни», «на какую голливудскую звезду вы похожи»... Ну, саме те, що не дає людям заснути на світанку.

Не встигаю «засвітитися», як прокидається Messenger:

– Не спиш?

– Сплю.

– А хто в мережі?

– Хто-хто, фантом у пальто.

Посміхається смайликом.

– Мабуть, дощ буде, так ліву викручує.

– Мабуть. До речі, дякую, що нагадав. Завжди знайдеться справжній друг, який поверне тебе до незабутнього світу фантомів.

Знову смайлик.

– Закинувся «Лірикою», трохи попустило, але ж ненадовго. Ти ж знаєш...

– Знаю, тому й забив на неї. А коли дізнався, скільки вона коштує, – волосся на протезі дибки встало. Моя щира, вразлива українська натура скоріше загнеться від жадібності, ніж від фантомного більшого шоку. З двох зол обирають те, що дешевше.

Посміхнуло.

– А уяви, як би з нас двох одного нормального злампичили? Твої руки та до моїх ніг – ото б по-сіпака невмирущий вийшов!

– Так то воно так...

– Одна проблема – що з башкою робити? Вірніше, з тим, що їх дві. Ми ж обоє красунчики! І розуму в обох, аж з вух підтікає.

– Красунчики? Ну, на мій рахунок не сперечаюся, а ти на себе в дзеркало давно дивився?

– Що? Ти, покидьку, на мій шрам на правій щоці натякаєш? Та мені, щоб ти знав, двісті п'ятдесят разів пропонували його видалити. Пілінги-шмільнги, всі діла, пропонували...

– Та й чого, дурнуватий, не погодився?

– Був би дурнуватий – погодився б. А якщо років через п'ять руки пришиють? Як тоді буду доводити, що я «вАевал»? А тут УБД (*учасник бойових дій*. – Ред.) прямо на пиці, завжди зі мною. Та й невідомо, що зараз у дівчат в тренді – твої вуса чи мій шрам...

Регоче смайликом.

– Я погоджуюсь тільки на зміну голови. Через місяць – ротація, а ще краще – через тиждень, бо твоя пика жере вдвічі більше від моєї. За місяць таке черево від'їси... Як я то всьо на своїх струнких ногах носити маю?

Знову регіт смайликом.

– Ну все, піду ще поваляюся. Субота спливає. Шкода...

– Квінто! Он сусідський собака щось тьякнув, іди надвір, напхай йому там по-свому, а я ще поніжуся...

Субота спливає. Шкода...

## 9

Ранковий обстріл скінчився. Все, курва, по розпорядку, аж нудно. Втім, то фігня, сьогодні конвой – «коробочки» з «попугаями», в супроводі «самовара», а завтра зміна. З півгодини екстриму – і в безпеці, а там і до Краміка рукою подати. Баня, чисті лахи, вечеря (тільки б не рис, бо рис у нашого «майстер-шефа» виходить водночас напівсирий і напівпідгорілий, без спецпідготовки таке не за-кандибалити). А потім спати на розкладушку в рідний ангар-бункер, в якому перші 10 хвилин такий штимп, що хоч сокиру вішай, а потім... коротше, якомога скоріше треба відключитися. Та головне – не гупас...

Так я то всьо собі уявив, що від задоволення ледве не впав з єдиного, ледь живого, стільця, припертого до колони.

Треба щось в себе запхати, поки тихо. Відкрита банка «тушла» щось не надихнула. Від того броніка, що за тиждень, здається, приріс, всі внутрішні органи перетворилися на одну супер-пласку Lithium-ion battery. Скривившись, я потягнувся за склянкою на пожежній шафі. З нічного чергування в ній ще залишилось достатньо кавових зерен. Вночі треба довгенько розсмоктувати те зерно, бо якщо розкусити зразу, звук – що постріл з СВД. Вдень можна собі дозволити гризти спокійно. Не Мс, звичайно, але для кавомана не абищо. Мрійливо жуючи «чашку кави», я скоріше спинним мозком чую звичний вже за час перебування в терміналі свист «прильоту». Але цього разу настільки чітко, що, здається, летить прямісінько на мою «кавомолку». «Кабан» – відмічаю, падаючи на підлогу, завалену карематами та спальниками. Опинившись на підлозі, з задоволенням зазначаю, що склянка з кавою в моїй руці – жодної зернини не втрачено. Достойно. «Кабан» лягає так близько, що вперше за всі дні піднімає купу пилу від пробитих осколками гіпсокартонних стін. Підвівши голову, бачу, що стіна, яка виходить назовні, – як решето, але плазма, яка до цього часу залишалась на ній, так і висить без жодних ушкоджень. «Samsung – рулить» – промайнуло в голові, перш ніж почув збуджені голоси з глибини терміналу: «Пацани, звалюйте звідти!»



Якої там, чую знайомий вже свист. «Ось і льоха до пари. Здається, ще ближче». Коли пил сідає, усвідомлюю, що значно посвітлішало. Маємо додаткову вентиляцію. Втім, вже не до інвентаризації. Це правда, тре звалювати. Вільною від склянки з кавою рукою хапаю калаш та рву берці на голоси. Насипати припинили. Підбігши до «Лешого», чую в його рації, як завжди, беземоційний голос «Маршала»: «Що це була за херня?». У відповідь – винуватий голос когось з арти: «Та то я, хотів спробувати ближче покласти». «Ну ні хера собі, ти спробував! – півтерміналу мені розвалив», – все тим же спокійним голосом зауважив «Маршал».

Блін, то ж свої! «Слава тобі, Господи», – подумав я з якоюсь пришелепкуватою радістю, ніби якщо б мене по терміналу розмазав свій «кабан», то було б набагато краще, ніж сепарський.

Ну, якщо свої, можна повертатися.

Підійшовши до своєї позиції, зрозумів, що той другий «кабан» – реально триочковий, як у НБА. Шакіл О'Ніл, блін. Замість глухої кімнати, в якій була імпровізована вбиральня, тепер маємо шикарний вид на роздובану «взльотку», вкрите вирвами від снарядів поле та зеленку на лінії горизонту. Такі собі двері в зелений світ. Якби тут знімали «Рембо в ДАПі», – після того, як Сталлоне перехерачив би всіх покидьків, він мав би вийти саме через ці двері зі стомлено-величним поглядом, невимушено закинувши на плече кулемет, типу нашої «Дашки». В згасаючих променях сонця його кремезна постать виглядала б монументально. Епізод би тягнув на «Оскара». Шкода, що це не Голлівуд і «happy end» тут не передбачений...

Чомусь саме зараз, майже три роки потому, прокинувшись від перших променів сонця, я так явно побачив ті двері з видом на роздובану «взльотку», вкрите вирвами від снарядів поле та зеленку майже на лінії горизонту. Мені не було знамення, типу: «Підеш у ті двері, сину мій, і буде тобі щастя...» Просто зрозумів, що ті два «кабани», які прилетіли від рідної арти «з любов'ю», знесли щось у моїй башці. Тільки з відтермінуванням на три роки. Зовсім не факт, що за тією зеленою мене чекають «родники мои серебряные, золотые мои россыпи...», цілком можливо – самотність та розчарування... Але вибір вже зроблено сьогодні, завтра – то річ умовна, воно може так і не настати. Кінець кінцем, важлива не стільки ціль, скільки шлях.

## 10

Скільки пам'ятаю своє «свідоме» дитинство, завжди мріяв стати військовим. Майже всі мої фото того періоду – обов'язково в пілотці або ж у насунутому на вуха офіцерському кашкеті, напевне, найменшого розміру, та з пластмасовим автоматом у руках. Якщо фото мало бути більш серйозним та урочистим, я надягав ще й армійського зразка сорочку кольору хакі. Але апофеозом мого мілітарі-дитинства, звичайно, був подарований дядьком старий кітель з майорськими погонами, петлицями інженерних військ та якимись ювілейними нагородами. Коли я надягав той лапсердак десь 56 чи 58 розміру, і це років у 7 чи 8, то погони сягали мені, мабуть, до ліктів. Медалі опинялися десь аж на спині, а рукави, навіть засукані, плуталися між ногами. Щоб той «однострій» хоч якось тримався купи, я підперезувався іграшковим ковбойським патронташем, подарованим мамою, з двома револьверами та пластмасовими зелененькими патронами. Можете собі уявити того малого вояка! – щось середнє між опудалом городнім і «генералісимумом Чанкайші».

Весь старий вишняк в кінці сусідського городу був зритий окопами та різними фортифікаційними спорудами. Бої там точилися до пізнього вечора. А після чергового переможного бою ми співали. Точніше, співав я, а товариш брав якусь залізяку від розібраного великого радіоприймача, дві вишневі палички – та акомпанував мені, намагаючись вибивати хоч якийсь ритм. Але то було зайве. Ритмом я особливо не переймався. Самозабутньо дерся, заглядаючи в товстий, поцуплений у мами, журнал «Мелодія». Першим номером хіт-параду був, звичайно, «Шумел сурово Брянский лес», бо «Дан приказ – ему на запад», «Там, вдали за рекой» та «Тёмная ночь» – то вже замусолені, з дитячого садка, шлягери. Від того несамовитого волання з вишняку, що лунало на весь наш куток, баби Гашина чорноморда зі зламаним рогом корова Маркизя відчувала страшний дискомфорт, через який значно знижувала надій молока. І то ще не все.

За сценарієм ми були партизанами, а баба Гаша разом зі своєю коровою, в нашому розумінні, були злісними посібниками окупантів. Наші партизанські рейди через зораний город часто-густо накривалися її мінометним вогнем – грудками землі. З вигуком: «Куди, курва, по копаному?» – баба «насипала» від душі. В таких випадках нам доводилося відступати у вишняк. Тільки тепер я розумію, що безладно випущені бабою грудки – не що інше, як «прильот», а її занадто збуджений стан

можна було кваліфікувати як ПТСР (посттравматичний стресовий розлад). Оскільки літня бабуся в лазінні по деревах була відверто слабкуватою, у вишневому «лісі» партизани почувалися в безпеці.

Хіба міг я тоді уявити собі, що багато років потому буду реально відсиджуватися в зеленці на ворожій території. Теплим вересневим ранком, сівши на траву та спершись на молодий дубок, щоб трохи розслабити вкінці стомлений від броніка хребет, я намагався заплющити очі, щоб не бачити БТР, на якому лежало прив'язане, прикрите шматком брезенту тіло молодшого сержанта.



Перша втрата мого підрозділу на цій довбаній війні. Ще вчора, коли ми «юзали» соняшникове поле, я запитував у нього, чи не бачив він, випадково, моїх тактичних рукавичок, які я десь посіяв. Було дуже шкода тих рукавичок, бо сестра ледве встигла мені їх передати перед відправкою. Спокійний, впевнений, а головне – живий, сьогодні вже він був просто 200-м. Невисокий кремезний десантник, років 25, але вже досвідчений зірвіголова, по-дитячому плакав над тілом, видершись на броню. Вони разом виходили з оточення влітку...

«У нього залишилися діти. Четверо. Він міг відмазатись», – крізь сльози бубонів він.

Я заплющив очі. В голові був повний безлад. Шматки дитячих спогадів з вишняком, зрительним окопами, кітелом 56 чи 58 розміру, БТР з 200-м на броні в десяти метрах. «Блін, може, я сплю, і все це лише сон?»

Напевне, до всіх цих армійських умовних термінів з «двохсотими» та «трьохсотими» – доклали речення психологи. Бо знеособлення загиблого, можливо, цинічне, але зберігає підрозділ від колективного паралічу. Звичайно, десь там на задньому плані мерехтить думка: «Як би то всьо було зі мною?», – але якимось відсторонено та без особливих емоцій...

А тим часом стомлений «механ», відійшовши на край зеленки, кандибалить собі каву на поспіхом розведеному багатті. Почувши запах того варева, я ладен наставити йому під ребро калаша та прошепотіти на вухо: «Кава або життя». Та розумію, що, по-перше, він обере каву, а по-друге, «механ» на виїзді – то свята людина. Нерухомий БТР корисний хіба що для селфі. Тут же, в чужому степу, сенс його та й нашого існування – в швидкості. Заправлений кавою «механ», вилетівши на пагорб своєю машиною прямісінько на сепарського «залізного уїбана», зреагує дупою – миттєво пірне в зеленку, а звідти по соняшниках. Тож насолоджуйся, Саня, якщо маєш совість. Прибіг захеканий ротний: «Розвідоси повернулися». «По машинах». «Всім під броню». «Знімаємося». «200-го забере вертушка».

Ні, сука, це не сон – це довбана війна.

Здійнявши пилюку, колона покотила між безкраїх соняшникових полів. На роздоріжжі БТР з 200-м відділяється. Сьогодні у нього окрема сумна місія...

## 11

Як не дивно, реанімація згадується якимось спокійно та навіть тепло. Можливо, тому, що відіспався на півжиття вперед.

В реанімації розпорядок – практично, як в армії. Десь о 5-й, можливо, трохи пізніше, бо час тут має зовсім інший вимір, заходить літня санітарка з мискою теплої води та губкою. Починається процес омовіння. Майже як у Висоцького:

*«Если хилый – сразу в гроб!  
Сохранить здоровье чтоб,  
Применяйте, люди, обтирание.»*



І то дуже доречно, бо той модний матрац, що постійно «дихає», здається, шкіряний. Лежати на ньому жаркувато, дуже швидко пітнієш, і то трошки бісить.

Ближче до обходу піднімається легкий кіпіш. Виявляється, до нас їде Президент!

Одна санітарка, перетворившись на цирюльника, наспіх голить нас одноразовими станками. Зі мною простіше – півобличчя фундаментально депільовано вибухом. Сусід, що зліва, до якого через трубки під'єднано якісь прилади, щось бубонить. Можливо, хоче пояснити, що планував відпускати еспаньйолку. Той, що навпроти, мовчить. Поранення в голову. Не знаю, чи відчуває щось під час гоління, бо всі дні, що я тут, він без свідомості.

Інша санітарка залітає з цеберком білої фарби, яка, на диво, не смердить. І починає поспіхом підфарбовувати облізли перила ліжок. У мене, напевне, саме «просунуте» ліжко, бо нижнє перило зовсім відсутнє. Жартома пропоную їй пофарбувати мені нігті на пальцях ніг – для симетрії. Посміхнувшись, жінка закінчує свою відповідальну справу і виходить. Але, виявляється, все дарма – Президент вирішив обмежитись військовим госпіталем, а до нас їде лише заступник голови ОДА. Буває. За декілька годин заходить Філатов у супроводі групи лікарів. Його підводять до пацієнтів та коротко розповідають – хто, звідки та «на що скаржитесь». Я третій. Підійшовши до мого ліжка, він, здається, впадає в ступор. Не знайшовши необхідних слів, опустивши очі, переходить до іншого. Погляд якийсь розгублено-збентежений. Це погляд людини, на яку (як їй здається) поклали сумний обов'язок – першому сповістити мені погану новину: «Розумієш, друже... Тут така справа... Як би це тобі пояснити... Справа в тому, що... на превеликий жаль... ти не ящірка... Кінцівки у тебе не відроснуть... Ось... Вибач... Тримайся». За сценарієм драми, після цих слів я мав би впасти додолу, битися в конвульсіях, здіймати до неба те, що залишилося від рук, та з надривом волати: «Як? Цього не може бути! О, горе мені! Господи! Забери мене скоріше!..»

Ну а якщо то має бути індійський шедевр Болівуду, я маю виконати танець «в дупу пораненого слона». І заспівати якусь сумну пісню, обов'язково підскиглюючи. До речі, другий варіант мені до вподоби. Шкода, що я бальними танцями в школі недовго займався.

Такі погляди я тепер зустрічатиму часто. Дехто зі знайомих вважатиме за краще триматися подалі. І я їх зовсім не засуджую, бо невідомо, як сам повівся б на їхньому місці. Пам'ятаю, як на заняттях з медичної підготовки на полігоні, а потім і в Краміку, коли інструктор починав описувати характерні поранення, звичайно, у всіх фарбах, як можуть лише лікарі, мене нудило, та було дике бажання відійти подалі. А ще – в молодшому шкільному віці в наш клас одного разу завітав ветеран Вітчизняної війни. У нього замість руки був протез, одягнений в чорну шкіряну рукавичку. До цього часу пам'ятаю, який то був жах. Я уявляв, яка вона холодна і бридка, та підробка. Отакі вони – закони всесвіту. Врешті-решт, ніхто тобі нічого не винен. Власне, як і ти, – нікому і нічого.

Якщо людина співчуває тобі чи хоче щиро подякувати, то це – лише співчуття і лише подяка, миттєвий порив чи відчуття провини – не більше і не менше. Чим скоріше ти навчишся розставляти червоні прапорці у відносинах з оточуючим світом, заступати за які – табу, тим скоріше віднайдеш джерело внутрішньої мотивації. Пошуки зовнішньої – роблять тебе вразливим та слабким. Коротше кажучи, ти створюєш для себе своєрідний психологічний бронік – «Корсар 4+», вагою 11 кг 600 г.

Але – це розуміння прийде згодом... Поки що: простора світла кімната реанімації, «просунуте» ліжко з модним матрацом, китиця різнокольорових катетерів під лівою ключицею, через які регулярно надходить чергова доза ілюзій до кожної клітини мого тіла... Ілюзій, буцімто нічого не змінилось. Просто коротенький перепочинок...

## 12

Дорога до аеропорту зайняла не більше 20 хвилин пішки. Від «Народки» до Жулян рукою подати. Квест розпочався. Зайшовши до зали аеровокзалу, розумію, що мій дорогезний «Аксон Хук» виглядає не надто привабливо. Так то і не дивно, на вигляд він – як допотопний гак у відомого пірата.

«Розумію, шановні. Сам не в захваті. Треба потерпіти».

Сівши на лавку, намагаюсь дістати з сумки квиток. Хук, як завжди, у відповідальний момент набиває собі ціну. Паскудник. Куди ще... Хлопець, що поряд, пропонує свою допомогу. «Дякую, я сам». Вийшло, моя взяла. Митний контроль. Кидаю рюкзак на транспортер, сумку та паспорт в лоток. Прохожу в окрему кімнату для догляду. Повне самообслуговування. Митники самі роздягли, самі вдягли, усьо чемно. Цілком справедливо, бо я ж просто знахідка для контрабанди: протез, пика з осколками – всьо, як має бути, щоб відвернути увагу. Та цього разу ніц.

Але маю халепу з багажем. Ніж, виделка та ножиці випадково залишилися в сумці – повний набір терориста. «Можете повернутися та здати в багаж», – радить молоденька митниця. «Дякую, повертатися – то не найкраща прикмета. Викидайте, повезе в чомусь іншому». (Хоча виделки з жовтою пластиковою ручкою шкода. Для мене вона дуже зручна, та й подарована...).

Нарешті реєстрація. Одна з працівниць підіймає табличку «Пріоритетна посадка». Пасажир, що спереду, намагається пропхати мене. Але ні, то не той пріоритет. Чоловік на весь термінал починає лаятись, чому інвалід не є пріоритетним пасажиром. «Дякую, друже, тепер весь термінал може оцінити мій «Аксон Хук». А з рації реєстраторки чути: «Тракторист Валера. Захопиш WDшку»... Об'ємна, з теплою підкладкою куртка М69 під пахвою, сумка через плече, рюкзак на руці, паспорт з квитком, намертво затиснутий гачком (ще б пак! – ступінь стиснення 10 кг на кв. см – то вам не іграшки). «Заряджений», як професор Паганель, прямую до автобуса. Примощуюсь в передній частині салону. З рації водія знову чути: «Тракторист Валера...», далі не розібрав. Який незамінний чувак той Валера!..

Нарешті трап і борт. Кинувши куртку на крісло, закидаю рюкзак на багажну полицю. Закинути вийшло, але Хук знову пішов за своєю програмою – хаотичними рухами заплутався в шлейках. Ледве стримуючись, щоб не матюкатись уголос, намагаюсь вивільнити руку, але марно. Відчуваю, що за мною зібралося чимало пасажирів. «Оце, курва, пробку утворив». Забуте відчуття страху бридким липким слимаком повзе через поперек, загрожуючи перерости в паніку... «I will help you». Повертаю голову – симпатична жінка, східної зовнішності, моя сусідка. О, мадам, хотів би я вам відповісти: «It is not possible» – та не цього разу. Занадто багато «теплих» поглядів відчуваю на спині. «Yes, thank you». Нарешті спільними зусиллями звільняємо того «клятого інваліда». Шкода, звичайно, що довелось скористатися допомогою, але для першого разу піде.

Вже сидючи в кріслі, згадав свого діда. Коли йому було десь під 90, він майже десять років як був вдівцем. Сусідська бабця «підбивала до нього клини», чим дуже дратувала. Одного вечора дід довго не заходив до хати. Я навіть уже почав хвилюватись, коли почув його звичне покашлювання в сніях.

– Де це ти так довго ходив, деда?

– Гашку підіймав. Перечепилася через дріт у п'ятьмах та впала.

«Лазе, тварь, ночами», – галантно додав він.

Певно, про мене теж хтось так подумав.

З трьох мов, на яких пілот Wizzair робить об'яви, не розумію жодної, але здалося, що тракторист-та Валеру теж згадали. Може, просять дозволу на зліт? Якщо дійсно так, то той тракторист Валера неслабо стоїть у Жулянах... Вже не запитуючи, сусідка фіксує мене паском безпеки. «Thank you so much».

Полетіли...

Далі вже без пригод. І через пару годин я вже в надійних руках Гарольдаса. Ось він – омріяний Вільнюс. Ці два з половиною дні у Литві пройшли на одному диханні. Користуватися сторонньою допомогою доводилося лише для закапування ока та застібання блискавки на моїй куртці М69. Але в дружній країні – то не становить проблем. Адміністратор Будинку офіцерів Литви, де я зупинився, з задоволенням мені з тим допомагала. Все інше – чічі-ляля. Значить, так і запишемо: супроводу не потребує. Досить придурюватись...

## 13

Трохи серйозної маячні. Можливо, не варто таке публікувати, але слів з пісні не викинеш. Та й не маю бажання створювати собі ореол «Бетмена» з бравими походеньками по закордонах, подвигами по розпорядку (з 10:00 до 12:00) і таке інше. Водночас прошу не хвилюватися і не заспокоювати, написано не на поточний момент.

Отже...

Як би ти не тримав удар, приходить день відсутності бажань. Звичайнісінький ранок. Той самий весняний промінь сонця у вікні. Та сама кімната. Ті самі фото в шафі, хіба що трохи припали пилом. Але чомусь весна за вікном здається марною, сонячний промінь дратує, а кімната остогидла. Єдине, що тішить, – то це пил на фотографіях... Навіть скороминуща думка про ранкову каву здається не такою вже й привабливою.

Роблю неймовірні зусилля, щоб віднайти хоча б одну причину розпочати сьогоднішній день. Стомлена уява малює лише одне полотно: незрозуміло-брудної масті кінь, запряжений у якусь хи-



тромудру обшарпану упряж, монотонно обертає колесо водокачки чи млина. День за днем, місяць за місяцем, рік за роком... Жалісливий господар надяг йому шори, створивши ілюзію руху вперед. Сенс його життя – в тому щоденному русі по колу, зі жменею вівса у фіналі.

Якщо вірити старому Юнгу, то «...депресія подібна до дами в чорному. Якщо вона прийшла, не жени її геть, а запроси до столу як гостю та послухай те, про що вона хоче сказати». Хоча те, що вона хоче сказати, знаю на десять фраз наперед, – але змушений бути чемним.

– Слухаю, пані.

– Тобі пора зрозуміти те, що давно зрозуміло всім навколо, крім тебе... Всі твої сподівання та мрії – не більше, ніж дитяча розфарбовка. В якій, що б ти не розфарбовував, які б кольори не використовував, – все одно вийде картина лише з одним сенсом для оточуючих: «Господи, як же у мене все добре»... Той кінв незрозумілої масті, що з дня у день тягне по колу лямку, може, й вважає себе арабським скакуном, але то лише його уява...

Пригости даму «Jack Daniel's», запроси на «Овочево танго»... Взагалі, нічого для мене нового – туга смертна, і від того ще менше хочеться розпочинати цей день.

– От дурна баба, і Юнг разом з тобою. Захочу «Jack» – сам вип'ю! Прийом закінчено.

Сьогодні мушу стати тим уявним конем, незрозуміло-брудної масті, з шорами. Жодних думок. Просто поплентатись на кухню. Зварити каву. Ковтнути «жменею вівса». «Jack»? Не варто. Тоді одним днем не відбудешся. Стилус, планшет, шахова дошка... Допоки не розрядиться «девайс», довба ти до нудоти. Результат не важливий. Хоча ні, він важливий, але не шаховий...

Коли екран згасне, – до лісу, подалі від людей, на розтерзанні тиші.

Ви коли-небудь відчували, як «насіпає» тиша? До нестями, до гудіння і тріску, як радіоприймач на коротких хвилях, що марно намагається зловити хоч якийсь сигнал. І що характерно, якщо навіть було б чим закрити вуха, тієї тиші не стане менше, вона тільки збільшуватиме калібр. Хай так. Головне – жодних думок, тільки те грюбане колесо водокачки. Коло за колом, вичавити по краплині з себе цей день...

Завтра знову буде весна, промені сонця, улюблена кімната, дорогі фотографії в шафі і легке запаморочення від самої тільки думки про каву.

## 14

На зоряне небо можна дивитись безкінечно, затамувавши подих перед величчю та безмежністю Всесвіту, розуміючи свою мізерність в його масштабах... Он Велика Ведмедиця, он Мала, а там Чумацький шлях... То, напевне, і всі мої астрономічні пізнання.

Нас безжально змінює час. Ми зростаємо, поволі розлучаючись із дитячими мріями. Метушня сьогодні заохлює в свій нудний та безпросвітний вир. Нам катастрофічно «ніколи вгору глянути». І це зручно. Бо чим частіше дивитися на зоряне небо, тим виразніше стає зрозуміло, що все в твоєму житті мало б бути інакше... Небо лишається незмінним, де б ти не знаходився і скільки б не минуло часу. Принаймні, якщо ти не астроном і не здатен у фігзнаскакіократний телескоп серед міриадів зірок розгледіти, що одна вже, на жаль, згасла...

Я не астроном. Для мене воно тут, у Краматорському аеропорту, в серпні 2014-го, таке ж саме, як і в серпні 1973-го в Мигії. Хіба що не вистачає п'яного аромату матіоли та не почую знайоме мамине: «Саша, до ха-ти»... Воно таке ж саме, як у серпні 2009-го в Грушівці, на березі Бугу. Ми з товаришем намагаємося заснути в гумовому човні, загорнувшись у спальники. Вночі біля води вже трохи тягне осінню. Добренько «заряджений» товариш щось бубонить мені про сузір'я, раз за разом тикаючи в небо непевною рукою: «Та он же ж вона, Касіопея. Як ти, блін, її не бачиш. От невіглас».

Я теж «заряджений» не менше, поблажливо слухаю його п'яну лекцію, навіть не намагаючись запам'ятати. Яка різниця, всі вони неймовірні...

А ще можна годинами непорушно сидіти на Компаніївській скелі. Дивитися, як норавливий Буг накочує свої пінисті, бурхливі води на грядку скель, утворюючи хитромудрі «брояки». Зникають всі звуки навколо. Тебе огортає чарівно-загадковий шум води. Звук вічності...

Так само безкінечно довго можна дивитись в очі коханої жінки. Не вагаючись, потонути в двох океанах, глибиною в «десять тисяч поцілунків»... Сидіти над ліжком сина чи доці. З всепоглинаючою батьківською любов'ю спостерігати, як твоє чадо кумедно посміхається, відкривши ротика, та вдоволено сопе через носик-гудзик...

А в цей же час кращі уми вдень і вночі корпіють над тим, щоб удосконалити знаряддя вбивства собі подібних. І меж для того удосконалення жодних. Людська цивілізація досягла неймовірного прогресу. Знищити більше, швидше, неочікуваніше... Дивні діла твої, Господи.

Десь за тисячі кілометрів якийсь володар світлої голови, після важкого трудового дня, милується зоряним небом зі свого балкона, з задоволенням затягуючись улюбленою Marlboro Gold Pack. Підійде до ліжка сина чи доці. З всепоглинаючою батьківською любов'ю помилується, як його чадо



кумедно посміхається крізь сон. Потім нечутно прослизне до спальні, пірне під ковдру. «Чого ти так довго?» – крізь сон прошепоче дружина пригортаючись... Він навіть встигає відчутти терпкуватий присмак майбутнього успіху – перед тим, як поринути в безтурботний сон... У нього все добре, його творіння вже на «виході». Новий керований снаряд перевершить усі існуючі зразки. Жодне укриття не врятує тлінну плоть від зпепеління. Територія ураження не піддається здоровому глузду. Це безперечно триумфальне завершення багаторічної, самовідданої праці...

Під тим самим зоряним небом пошарпана аеромобільна бригада, чисельністю ледве не повний батальйон, завмерла в донецькому степу в очікуванні наказу вирушати. Мета операції відома лише командирю. І то добре: «менше знаєш – спокійніше дупи на броні». Господь вже вирішив, хто з нас бачить це неймовірне зоряне небо востаннє, принаймні, з цього ракурсу – знизу вгору. Хто це буде?..

Вован, який ніяк не вмоститься у мене за спиною?.. Йому дев'ятнадцять. І він постійно бідкається, що не встиг одружитись. Хлопчисько. Мене це трохи дратує, та не маю жодного бажання натякати йому, що, може, то й на краще.

Чи Ян? Йому теж дев'ятнадцять, але він вже скільки бачив під кордоном у липні, що вистачить на три життя. Через його зовсім не юнацький погляд – здається, що очі належать комусь іншому.

А може, то буду я? Ех, Борисовичу, і чому я не слухав твою п'яну лекцію з астрономії в гумовому човні на березі Бугу? А якщо там, на небі, самому треба буде шукати своє сузір'я? Що тоді? Тинятимусь Чумацьким шляхом як останній невіглас років двісті...

«Рушаємо!» – долинає з рації ротного. Ротний – то звучить, напевно, занадто голосно. У підпорядкуванні майора – не більше взводу. Різношерста колона з БТРів, «шишарів» із «зушками» (зенітна установка), «УРаЛів» та новенького комбатівського «свіжепиксельованого» «Міцика» L-200 з «Дашкою» на тринозі в кузові поволі втягується у серпневу пільму. Через червонуваті габаритні вогні машин здалеку здається, що то згряя невідомих хижаків слід у слід крадеться степовою стежкою на полювання. З відстані десятків, а подекуди й сотень світлових років зірки поблажливо поглядають на наш незрозумілий «двіж». Зірки, які дехто з нас бачить сьогодні востаннє...





Ксана Коваленко. Народилася 17 жовтня 1978 р. у Миколаєві. Освіта вища, філологічна. Працює викладачем іноземних мов. Друкувалась: у колективних поетичних збірках «Музы солнца» (Миколаїв), «Поэтическая пристань» (Миколаїв), «Via» (Канів); у періодичних виданнях «Поле литературное» (Поділля), «Літера Н.» (Миколаїв), «Арт-шум» (Дніпропетровськ), «Согласование времён – 2012», «Лава» (Харків, 2011), «Склянка часу» (Канів, 2011), «Камбала» (Донецьк, 2010), «ЛитЕ» (Харків, 2012), «Журнал ПОэтов» (Москва, 2011). Автор поетичної збірки «Синие-яблоки-чёрные» (2008), поетичної книжки «Книга ангелов и стрекоз» (2016). Лауреат VIII фестивалю поетів «Летающая крыша» (Черкаси, 2005), Міжнародного літературного фестивалю імені Н. Хаткіної «Samabala – 2010», дипломант поетичного конкурсу «Малахитовый носорог – 2005» (Вінниця), Всеукраїнського поетичного фестивалю «Ан-ТР-акт» (Херсон, 2010), Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія» (Миколаїв, 2012). Співорганізатор фестивалю «Ватерлінія» (Миколаїв). Член Національної спілки письменників України (2015).

Ксана КОВАЛЕНКО

## БУТИ ОСТРОВОМ – ХОЧУ

### НАЧЕ ТОПОЛІ

І що ж по мені залишиться? –  
питала у високих великих,  
що тупотіли наче тополі,  
що мова їх була як зелений гомін,  
як білий легіт.  
І що ж по мені залишиться –  
павутинка, волосинка, слинка, пір'ячко?  
В чому зберегти себе,  
що не зотліє-залишиться?  
Високі великі усміхалися наче сонця,  
мовчали наче тополі.  
А вона [я] бігла робити секретик –  
накривала скельцем  
павутинку, волосинку, слинку, пір'ячко,  
закопувала під камінчиком.  
Наче прабабця ховала ікону –  
першу згадку по собі,  
останню надію.

### СПИНИ МЕНЕ

І соловей там падає камінням  
В саду, що я замурувала словом.  
Назвала трави – стали трави колом,  
Назвала цвіт – темнішим за коріння  
І холоднішим за граніт став колос.  
Спини мене, щоб не торкнувся голос –  
Важкий мій, вогкий – теплого й живого...  
Спини мене, щоб промовчати вчасно  
Змогла тебе, себе, цей світ та Бога.

### НЕМАТЕМАТИЧНЕ

Розв'яжи, доню, задачі:

- 1) Якщо людина в пустелі,  
Скільки днів їй вистачить,  
Щоб вивести формулу справжньої самотності?
- 2) Якщо пустеля в людині,  
За якої умови  
Там зростуть мангрові ліси  
Та риби почнуть ходити  
По коренях аж до маківки?

- 3) Якщо людина – пустеля,  
 То чи варто носити воду в решеті,  
 Аби зросити  
 Потріскане чорне серце?
- 4) Коли в пустелі немає людини,  
 То чи волає вона до Бога,  
 Щоби з'явилась у ній жива душа,  
 Принаймні на сорок днів?

### СНІГ УРАНЦІ

Як найідеальніша ковдра  
 Для останнього сну,  
 Під якою побачиш  
 Усі відтінки синього.  
 У глибоководному безмірі, де  
 Ані виринути,  
 Ані видихнути,  
 Піднімаються тендітні ниточки  
 Химер та спогадів,  
 Що навесні  
 Проб'ють ламку кригу  
 Впертими голівками –  
 Бо впертість синонімічна до життя,  
 Бо недомріяне і недожите повертається  
 За примхливим кармічним законом –  
 Проб'ють байдужість снігу  
 Та недосконалість світу,  
 Щоб подивитись на весну  
 Моїми здивованими очима.

### СЛОВО

його не написав,  
 а я його відчула на доторк.  
 і не набив його пуп'янками,  
 а я його почула.  
 навіть і не вимовив,  
 а все одно побачила...

це слово горе-горобцем  
 тремтить всередині,  
 мерехтить шифоном повітря,  
 сліпить відбитим сяйвом зірок,  
 що згоріли кілька еонів тому,  
 а ще відлунюють у нас,  
 як і ми відбиваємось у них.

боюсь, що ти, як і зірка, –  
 лише відлунюєш словом,  
 і ми не збігаємось у часопросторі...

**THIS IS THE END**

Хіросіма – це те, що може трапитись з кожним.  
Герніка – те, що може відбутися з кожною.  
Перл-Харбор – це те, що коїться в наших снах.  
Чорнобиль – те, що пам'ятають наші тіні.  
Фукусіма – те, про що вже здогадуються наші діти.  
Ти можеш цього не відчувати,  
Але Земля –  
Цей не надто вже й великий цепелін –  
Повільно підпливає до Сцилли та Харибди...  
І де та точка опори, щоб повернути час назад?  
Де ті сходи до небес  
І сурмач, що він всіх приведе до тьми?  
Хто зробить ті двері прозорими,  
Щоб прозирати нескінченність?  
Скажи, Джиме, скажи!  
Та чи винні наші батьки  
У цих кошмарах та мареннях?  
Скільки іще дітей  
Мають вистрибнути  
З черева цього синього кита,  
Що неквапливо прорізає хмари безмежжя,  
Аби він зупинився?  
Не  
Мовчи, Джиме, мовчи...

**ЧОТИРИ СТАНИ**

Не бути коханим і не кохати,  
Кохати, але не бути коханим,  
Бути коханим, але не кохати,  
Бути коханим та кохати.  
Мені здається,  
Світ надто переймається цим питанням.  
Мені буває здається,  
Перший стан – найприродніший для всіх,  
Але ми постійно жадаємо четвертого.  
Діти найчастіше перебувають у ньому.  
Чи ж не тому в нас така туга  
За втраченим раєм?  
Мені здається:  
Ми важкими більярдними кулями  
Безглуздо стикаємося  
І впадаємо у другий та третій стан –  
Кому як пощастить,  
І когось це задовольняє.  
І лише кілька обраних кульок  
Одразу впадають в четвертий –  
І сяють,  
І сяють  
Як сонця  
На задрість іншим,  
Стають повітряними,  
Легковажними,

Виключно байдужими до всіх,  
 Та зриваються у космос  
 Попри все.  
 Мені здається:  
 Хто пережив це хоч раз у житті,  
 Вже не може заспокоїтись.  
 Бо ніколи не буває надто високо.  
 Ніколи не бачиш життя таким  
 Нестерпно прекрасним,  
 Як із тієї запаморочливої висоти.

## ОСТРІВ

*Немає людини, котра би була,  
 наче Острів, сама собою.  
 (Джон Дон «For Whom the Bell Tolls»)*

А буває, що небо нестерпне, повітря терпке,  
 і життя повертається яблучним боком до ночі.  
 Хоч бажання піддатись спокусі самотності нетривке,  
 бути островом – хочу.

Із контексту твоїх континентів не випадеш. Тож  
 ти мене повертаєш і ловиш на слові так просто.  
 По мені, по собі дзвоном пам'яті ти не тривож,  
 бо ж ніхто з нас не острів.

## ТЕМНА ВОДА

Удень діти  
 Відчайдушно кепкують з темряви,  
 Лець не умліваючи від своєї хоробрості.  
 Викрикнуть якусь лайку  
 У темну пащу підвалу  
 Та тікати –  
 Із серцем у самому горлі,  
 Із лоскотом у грудях.  
 А вночі так щиро бояться помсти  
 Чорної води,  
 Яка повільно виходить із підвалу  
 Та неквапливо й переможно затоплює будинок,  
 Що зранку був ще золотим та квітковим,  
 А зараз скрипить, стогне і потопає,  
 Немов Макондо.  
 І що найгірше – матері стають  
 Свідками тієї води.  
 Прибічницями тієї води.  
 Жрицями тієї води,  
 Співаючи страшно про вовчка –  
 Про темного янгола тієї води.  
 І від цього не хочеш стуляти очей.

Гірка наука справжньої самотності,  
 Коли почуваєшся справді маленьким.



## СОНЦЯ

У мене ще багато сонць  
за пазухою,  
і кожне сильне,  
як соняшника насіння,  
що тендітними пазурцями  
розламає кригу, асфальт,  
шибки, стіни,  
чиї міцні стебла-промені,  
зронені в землю,  
складуться в золоті до неба сходинки,  
що ними лише злетіти птахою  
або подумки,  
що ними можна піднятися удвох.  
У мене ще багато сонць  
за пазухою.  
Кожне – як усмішка.  
Кожне – як Бог.

## ПОГЛЯД ПІСЛЯ

Ретроспектива смерті. Невідкладний  
тунельний рух. Прозорі крила бабок.  
І трави, що прошили тіло наскрізь,  
коли зотліла на тобі сорочка.  
Ти визрівав, як плід або ж кульбаба,  
з думками легшими за найніжніший легіт,  
і все гадав, чи стане в світі яблук,  
аби пізнати хоч самого себе.  
І знов кричав від страху народитись,  
і все життя мовчав собі потому  
від страху знов померти. Світлотіні.  
І знову рух кудись так невідкладно.  
І плоті мерехтіння (був-з'являвся  
та був-зникав у темінь чи у світло)  
читається поміж рядків і билля,  
немов твого життя ретроспектива...





Нина ПАЛАМАРЧУК

## НЕ ДАСТЬ УПАЙ

\* \* \*

Внутри на цыпочки поднимается  
 Приставляет шаги звуков это лебединое  
 Озеро это эхо это особенная музыка на пуантах не  
 На цыпочках

Стук сворачивается в слова и фразы  
 Точно воздушный замок перевёрнутый  
 Вверх отражением вверх воздушным  
 Змеем

У стен его фокусники и акробаты и  
 Факельные шествия что  
 Бы ни было они на цыпочках на  
 Пуантах точно точки нотного стана  
 Брошенные горсти ноток лишь  
 Части кардиограммы

Когда слова находят друг друга  
 Это ореховая кукла на ветке ели  
 Рождество и новогодние огни  
 Крысиные хвосты переплетаются с тенями перьев  
 Одетта одилия карточные стенки домика  
 Всё пропало

\* \* \*

ощущение дома приходит к шестому десятку  
 стоит на пороге мол одевайся ведь  
 глаза твои внутри там  
 сороконожки  
 устрицы купола невысыпавшихся гнёзд

ты продеваешь ключи в замок отпираешь  
 скрип из него проливается выхлюпнется весь так  
 что руки измазаны не к чему природниться

кто стоит на пороге в итоге прохожий ли  
 голова набок готов не обнять так как мать  
 обнимает готов прислониться к ресницам мно  
 жится

так стоит  
 будто он сам и есть  
 ожидание старости



Паламарчук Нина Николаевна. Родилась 9 июля 1984 года в Житомире. Образование высшее педагогическое, учитель математики. Поэт, культуртрегер, модератор Литературного портала LITCENTR. Участник литературного объединения «Оксия» (Житомир). Дипломант Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния». Сейчас проживает в Николаеве.



\* \* \*

О яблоко которому не дасть упай  
коснёшься ли огня ли поднебесней  
ладони первенец на выдохе лежит  
кто бросил ветку вверх повесил сон  
скучаешь ли кому листок приснится  
приснитьсяприслониться между  
стен косточки невыдуманный стен  
о яблоко внутри костей  
где между рёбер спишь не в унисон  
о ветка выше ветра выше  
ветки

\* \* \*

Нестрогий лес источник раздражений  
Позволить вырастить недолгое желание  
Сошёл бы вон но дрогнут терри  
коны и станет снова белым белым  
Глядящим вверх и рот от удивления и  
Сморщен нос не говорит а гладит  
Локтём достать до верхнего сплетения  
На север белым бога ради

\* \* \*

внутри иллюзии особенная птица  
ковала сапоги навыворот – вышел сон  
летала по делам – но прилетела к гнёздам  
кому ещё

она обязана слететь на травы в разрезе стен  
в разладе с переменчивой погодой

внутри меня хорал на триста мест с кем  
говорить не запуская воздух в холодный рот  
а ты молчишь не в счастье не в беде  
не вбей мне кол не сможешь отозвать

и вот новым сапогом насквозь промок  
и всё стоишь не в силах улыбаться  
не то потомок не то след

травы примятый взгляд не стоит слов

\* \* \*

сквозь удлинённый стебель розовая спина  
почки смущённые, твёрдые позвонки  
под занавеской рубашки  
ладонь выворачивается на  
называет язык голосистого неба  
высовывает язык

отчего же так холодно держать ладонь  
 к утру согреются станут внимательнее мягче  
 пружины пальцев – особенный способ слов  
 существа с удивлёнными лицами младенцев  
 окраины тела в поисках собственного  
 продолжения

\* \* \*

История о боге в конце становится грустнее и  
 Грустнее но продолжаем переворачивая страницы вот  
 Бог ещё любим и любит вот  
 Он снискал запреты и ошибки вот  
 Кто-то закричал открытым ртом и что-то  
 Сплющилось в размер страницы  
 Так  
 История о тебе становится всё более упругой  
 Обветриваясь до размеров школьного мяча  
 Затем – до волейбольной сетки после  
 До перламутрового солнечного диска  
 Я  
 Обхожу цейтнот переговоры и стойкий ужас что  
 Не всё умеет возвращаться не всё  
 Умеет сам себя перевернуть  
 На утро затихает радиовещание  
 Смолкают треск и лай собачий вне  
 Всякого сомнения

\* \* \*

Холм заключенный в себя – обнажение голоса стремительный  
 Горький запахом можжевелевой поросли  
 Так туго завязать себя ещё не пришлось как  
 Этот камень завязала вода как  
 Этот воздух стремителен и стеклянен как  
 Сам холм хранящий ходы тайн и мистификаций  
 Эй, где вход в замок фей или  
 Гномье подземелье где разноглазые гномы копают руду и  
 Разыскивают дорогу всё глубже к центру  
 Обратное к разбудить – спеть колыбельную феям и гномам  
 Камню и воздуху холму и возможной беде  
 Засыпает ноктюрн настоявшийся в прохладе за  
 Сыпает сначала тень хозяйки затем  
 И она сама

\* \* \*

всё это лёгкие беспомощной воды  
 способность принимать тебя как свет  
 во мне проложена строка нелепо  
 я ухожу по ней  
 искала волка вышел белый пёс  
 рычал просил себя нести в дремучий лес  
 не выходи сама на голос  
 я с тобой



\* \* \*

В глубине синего стоит и не  
Шелохнётся с глазами жуками голубыми  
Голубиными сизыми ресницами  
И взгляд не глубже взмаха крыла  
Голубя выловишь – а он только собственно тень от  
Мелком очертишь тень – а она только мягкий  
Знак на конце предложения

\* \* \*

Где белое пятно, за чьим идти  
Округлый взгляд несомая запятая  
Всё сплющилось в глагол нет в междометие  
Почти готовое изъять глагол  
До утра говорить о технике о  
Теремке и рукавичке там  
В холодной сказке поместились все  
Твой дом разъят без прочих разговоров  
У стен стаккато пыль и совершенство  
Которое не постепенно но в движении  
Осталось – розовый медведь пустая кружка  
И между ними голос и трава  
Почти нечётная от всех ударов  
Почти взрослая в угол встать на гречку  
Не потому что сам себя поставил  
А потому что буре всё равно  
Где был бурьян пора случиться грядкам  
Не всё взойдёт но так восходит солнце  
И не событие душа моя процесс

\* \* \*

лабиринт находит в себе человека  
удивляется  
внимательно обитает его отряхивается что же  
еще ему делать и так  
продолжается до без пяти полуночи

вдоль минутной стрелки смута и беспокойство  
словно иволга трясогузка – давай двигайся а  
нет она продолжается так как задумала  
и

\* \* \*

Ф  
способ слова – возможное молчание  
метро закрывается как глаза

из репродуктора буквы нужной остановки как  
волчки запущенные в детской  
мечутся по станции ютятся

из общего репродуктора перепутанные  
за подземным ветром вслед кружатся волчком  
до конца считалочки  
до нужной остановки

\* \* \*

Тысячелетнее солнце спряталось за торец горизонта  
Там в подземном лазе оно отыскалось лицом прижалось  
К запотевшей капусте мелкому луку стрельчатому купковому  
Глубоким картофельным грядкам

На счёте тридцать приходится слегка подпрыгивать  
Чтоб увидеть  
Крайний из зубцов его короны  
На этом счёте легко ночевать в картофельном мешке в пятьдесят килограмм  
Отыскать в лесу вай-фай или  
Потерять в супермаркете пятилетнего в синей курточке

Солнце считает считалки и щекочет изнанку семян  
Я опускаю в ямки картофельные камеры  
Депривации лета





Завялова Інеса Андріївна. Філолог, психолог, громадська діячка. Народилася в с. Тересва Закарпатської обл. Живе в Миколаєві з 1982 р. Автор книг для дитячої та дорослої аудиторії: «Ароматы снадобья», «Крылатый ветер», «У прозорому віконці мрій», «Солодкі кулінарні марева та... Пригоди Ворохтуна, Даринки і Мирославчика в незвичайному світі дитлів», «По лестнице любви – танец смысла», «Дурацкая лавочка», «Новые повороты судьбы и нить тайного», «Малинові долини ранкових світанків». Переможець конкурсу «Краща книга року» м. Миколаєва в номінації «Дитяча книга» (2015, 2016). Бере активну участь в роботі Студії письменницької майстерності «Майстерність слова» (обласна бібліотека ім. О. Гмирьова).

Інеса ЗАВЯЛОВА

## ЗЛИВА

Новела

### 1

Гримів грім... було страшно. В хаті горіла одна свічка. Всі вже давно полягали спати, тільки матуся стояла на колінах і тихенько молилася. Молитву чули діти, які ніяк не могли вгамонитися, бо непогода лютувала своїм вереском і раннім весняним капризом, вона примхливо турбувала всіх цієї ночі.

– То... тихіше вже! Хоч ви вже, діти, спіть! – крикнув строго батько.

– То ж... неможливо, гримить он як... сильно, – озвався хтось із дітей.

– Мовчіть! – знову гримнув чоловіча, кріпкий, здоровий, сильний.

Злива не вщухала з самого ранку, а тепер, під саму ніч, непогода зовсім розлютилася і стала бити по шибках бубном злим та вкрадливим: він, той бубен-небо, то затихав, то ховався, а коли змовкав, то замість свого гримання посилав блискавки грайливі та надокучливі. Тремтіли шибки на вікнах, вітер зло скиглив, розкати грому трясли не тільки небо, але й землю. Блискавка спалахувала зненацька... і тут же... раптово гасла, вона успівала налякати людей, які ховалися в своїх домівках.

От і в хаті Семена діти вовтузилися, хрестилися, бубоніли – всі в домівці не спали.

У цю саму пору в двері хтось гучно постукав, стук почули в хвилиній тиші, яку втішливо пропонувала непогода тому, хто стояв за дверима.

Мати на якусь мить перестала молитися, піднялась, щоб піти відкрити двері, бо стукіт бряцав замком, та газда (її чоловік і батько дітей, які ще досі не спали) встиг піднятися першим. Він відчинив двері, у напіввідчинений дверний отвір зашвиствів зло і похабно вітер. Господар вийшов на ганок, до дітей долинали скупі фрагменти розмови двох чоловіків.

– Степане, це я, Іван, додому далеко, а непогода лютує, пусти до хати. Прошу... бо додому не доплентаюсь... ще десь впаду, так виє та трясеться все навколо... дуже страшно, дерева падають, – глухо промовив знайомий голос.

– То заходь, тільки скоріш, Іване, ото ж такої... так ти ж... ти... нічого собі... то з тебе юшка стікає! – Семен уважно розглядав сусіда. – Що це ти в таку пору тут вештаєшся? – власник великого дому говорив невпопад.

Іван та Семен не були друзями, вони не були навіть приятелями. Сусіди далекі. Держалися в хороших стосунках, і тільки. Семен, газда добрий, багатий, роботящий, мало кого пускав до себе в душу, а до хати тим більше. Держався осторонь усіх. Люди гомоніли про Семена всяке та різне. Хтось вірив, а хтось і ні! У нього була дуже красива жінка, всі в селі казали, що то і є причина його самотності.

Іван – напідпитку, це зразу було видно; він йшов із шинку, в цьому теж не було сумніву. Це був здоровенний чолов'яга. Йому під сорок, а може, трохи більше. Виглядав Іван на всі п'ятдесят з лишком. Важка робота, тяжка доля зробили своє діло, журба та праця забрали в нього красу, дану йому Богом та природою. Великі карі очі змарніли, темне волосся де-не-де посивіло, сильні руки та плечі були вже не такі міцні, як колись; та попри його втомлений та підпиткуватий вигляд, в очах його все ж горів вогник надії. Здавалося, що не тільки непогода пригнала цього чолов'ягу до Семенової хати, а щось інше... було в Івана на думці.

Іван не був п'яницею, навіть навпаки – його ніколи ніхто не бачив у такому стані, в якому бувають невдахи-п'янчуги щодня.

«Щось, видно, сталося», – майнула думка в голові Семена. Він уважно оглядав нічного гостя.

– Катерино, гість іде до хати! Приберись та постав на стіл чарки й закуски. Бо на ганку не діло стояти! Ми з Іваном трохи посидимо... погомонимо. Та хутчій, жінко, бо злива ж на вулиці, йому б зігрітись та просушитися, змок до нитки чолов'яга. Агов! Чого мовчиш, Катю?!

– Та чую, чую, Семенчику! Я хутко... не переживай, – відповіла Катерина.

Вона ще молода та гарна. Її лице біле, очі світлі, сірі, глибокі. Хустина ховає волосся. Вона молодша за Семена на п'ятнадцять років. Заміж вийшла рано. Одна дочка у батьків. Її врода малювалася прекрасним талановитим художником – генетикою, природою.

На вулиці люто, шалено скалився вітер, грім продовжував вибивати своїм дощовим бубном, блискавка танцювала по небу і, здавалося, хизувалась і чимось зло тішилася чи, навпаки... попереджала. Дереву гнулися додолу, немов просили припинити це безглузде вітрове виття, безглузде завивання. Нарешті... двері скригнули. В хаті було тепло, вогонь мерехтів слабенько – груба нагрілася давно, тепло було нічним та сонливим.

Ось у такий вечір Іван Смерека завітав до хати Семена Полія. Семена в селі знали всі: багатий, для такого глухого села, як Грушівка, – пан, а для міста так собі – сільський господар, бо мав свою землю, і немалий шмат, троє дітей-синів та гарну жінку. Газдував, владував сам собі, не любив інших панів, та й взагалі... нікого не любив. Семен завжди в розмові клав грань між собою і тим, хто ліз до нього з балачками, плітками, бесідою.

Свою жінку Катерину не любив коханням палким – він тішився, що вона найгарніша від інших. Грубий він був до всіх, та одне приваблювало в ньому – його хазяйновитість. У селі всі знали, що у Семена водяться гроші. Була у нього добра худоба, та й немалої кількості, велика хата притягувала заздрість сусідів. Земля – єдина пристрасть Семена. Припадав до неї, шептався з нею, мов з коханкою, цілував, коли давала багатий урожай, та лютував, як врожаю не було. То, може, й землю не любив, а всім навколо користувався та всіма, хто був йому рідний та близький. Дехто в селі держався від Семена осторонь. (І той хтось... був правий). Дома його теж усі побоювалися, підкорялися його волі, примхливому норову. Як до нього ставилися люди в селі – Семен знав добре, йому навіть подобалося, що його недолюблювали і побоювалися. Він не був щедрим – майже скупий, мовчазний та похмурий. Таким його знали всі. Тому коли Семен побачив гостя, та ще в таку пору, він зразу зрозумів, що неспроста до його хати прибився Іван Смерека.

Хазяїн першим присів на лавку, кивком голови наказав Іванові теж присісти. Мовчання було дивним, тягучим і якимось незручним для обох. Мерехтіла свічка, товста, велика, добротна. Катерина поставила на стіл чарки давно, та до столу не спішили. Обидва наче принохувалися один до одного, влізали в нутро. Тиша застила якимось тягучим, моторошним павутинням, яке було важко струсити. Семен порушив мовчання:

– Ну то... що? Поближче сядем... до столу, чи як? Бо бачу – ти геть змерз.

– То... начебто... як скажеш, Семене. Зігрівся трохи я, спасибі. Злива... дивна, зла така, наче сварлива жінка. Хоч... я й сам не знаю, які то жінки сварливі, бо моя Олеська добра, Бог милував... живемо добре, мирно.

– Ну й порівняння в тебе, Іване. Злива як злива, до чого тут жінки?

– То так, може, й твоя правда, Семене, – зніяковів Іван.

– Жінки... то не небо і не злива, то зовсім інше. Ну... добре! Не сиди так, скрутився, нехай йому грець, у три погібелі! На... випий! Давай-давай до столу! Випий! Та вже не трясись! Бо дивитися... брр... холодно, – смішливо сказав Семен і щедро налив із великої склянки. – Хлебни... та добре, бо весь трясешся... Давай-давай, не тягни kota за хвіст, – щедрість хазяїна була незвичною.

– І то... правда, змерз як цуцик, – Іван перевернув чарку, випив залпом. – Ой спасибі, Семене! Добре пішло! – Іван смішнувато потрясся.



– То бачу... не тільки непогода привела тебе до мого дому? Пий ще та кажи... чого вже прителіпався, перепрошую, прийшов... до моєї хати. Бо все ж до свого дому міг таки доповзти! – Семен прищурився.

Свічка мерехтіла ніяково, в'яло. Іван випив, закусив цибулиною, іншого нічого зі столу не брав. Їсти йому не хотілося, почував він себе ганьбливо, п'яніти ще більше йому не дуже хотілося. Та відмовлятися від випивки не міг. Іван озирнувся, двері в іншу кімнату були напіввідчинені. Іван став якось дивно вовтузитись, крутитись, нервувати.

– То... я прикрию двері, не переймайся, сусіде, – з розумінням кивнув Семен, – не переживай. Не хочеш, щоб хтось чув? То пусте, не бійся... тут я голова, як скажу – так і буде! – Семен та Іван мовчали, переглядалися. – То... слухаю, кажи, що хотів, – промовив скоромовкою господар. Він підганяв Івана, бо хотілося спати. Ніч надворі.

– Слухай, Семене, – нарешті несміло розпочав гість, – купи мою землю, що недалеко коло тебе, ти ж знаєш... я не жебрак, земелька теж є... дві ділянки, я б... одну тобі продав, найбільшу, гарну, плодovиту, бо гроші дуже треба. У мене сили є коло неї ходити, та діло не в тому... тобі продати хочу, бо ти газда... у добрі руки землю продати хочу, – Іван пив і не п'янів, здавалося, навпаки – ставав тверезішим... говорив ясно, розсудливо. – Жінка моя, Олеська, хвора дуже... слаба стала... мені ліки треба, – Іван помовчав хвилину, нарешті доказав, що хотів сказати давно, – на лікування... Пан доктор каже – лікувати треба, чим скоріше, тим краще, а в мене, окрім землі, нічого немає. Одні ми з Олеською – сироти. Родини немає, спадщина от невеличка від моїх досталася, від батьків, та ти, Семене, про нас усе знаєш! То, може, нам хоч це допоможе... маю на увазі – гроші ж допоможуть!

– То випий ще, Іване, – сказав Семен напружено, він уважно розглядав п'яного сусіда і щось сам собі хитро міркував, – а то... весь трясешся, змерз... Он, дивись, на тобі вся одежина мокра.

Іван якусь мить уважно розглядав себе і неухважно слухав Семена: він провалювався в стан, для нього незвичний.

– То ти ж без воза свого, Іване? Так приплентався... з шинку, мабуть? – спитав Семен.

Він наче хизувався, інтонації видавали його, бо вже задумав погане, а от зовні був привітний, чутливий.

– Та так, Семене, – оживився Іван, знову перекинув злощасну чарку, вже й не першу і не другу.

– Та... ти їж-їж! Та розкажуй, може, й куплю земельку, чого не купити... Бо одне, що люблю на цьому світі, то це землю – хорошу, плодovиту, запашну!

Нарешті Іван почув відповідь. У голові в нього все гуділо.

– А твоя земля, Іване, плодovита, росте там все добре! Не наврочено там... добра земля... хазяйська! Ситна! Куплю! Чого не купити!

## 2

Іван оженився на сироті, в неї не було нікого, була наймичкою. Покохав, пожалів її та й оженився. Та була Олеська завжди така бліденька та квола, слабка якась. Але народила йому донечку і двох синочків, жили добре, дружно, та все ж важко. Донечка – красунечка, хоча ще й дівчатко, а вроди гарної, струнка, білолиця, здорова... не в матір пішла, а в Івана. Жінка ж слабла... газдиня з неї була ніяка тепер, зовсім злягла. Та все ж надія була... Але треба було грошей. Іван трудився на батьківській землі, яка годувала всю сім'ю. А в селі дорожче землі немає нічого!

Шмат Іванової землі був біля Семена, тому і подумав Смерека: а чому б не продати землю батьківську за гарні гроші – можна лікаря з міста привезти, вилікувати жінку, яка була для Івана найдорожчою за всіх на світі. Кохав ніжно, світло, беріг, як міг.

– Семене, купи землю, прошу, – просив п'яний Іван, повторював моторно одні і ті слова. – Гроші треба... на лікаря... уже ж казав, а ти... мовчиш, а може, що й казав, та я... вже набрався добре... в голові паморочиться, гуде, погано запам'ятовую. Оп'янів я... міцно... кріпка горілка у тебе, Семене, – белькотів гість, ледве язиком ворочаючи, а слова булькали, смішно хлюпали, ковталися.

На вулиці спалахнула блискавиця, злива вщухла давно, з неба не падало ні краплини, тільки гудів вітер, він був уже м'якший... спокійніший. Семен зухвало заглянув в очі Іванові та тихенько підбурював:

– То ти, Іване, пий... пий! То вважай, що я в тебе... землю купив! Пий... не журися! Та йди вже додому! Чуєш, тихо стало, тиша для тебе! Злива замовкла! – Семен пригощав, сам не пив, він дуже радів з такої дивної нагоди: тепер він зможе втілити свою давню мрію, бо земля була хороша, вже

давно хотів її прибрати, та не знав як. – То... ти вже просох, зігрівся, по руках! Купив я твою землю, рахуй... купив! Іди вже! Іди, Іване, бо рано вставати! Спати хочу...

Іван підвівся, подав руку газді, потис її міцно, та якимось незграбно. Швидко, хвилясто поплівся до дверей. За воротами чулося чавкання та хлюпінт. Щось упало, знову чавкіт, захлюпотіло. Щось завишало десь далеко, наче кішка, гавкнула десь псина. По небу промайнула остання скупа яскрава смуга. Все стихло...

«От дурень, прийти до мене вночі, та ще й пити, – подумав Семен, та вголос нікому нічого не сказав. – Ну... слава Богу, звалив уже до свого дому, майже доплився. А як десь упав? Не моє діло», – думка була солодкою.

Семен хлепнувся коло Катерини в ліжку гучно, нахабно, злорадно. Діти вже давно міцно спали, їх сопіння чулося з іншої кімнати – тихе, мирне, дитяче.

Семен великою жадною рукою доторкнувся до повних тугих грудей Катерини. Він болюче стискав їх. Жінка мовчала. Млявий скрипіт уривками стрімко заколихався по кімнаті... Шепотіння не було ніякого...

Вітер надворі втих, уже не чути і не бачити блискавиць, грім теж пропав, на вулиці було сиро... злива кудись поділася, і так дивно... хутко... враз... наче її і не було...

Запівніч була моторошна і мокра... Якась гірка і примхлива. Небо ховало зірки, наче закрило їх кудись навмисно і не випускало. Місяця теж не було видно. Дивний сірий туманний мотлох зависав над селом. Весна тільки днів кілька як розпочалася. Зимовий холод ще був тут... поряд, він не відступав, здавалося, що понад ранок на калюжах, на широких сільських болоттях забринить прозорий скляний просвіт, та сили в зими уже не було, тої сили, що була неділю, другу, третю назад.

Остаток ночі Семен не спав, він пішов від Катерини швидко... Сидів на холодному ганку сам. Майже... взагалі не спав, потім чогось довго замлів за столом, свічка догоріла... Вже давно почало сіріти. Ранок розпочався стрімко. Семен гучно порушив тишу своєї домівки.

– Катерино, я купив землю у Івана! – голосно мовив Семен.

– Семене, то ти ж... чоловікові грошей не дав, а кажеш, що купив... – сонно відгукнулася жінка, яка теж не спала.

– Ти чула, що сказано: я землю купив... і гроші йому дав. То він п'яний був... та все-все по дорозі розгубив! Ти мене почувла?! – Семен луснув по столу незграбною кулачиною.

– Семене, бійся Бога, то так же... не можна! – Катерина не могла отямитися.

Жінка скочила з ліжка... впала на коліна і стала просити, щоб чоловік не робив такого зла з невинним. Семен злився і скаженів:

– Я вб'ю тебе, Катюхо, як скажеш... ще слово проти! Чуєш, я йому... гроші дав! Так собі і затам. А свідка... я і без тебе знайду на цю справу! – Семен гримнув хатніми дверима, його човгання почувалося на вулиці.

Катерина впала перед іконою і стала молитися. Вона молилась тихо, довго плакала та хрестилася, недобра звістка забирала у неї спокій. Діти теж чули сперечання батьків. Та хто піде проти свого батька? Замалі ще. Хто піде проти свого чоловіка? Семен у домі – хазяїн, він всім править.

Коли всі діти Семена та Катерини піднялися, батька в хаті уже не було. Семен подався до землі, яку щойно вкрав, він усе продумав. У нього знайдеться декілька невдах, які засвідчать, а з сільським головою домовитись не проблема.

Злива замісила землю, наче добре тісто: земля була волога, жирна, ситна. Вітер то з'являвся, то зникав: віяв то зло, то весело, сильно, тихо, легенько та холодно. Він один чув нинішні подумки Семена. А може, він, вітер... чув думки багатьох, може, вітер знає, яка в кого суттєвість, та чи правдива вона, на те він і стихія, примарлива, капризна, незрозуміла, щоб усе знати. Нині він грайливий, наче в змові з Семеном, не тільки з Семеном, але й зі злом, яке вештається завжди поряд людей, які іноді такі хиткі і м'які, як глина чи якийсь інший матеріал, що годиться до ліпки. З цього м'якіша людської суті можна ліпити різне і всяке, був би тільки віртуоз-гравець, добрий майстер, який вдихне добро чи зло. Але... іноді люди самі грають собою та своїми долями, своїми забаганками та пристрастями. Ситість та гроші спокусливіші за все... вони причина багатьох проблем... чи навіть радощів.

### 3

– Ото дурень... прийшов грошей просити... а нащо йому гроші давати? – кричав Семен. – Кому? Незрозуміло, що може тямити п'яний... Засвідчить, нікуди вона не дінеться!



Семен, недовго думаючи, запряг сам коней, навіть... не чекав своїх небіжок, які йому у всьому допомагали, працювали на нього, – він спішив до вкраденої землі, він став орати, він місив землю своїми ногами і бив батогом по конях, наче скаженів... від щастя. Земля була волога, вона розпласувалася, як жінка під час спокусливої зустрічі. Але... Місилася, нав'язала, прилипала, та здавалося, що це не мішало Семенові насолоджуватися чужим добром, ця кваша не зліла його, а навпаки, радувала. Сусіди заглядували з усіх боків і нічого не розуміли.

– Що витріщастесь?! Моя земля! Купив я, купив щойно у Івана, йому гроші треба... то я у нього купив! – гаркнув зло Семен зівакам.

– Збожеволів... чи що? – шепталися люди.

Шепіт розповзався по селу... Долетів і до Івана. Він схопився, похмілля наче й не було, протверзів ураз... Він вискочив з дому як ошпарений. Була вже добра днина. Біг спотикаючись, падаючи, ні про які гроші він не пам'ятав...

«Так... тільки ж домовилися... не більше», – стукало молотом у голові...

Іван біг через силу, почувався погано. Болоття непогоди розмило все навколо, вітер не встиг просушити і до того розбиті вулиці. Іван ще здалека крикнув голосно, сварливо... на правах газди:

– Семене, то що... ти тут робиш?

– Як то... що? Геть звідси! Ти що, хочеш ще грошей, Іване? Не вийде! Люди добрі, подивіться на нього, як цьому Іванові не ганьба. Землю вчора мені продав, а сьогодні прибіг, як отой дурень, розбиратися! Вгамуйся і геть звідси! – Семен враз направив на Івана рушницю, яку приготував нещодавно, на всяк випадок.

– Не брав... я у тебе грошей! – кричав Іван. – Тільки мова йшла, а грошей не було! То що з тобою, сусіде? На моєму горі хочеш розжитися?

– От бачите, що каже цей небіжчик! Мова йшла... гроші дав! П'ють, як ті свині, а потім нічого не пам'ятають! Ану... геть з моєї землі!

– То нехай... твоя Катруся скаже...

Іванові здалося, що від горя він знепритомніє, та слава Богу, цього не сталося. Але чомусь... сумнів про самого себе заповзав у душу. Іван був збентежений.

– Мені зараз це ні до чого, бачиш, я землею зайнятий! Катруся... Катруся... Я зайнятий! Чи осліп... чи глухий? Геть звідси! – Семен зовсім оскаженів, тримав рушницю наготові.

Іван не розумів і не знав, чому він вмить якось зніжковів, поплівся до своєї домівки. А Семен додому не поспішав, насолоджувався чужим добром.

День видався сонячний, весняний, але до тепла було далеко. Нарешті... Семен зупинив коней і потихеньку пішов геть, залишивши свого служку з рушницею. Усе впорядкував з нотаріусом: папірці свідчили, що земля належить Семену. Шмат землі Іванові вже не належав...

Дома було тихо, як у погребі. Заплакані очі Катерини про все розказали. Дітей у хаті не було. Вони десь гасали, бо весна.

– Що мовчиш? Ото добре... не люблю, коли ти скиглиш і повчаш мене. Богом не стражай! Я не вірю в твої страхи! Сам знаю, як краще! Та... Ще! Пам'ятай: як прийде знову Іван, поклянешся, що бачила, як я гроші йому дав. Зрозуміла?! – оскаженів Семен. – Документи на землю я вже всі справив.

У Семена очі аж потемніли від злості, лице зробилося дивним, чужим і жорстоким. Невисокого зросту чоловік був незграбний і страшний.

– Я цього не зроблю, – тихо сказала Катерина.

– От як? То пам'ятай – приб'ю! І ніхто не дізнається! Згинеш, наче десь пропадеш! – тихо прошипів Семен.

На якусь хвилю жінці здалося, що голос чоловіка став схожий на шипіння якогось гада. Семен змінювався: в його зовнішність вповзав, прокрадався звір – страхітливий та жорстокий.

У двері гучно гримали. Іван кулею увірвався в дім, усе навколо відчинено. Він стояв посередині тієї самої кімнати, в якій учора було тихо та тепло і так підкупно привітно.

– От і добре, що прийшов, зачекалися, я навіть ворота залишив відчинені, – сказав Семен якомога спокійно і без емоційно. – Катерино, ну то кажи: гроші цьому пройдисвіту я дав чи ні?

Катерина мовчала, вона опустила донизу очі, не сміючи глянути на чоловіка.

– То кажи, що мовчиш?..

Жінка якусь хвилину ще мовчала, та нарешті підвела очі, побачила погляд свого Семена – її злякав цей погляд, і вона нарешті покірно промовила:

– Так, Іване, ти вчора пішов не з пустими руками. Семен не бреше. Правда, ти добренько набрався, то вже десь сам... їх кудись і подів...

– От тобі і відповідь! Що ще хочеш? – хизуючись, питав Семен. – А тепер геть, геть з мого дому! Мені тебе і вчора хватило!

Іван стояв як вкопаний... Він не міг поворухнутися... В хаті, окрім них, трьох, нікого не було. Іскри так і сипалися з очей Семена. Катерина відвела погляд, мовчала... По хаті щось замерехтіло, щось затряслось, то було якусь мить, ніхто нічого не побачив... не зрозумів: якісь чужі дивні тіні тепер оселилися в цьому домі.

– Мабуть, знову буде злива, – весело сказав Семен.

Його регіт поповз по хаті. Іван з відчаєм подивився на сусідів, йому стало так боляче й страшно, здавалося, що його розтоптали. То було дійсно так. Він застиг... мовчав... подався незграбно до дверей, стискаючи кулаки. Іван, людина м'яка, добра, людяна, воювати за себе не міг.

– Я проклинаю тебе, негіднику... і тебе, Катю, теж, – прошепотів бідолашний.

Його слів ніхто не чув. Регіт Семена заглушив Іванові слова.

#### 4

В цю другу ніч після зливи і після Іванових проклять Катерина не спала довго, аж потім під ранок задрімала. Сон затягував у глибину. Дивно, але вона проснулася там, уві сні, вона відчула себе реальною, побачила дивну кімнату якогось іншого незвичайного часу, дивну обстановку, вона не розуміла, де вона. Навколо було все біле і дуже незвичайне. Вона прошепотіла молитву, страху не було. Вона оглянулася... і побачила у повітрі невеличку іконку Божої Матері. Іконка була стара, у звичайній рамочці. Сльози котилися не у Катерини, а у іконки, вони були прозорі, здавалося, що образок от-от щось скаже, та він мовчав. Катерина уві сні перехрестилася і стала каятись. Світлі ангельські крила, великі і чисті, підхопили образок, він став ще чистішим, наповнювався духом, якого Катерина ніколи не бачила і не відчувала.

– Прости мене, прости! Живу так, чоловіку підкорилася, прости, свою совість загубила. Поможі бідоласі, прошу, його жінці... дітям...

Слова були якісь теплі, милосердні, далекі, вуста мовчали, вони наче склеєні, а слова вилітали. Катерина там, у своєму сні, не розуміла, як таке може бути. Світлі фарби стали ще світлішими. Кімната здавалась якоюсь неземною, незвичайною, в ній не було нічого такого, що б Катерина знала або бачила десь чи колись. Її тіло м'якло, тепліло... Вона ще щось хотіла сказати... та не змогла... Образок її втішав, наче молився всередині неї самої. Врешті, все кудись заховалося, і вона більше нічого не бачила, кудись провалилася, туди, де її не було, де не було нікого...

Сонячне проміння замерехтіло у віконце веселим проблеском. Катерина схопилася, діти бігали по хаті... День давно розпочався... Семена вдома не було. Він знову як одержимий подався до чужої землі, вона тягла його і манила. Він спав ривками, сопів, щось бурчав, а потім ні світ ні зоря вскочив і побіг перевіряти, чи немає там Івана. Івана не було.

Життя Івана стало ще важчим. Одна земелька, яка зосталась, не давала хіба що померти з голоду, грошей не було, дітей треба було піднімати, а жінка чахла на очах. Доня Ориська, вона старшенька, допомагала батькові, чим могла, та цього замало. Доля Івана погіршилась через недовіру до людини, про яку і так в селі погано говорили. Та на диво, жінка Івана потроху викарабкалась, але по дому мало що могла робити. Її дивного покращення здоров'я ніхто не міг зрозуміти. На ліки грошей не було – одні молитви доньки та чоловіка зігривали, бо двоє хлопчаків ще замалі, та все ж одну молитву вони вже знали. Іноді смішно шепотіли її з батьком та сестрою.

– Отче наш, сущий на небесі... татусю, то ми теж молитись хочемо... учить і нас, – тоненьким голоском просили двоє близнюків.

– От молодці... то добре, добре, Бог є, віра свята! Господь все бачить, все знає! Отче наш, сущий на небесі... – радісно відповідав малим добрий батько та хором з малечєю продовжував молитву: – «Хліб наш насущний...»

А Семен тим часом насолоджувався собою. Він став ще мовчазливіший, ще жадніший і зліший. Держався в стороні від усіх навколо. Він і до цього був непривітний, а тепер так і зовсім знелюднів. Його ніхто не цікавив, навіть свої діти.



Весна пролетіла швидко. Літо розпочалось теплом лагідним та щедрим. Урожай родив щедро, на вкраденій чужій землі росло красиво, багато. Семен не міг нарадуватися. Всі навколо дивувалися такому стану речей. Бо на чужому горі щастя строїв. Семен ще й глузував та злорадно причитав:

– От люди дурні... то все... от так можна... чужа земля... родюча!

Він веселився та говорив потайки сам із собою озирючись. Дивним став дуже. Від панської його суті майже нічого не зосталося. Він не слідкував за собою, навіть у дзеркало рідко заглядав, воно йому було ні до чого. Жінка його теж мало цікавила. Семен дома бував мало, хіба тільки вночі, та до обіду приходив, щоб поїсти чогось смаченького, а то... все в полі, сам... все сам, навіть... своїх робітників прогнав. Змінився, дуже посивів, перекосився якимось, сам із собою говорити став частіше і довше, шептався про щось щодня сам із собою. І якимось дивно... подалі... частіше озирався. Іноді бачив навіть якихось примар коло себе. Якогось дня він побачив коло себе якесь дивне створіння, воно здалося йому знайомим. Придивлявся, не лякався, бо тяга та жадність до землі були сильнішими за страхи.

– Геть від мене, геть, я тебе знаю – то я! Моє нутро страхітливе... то я тебе не боюсь! Геть, або сиди в мені, або... згинь! Моя земелька... моя!

Семен оглядався, його ніхто не чув. Страхи вже робили своє діло. Мареву то приближувалося, йшло, ходило, скакало коло нього, то тікало ненадовго, потім знову поверталось. Здавалося, що це створіння потойбічного світу хотіло щось від Семена, та він ставив між собою і тим... іншим... незрозумілим, великим і страхітливим «Я»... стіну, вона була товста, міцна і бездушна.

– Я відгородився від тебе, не гризи мене сумнівами, совість ні до чого, згасни, кажу! Геть... геть... без тебе жити краще! Будиш? Що хочеш? Я в своїх діях не сумніваюсь, іди-іди! – Семен махав руками в повітрі. – Я головний, не ти! Я роблю так, як хочу! Чуло... геть...

З жінкою Семена теж діялося дивно. Вона завжди мовчала. До сусідів... навіть до тину не підходила. Всього боялася. Гріх чоловіка її мучив, і свій теж. Одна радість у неї була – молитва. Плакала, каялась, молилася. Правда, квітів насадила більше, ніж кожного року. І здавалося, що квіти її чули. Здавалося, вона їм розказувала про свою долю, і не тільки про долю, а й про гріх свій теж.

Катерина була з дуже хорошої сім'ї, та її батьки рано покинули світ, сестер та братів не мала, подруг теж, тільки діти та Семен. Та з дітьми вона боялася вести такі розмови. Не зрозуміють, бо ще досить малі. Старшому було тільки тринадцять. Якби ж то в неї доня була, то, може б, пошепталися, а так сини – синам вона мовчала про правду, бо вони, бідолашні, й так дивно поводитися: самі по собі по селу моталися або дома засядуть і ні з ким не говорять, мовчать, між собою не сварилися, чудакуваті робилися. Хворобливі стали, до школи ходити не хотіли, всі книжки закинули. А раніше читати любили, хоч книг Семен купувати не любив, та якась одна-друга в хаті все ж таки були. Малі все знали і про все розуміли. Вони боялися батька та його люті, як і їх бідолашна мати.

Сусіди дивну історію з землею Івана не забули, та... держались осторонь, бо хтозна, хто правду говорить? Одні свідчили одне, другі інше, хто розбере, де правда, де брехня?

## 5

Літо набиралося сили. Теплом та квітами пахло навіть уночі. Семен став, на диво, спати добре, тішився собою, сні йому не снилися. А от Катерина не спала частенько. Якись дивні тіні вона бачила у вікнах. Іноді вкрадена земля, її було видно з віконця, спалахувала, мерехтіла якимись дивними страхітливими картинами – примарами. Жінка вглядалась у віконце – гра дивних образів затухала, як тільки вона виходила на подвір'я – примари ховалися, зникали. І здавалося, що земля чужа віддалялася, крутилася якимось колом, а то й узагалі зникала з горизонту. Каті ставало страшно.

Життя Катерини і Семена змінилося. Семен ждав урожаю. Він засіяв жито і пшеницю, соняшник і кукурудзу, картоплі багатенько. Було всього досхочу. І все було таке апетитне та велике, що не вірилося, що так буває.

Одного дня, як завжди, Семен уранці пішов до землі врожайної та чужої. Літо палило своїм сонячним теплом, набирало свою силу. Він щодня приходив до зачарованого клаптика землі: здавалося, що чоловік божеволів, та ні... він був при своєму розумі, та розум його тепер був іншим. Семен став ще більш мовчазним, ніж був: ні з ким не говорив, а ще... після опівночі на годинку-другу втікав з дому. Сьогодні він прийшов раніше... ніж завжди. Те, що він побачив, його дуже вразило. На його новій вкраденій землі росли... страхітливі кущі, вони були величезні і густі... і дуже гідкі на вигляд. До того ж від них тхнуло болотом та якимось гідотним злотворним повітрям. Семен пам'ятав, знав: ще вчора цих страхітливих монстрів-кущів тут не було. А що ж сталося зараз?

– Отаке! Це що? – злякано зойкнув Семен. – То куди все ділося? Все моє, що я виростив? Вся краса і весь мій рай та спокій. Де все, де... де?!

Він став хаотично продиратися крізь колочі, страшенні, гидотні кущі. Вони хватили його за ноги, за руки, він упирався та дерся далі, аж ось... якась незрозуміла холодна сила підняла його в повітря, прокрутила над ділянкою землі (яка ще недавно була Іванова, а потім стала вкраденою... його, Семеновою, плодоносною) і жбурнула на землю, яка чомусь зараз, незрозуміло чому для Семена, була вкрита страхітливим гострим камінням – слизьким, бурим, зеленим, липким. Семен кричав, та крик його зараз ніхто не чув, бо ніхто не бачив того, що з ним коїлось насправді.

Його Катерина, як завжди, була вдома. Визирнувши у віконце, вона вже в який раз побачила якесь дивне сяйво. Це її не злякало, не здивувало, вона подивилася... і вмить усе забула, зайнялась хатньою роботою.

Семен кричав, та марно. Нарешті він побачив коло себе дивного старця з величезною бородою, всього в білому, та одяг його змінювався так скоро, що Семен не встигав запам'ятовувати зовнішність старого. Всі страхітливі кущі вмить зникли, каміння теж пропало... З'явилося величезне дерево, по якому можна було підніматися до самого неба. Дивний старий кликав, манив. Семен не міг противитись, протистояти, він став слухняним, обм'як і мовчазливо став підніматися по сходінках дивного дерева.

Навколо не було жодного звуку, жодної пташки, жодної живої істоти. Нарешті вони піднялися на саму височінь, ця висота була страшенна, бо далі йти було нікуди і повернутися назад... теж було неможливо.

Нарешті чудні східцята пропали... Драбиноподібних східців більше не було. Під ногами зробилося пусто, дерево теж пропало. Замість нього з'явилося інше дерево, на ньому шипіли величезні змії, вони обвивали Семена, дотики їх були дивні і теплі. Він не відчував нічого – ні страху, ні болю. Його захоплювала невідома йому сила і тягла в якийсь новий, невідомий для нього тунель. Старця коло Семена не було... Семен побачив тільки чудернацьку чорну тінь і почув свій регіт, який існував у просторі величезного дивного неба сам по собі. Потім... щось неначе розлютилося і скинуло його вниз, він падав довго і стрімко. Йому було нестерпно боляче, його тіло пекло, кололо, різало. Величезні комахи прилипали до нього і кромсали його шкіру. Семен не розумів, де він і хто він, у його голові все розмивалося, все перетворювалось у якесь одне коло причин, подій і снів.

Катерина, жінка Семена, наче щось знову почула, подивилася у віконце, і на цей раз так, як і її чоловік, побачила дивну річ: на тому місці, де була Іванова, нині вже Семенова вкрадена земля, красувалося величезне дерево. Ніхто такого страхітливого чуда не бачив, тільки бачили Семен і зараз Катерина. Воно росло і росло... так швидко, що здавалося, от-от сягне неба. Потім вмить зменшилось і пропало... Бідна налякана жінка чомусь зразу так і подумала, що Семен там... у тому дереві. Чому вона так подумала, Катерина не знала. Катерина бачила те саме, що і її чоловік.

Катерина вискочила з хати і побігла. Сонце пекло, наче лютувало жарою. Жінка добігла до величезного шмата землі нескоро, близька дорога наче насміхалася. Катерина бігла так, наче стояла на місці. Та, врешті-решт, усе-таки опинилася коло врожайної земельної ділянки. Побачене вразило її, вона стояла як вкопана: земля була пуста! Врожай пропав, Семена ніде не було! Тільки зелена шовковиста трава пахла і росла густо, вона дурманила нав'язливим ароматом. Дивна пряність відчувалася недовго. Вмить... як тільки Катерина хотіла ступити на землю, все зникло: зникли пахощі, пишна трава, а на плодючій землі зашипіли змії! Все вкрилося липким камінням. Небога зойкнула, на якусь хвилюк знепритомніла, потім... якось сама прийшла до тями.

Спекотний літній день не давав спокою. Сусіди звидусіль збігалися, бо дехто... теж усе бачив. Бачив дивне: якісь страхітливі, злі, смердючі примари зависали у повітрі, вертілися, танцювали незграбний кульгавий танець, потім зникали і тільки... якийсь гучний, холодний, переляканий вереск зависав у величезному периметрі вкраденої землі. Клубки чорного зигзагоподібного туману тяглися хвостом у якусь незрозумілу свою далечінь...

Семена ніде не було. Не було ніде... ніхто не знав, куди він дівся і що з ним сталося. Все, що він посадив, все-все пропало, так само, як і він сам.

Ніхто більше не ступив на цю вкрадену щедру землю! Вона звучала прокляттям, стогоном та чужим горем.

У голові Катерини лунали слова з її молитовника. Оточили небогу її діти та односельчани...



Юлия Шokol. Родилась 25 августа 1997 года в Николаеве. Студентка 4-го курса ЧНУ имени Петра Могилы, факультет иностранной филологии. Публикации: альманах «Провинция у моря» (2015); журналы «Соборная улица» (Николаев) и «Южное сияние» (Одесса). Творчество представлено на сайтах: «Стихи. Ру», «Самиздат». Финалист поэтического фестиваля «Провинция у моря» (Одесса – Ильичёвск, 2015). Лауреат «Чемпионата Балтии по русской поэзии» (2016). Лауреат V международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского (2017).

Юлия ШОКОЛ

## КСАЙ-ЛУ И ВОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Рассказ

Каждый раз, когда я смотрю на бегущую воду, я вспоминаю Ксай-Лу.

Каждый раз, когда я вижу рыбацкие сети, я думаю о её ветхой лачуге на берегу Великой Реки.

Наверное, она вовсе не великая и уж тем более не река, но тогда я не знал иных рек. Понимаете, мне просто не с чем было сравнивать.

Эта Река не пахнет тиной и не отблескивает на солнце, точно дельфинья спина, радостная от света. Её волны накатывают на берег бесшумно, без шороха и плеска, точно у Реки отключили звук. Так смертельно больной неслышно облизывает пересохшие губы.

Была ли река мёртвой? О нет. А живой? Спросите-ка лучше у Ксай-Лу. Ведь это ей Река выбелила волосы и выпила глаза – и с тех пор они того же молочного цвета, что и воды, текущие мимо.

Однажды Река поглотит и мои глаза. По крайней мере, так говорит Ксай-Лу и ухмыляется беззубым ртом, пока её руки со вздувшимися венами тянут тяжёлые сети.

– Чего уставился на воду? – Сильный рывок – и сети вползают на берег, похожие на дохлую рыбку с раздутым брюхом. – Рано тебе ещё туда. Иди, погуляй по бережку, мальчик, раз уж решил тут остаться.

И я покорно отвожу взгляд от спокойной глади, неловко переминаюсь с ноги на ногу. В это время здесь никого. Первый час перед рассветом безлюден и по-особенному тих – даже тишина молчит, и свет течёт с неба ещё медленней, чем обычно.

А потом появляются они. Сначала горизонт темнеет, потом наливается предгрозовой лиловизной – и лопается. Прямо как мыльный пузырь. Я любил мыльные пузыри, но это было так давно...

Они приближаются. Смутные тени с полустёртыми лицами бредут по бескрайнему серому песку, тихо и равнодушно, почти не оставляя следов. У каждого под языком – монетка. Многие держат в руках подношения – расписные ткани, сахаренные орехи, золотистый мёд, хлеб... Некоторые едут на колесницах, понукая лошадей, сквозь шелковистую шкуру которых просвечивают кости. За ними толпы рабов несут золочёные кубки и серебром расшитые покрывала, украшения с драгоценными камнями и исписанные свитки. Лица рабов неразличимы, за ними бегут заплаканные жёны в роскошных одеждах, и их бесплотные слёзы быстро впитывает песок.

Но так бывает не всегда.

Порой появляются другие, и у них с собой ничего нет. Безногих тащат глухие, а безрукие голосом указывают дорогу

слепым. Тени с разорванной утробой виновато улыбаются, подбирая с песка собственные кишки. Обезглавленные несут головы в руках и шатаются, словно пьяные, то и дело наталкиваясь на других. Порванные кителя болтаются на них, как будто куплены на вырост. Но эти дети уже не вырастут.

Ксай-Лу смотрит на них, и обычное алчное выражение уходит с её лица, а морщины становятся глубже – и в них таится скорбь. Этих она пропускает без платы.

– Приходят в мир ни с чем и уходят так же, – ворчит она и отворачивается, чтобы я вдруг не решил, что она их жалеет.

Потом Ксай-Лу раскидывает свои огромные сети и выбирает из реки подношения, правда, не слишком старательно – остальное Река вынесет сама.

Однажды я тоже шёл через эту равнину и крепко держал родителей за руки. Я помню тяжёлый мутный страх, похожий на ржавую воду из-под крана, и то, как ноги увязали в песке. И больше – ничего. Ни тёплый материнский халат, пахнувший стряпнёй, ни то, как отец по утрам курил тяжёлые сигареты, чей запах просачивался через неплотно закрытую балконную дверь, и мама ругалась, а отец сердился на неё за это. Но потом их не стало, и меня тоже не стало, и как подумается, из-за какой же ерунды они друг друга ненавидели, то хочется кричать.

Но нет, я этого не помню, я всё придумал, чтобы не сойти с ума. Или, наоборот, сошёл с ума, чтобы остаться здесь. Стал таким же безумцем, как и старуха Ксай-Лу. Потому-то она и держится за меня, что ей опротивело собственное безумие.

Но так случилось не сразу. Я шёл, едва волоча уставшие ноги, не поднимая головы, как – вдруг! – заметил под ногами ракушку. Перламутрово-нежная, туго завёрнутая и похожая на человеческое ухо, она лежала на песке, и все переступали через неё, словно не замечая. Я мигом вывернулся из родительских рук и опустился на колени. Взяв ракушку в руки, я вертел её в пальцах, пока сквозь меня проходили сотни и сотни ног. И не заметил, как все ушли, а я остался один. Совсем один.

А потом огромная чёрная тень нависла надо мной и закричала голосом скрипучим, как поворот вёсел в несмазанной уключине:

– Ты кто такой и что здесь делаешь?

Я поднял глаза и замер от страха, что-то лепеча на своём детском языке, состоящем наполовину из настоящих слов и ещё наполовину из выдуманных. Ксай-Лу (я тогда ещё, конечно, не знал, что она Ксай-Лу) стояла, скрестив руки на впалой груди, и, казалось, занимала полнеба. Её фигура всё росла и ширилась, а нос заострялся, так что она становилась похожа на Бабу-Ягу из книжки сказок, которую мне подарили на день Рождения.

Опять вру, не было никакой книжки и сказок на ночь не было – ни под молоко с печеньем, ни под мерный гул телевизора. Был только песок, необозримый горизонт и тысячи ненужных вещей, рассыпанных по берегу. Таких необходимых там, таких ненужных здесь.

Ксай-Лу ещё угрожающе пораскачивалась надо мной – для острастки. Потом немного уменьшилась и уже нормальным – правда, не особенно любезным – голосом произнесла:

– Не знаю, что за демоны тебя принесли, но так и быть, оставайся до утра. А там, малец, подождёшь других и пойдёшь с ними.

Конечно, утром я никуда не пошёл. Меня накормили хлебом с сыром, напоили маковым отваром – и я уснул в углу камышовой лачуги, накрытый одеялами. А потом остался.

Ксай-Лу за вечность на побережье несколько одичала, но не совсем очерствела.

Так я забыл своё прошлое имя и стал «мальчиком». Я вырос на берегу Великой Реки, ни разу не коснувшись её вод. Ксай-Лу строго-настрого запретила мне это. Да и я не стремился – меня пугал маслянистый блеск Реки, то жадное внимание, с которым вода касалась берегов и смотрела – я клянусь – смотрела на меня. Ждала меня.

По утрам я играл с сокровищами, выброшенными на песок, а вечерами помогал Ксай-Лу распутывать её сети и был не более и не менее несчастлив, чем любой другой ребёнок. Я просто не знал иной жизни.

Трижды я пытался уйти. Первый раз я шёл по бесконечным пескам, пока Ксай-Лу молча смотрела мне вслед. Но горизонт не становился ближе. Я шёл день и ещё ночь, чувствуя на спине пристальный, уязвлённый взгляд. А потом серые пески засыпали мне глаза, и я упал ничком, уже не шевелясь. Очнулся я на своём сплетённом из травы матрасе, лежащем прямо на полу, и ещё долго наблюдал, как Великая Река степенно несёт свои воды.



Второй раз я бросил сети и побежал от Реки что есть мочи, но Ксай-Лу только повела рукой – и горизонт вздыбился серыми горами, и я остановился перед ними, задыхаясь от бессилия и гнева. А третий раз я уходил, как тать – ночью, пока старуха дремала, не выпуская сетей из рук. Я почти успел, но тут Ксай-Лу открыла бесцветные глаза и закричала – яростно и страшно.

– Неблагодарный! – вопила она. – Я вырастила тебя, выкормила, дала всё, чего только пожелать можно! Чего тебе ещё? Дивных яств, изысканного питья, богатства?

– Свободы, – прохрипел я, падая на землю, придавленный её разочарованием и болью.

Но Ксай-Лу меня не слушала. Она всегда слышала лишь то, что хотела слышать. Когда долгое время живёшь один, отвыкаешь принимать в расчёт других. Это я понимаю сейчас, а тогда ненавидел старуху и её гнилую реку, и пустынные берега с их диковинами, и серый песок с серым небом. И себя я тоже ненавидел.

– Ты получишь всё, чего захочешь! – Ксай-Лу едва не плакала умоляя. – Только вернись!

Я покачал головой. И тогда в великой ярости старуха догнала меня и отрубила мне ноги, чтобы я хотел уйти – и не мог. Чтобы вечно сидел на берегу Великой Реки.

Потом она, конечно, остыла и хмуро извинялась, сдвинув густые седые брови, так что они сомкнулись на переносице одной волной. Дала мне на выбор любые ноги, которые я только пожелаю, мол, бери – не жалко. Я взял первые попавшиеся, не глядя даже на то, подходят ли они мне. Я был зол.

Однажды я сидел и смотрел, как тени медленно входят в Великую Реку и бредут, пока вода не доходит им до колен-пояса-плечей, пока их не накрывает с головой, а они всё идут, и кажется, что это не тени, а дно Реки поднимается к небу. И тогда я встал и, преодолевая страх, тоже пошёл к воде.

Когда я коснулся её, во рту стало сухо и горько, когда я ступил по щиколотку, огромная усталость камнем опустилась мне на грудь. А потом мне стало всё равно, и я нырнул с головой, смывая себя с себя же, хлебая эту молочную реку, отталкиваясь от её кисельных берегов. И, кроме беспмятства, мне не нужно было ничего.

Я обыграл тебя, Ксай-Лу, в последний миг подумал я. Но тут жёсткие сети поймали меня, словно краба, и мозолистые руки с силой потянули к берегу. Я брыкался, кричал и задыхался, когда мерзкая вода заливалась мне в лёгкие. Я почти поверил, что хотел умереть.

Потом я лежал лицом в серый песок, и меня тошнило.

– Твоя взяла, – сквозь зубы выплюнула Ксай-Лу, бросая мокрые сети. – Бери всё необходимое и уходи. Убирайся отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было! А иначе я сама тебя утоплю в Реке. Довершу начатое...

Я переоделся в сухое и взял с собой только немного еды да флягу с чистой водой – жестяную, не серебряную. Я долго шёл и успел тысячу раз отчаяться, пока горизонт не расступился передо мной.

Ксай-Лу сидела у Великой Реки, отвернувшись, и даже не смотрела, как я уходил.

Мне пришлось забыть то, что я помнил, и вспомнить то, что я забыл. Но до сих пор, когда я вижу проточную воду, я думаю о Ксай-Лу и её Великой Реке. Когда я вслушиваюсь в глубину ракушки, той самой ракушки – ухо к уху, мне чудится беспощадный гул воды.

Я знаю, что однажды вернусь туда.

Может, я стану распутывать сети, сидя на сером берегу бок-о-бок с бессмертной старухой. Или отправляюсь дальше, через Реку, чью воду я однажды испил до самого дна.

По правде сказать, я ещё не решил. Но когда я смотрю на текущую воду, я больше не боюсь – ни жить, ни умирать.

Иногда мне кажется, что это одно и то же.



Лана ГРИММ

## ЛИШЕ СНИ

\* \* \*

знову  
прокинулася з мокрими очима,  
зі стокілограмовими думками,  
з втратою самовладання.  
до біса царство снів,  
якщо й воно не рятує від реальності!  
знову  
повертаюся туди, звідки почала,  
туди, куди повертатись не мала б,  
не хотіла,  
не повинна.  
чого тобі треба, боже?  
чому випробовуєш мене,  
чому катуєш?  
де тебе носить, дияволе?  
бог катує при житті, ти ж – після,  
тож ходімо вип'ємо кави,  
обговоримо мої гріхи,  
попліткуєм про твого брата.  
знову  
немає відповіді,  
немає сенсу,  
немає порятунку,  
лише сні,  
від яких я знову прокинувся на ранок  
з мокрими очима.

\* \* \*

сьогодні, їдучи у маршрутці,  
відчуваючи самотність кожного вільного місця,  
я як ніколи потребувала Людини,  
будь-якої, сторонньої  
чоловіка чи жінки, чиєсь плече.  
зрадивши своїй звичці, сіла на одне з подвійних місць,  
замість одинарного,  
і знову непереборне очікування,  
знову неспокій,  
порожнеча душі – віддзеркалення порожнечі маршрутки,  
зупинка – 1/60 години,  
магазин – назва схожа на дурнувате питання,  
темрява провулку,  
істеричний сміх людини-звіра,  
багатоокий будинок,  
я принесла холод в порожню квартиру,  
ну, привіт, теперішне.



Кльосова Світлана. Псевдонім – Лана Грімм. Народилася 13 травня 1995 р. у м. Кривий Ріг Дніпропетровської області. В 2013 році вступила до Миколаївського національного університету ім. В. О. Сухомлинського на філологічний факультет. Брала участь у літературних вечорах університету та міста в цілому. За чотири роки записала 6 альбомів аудіопоезії. Пише російською та українською мовами.



\* \* \*

вона  
щаслива у своїй самотності:  
ніхто не порпається у думках,  
ніхто не намагається тягнути за вузли,  
ніхто не вимагає слів там, де їх бути не повинно,  
не кричить уві сні «винна!»  
вона  
самотня у своєму щасті,  
ніхто не ділить з нею моменти.  
щось у темряві шепоче «мементо морі»,  
а вона і так не забуває.  
так ніхто ж не помітить, ніхто не розділить життя чи смерть,  
усе летить шкереберть.  
вона  
все ще вона чи вже хтось інший?  
щаслива та самотня,  
і перше не залежить від другого, а друге від першого,  
просто так сталося,  
просто якась невидима сила торкнулась її своїм сильним крилом,  
вогонь, зайнялося життєве тло.  
та й згасло.

\* \* \*

ти втомився,  
тебе дратує яскраве світло, пусті балачки, плітки про Неї.  
забороняєш собі приєднуватись до тих розмов,  
забороняєш собі чути, бачити та хоч на сантиметр відкривати рот.

боляче? та що ви, пусте.

ти повний сил,  
тобі здається, що квіти сьогодні, як ніколи, потрібні твоїй кімнаті,  
навіть поллеш.  
ти відчуваєш себе наповненим щастям, аж біжить через край,  
на, пий.

щасливий? ну, може, трохи.

ти пустий,  
ніщо наповнює твої груди, ніщо розповзається по судинах,  
ніщо пульсуючими рухами прокрадається до бажаного.  
що там за вікном? небуття? байдуже.

а можете прокричати мені у душу? чуєте, яке ехо?  
смієшся.

ти гарний,  
особливо, коли смієшся, особливо, коли мав би плакати,  
але ти не смієш, і це робить тебе ще красивішим.  
а ще твої очі, щось є в них магнетичне,  
а ти й не підозрюєш.

гарний? це все зовнішнє, воно не несе в собі сенсу.

ти самотній,  
навколо чимало людей, не підпускаєш нікого близько,  
та ніхто вже й не намагається підступити.  
один крок – і згориш,  
твій погляд наче знак у рамці, попереджаючий  
«стій, не намагайся зблизитись, нашкодиш».

я хотів би зникнути, можна? ненадовго. може, назавжди.

\* \* \*

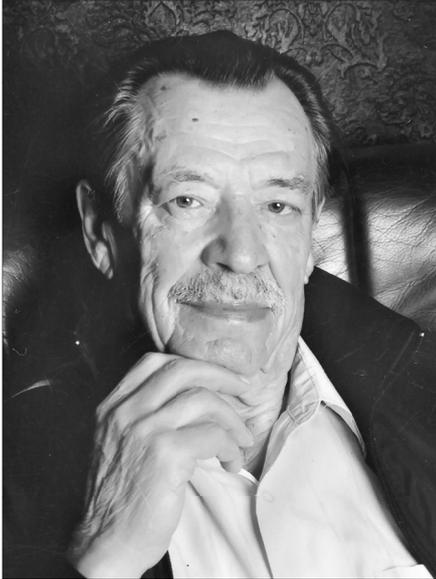
чудово. йдеш? не забудь забрати своє лахміття з мого життя,  
не забудь, що озиратися марно, та й, мабуть, не варто,  
ти приніс стільки щастя і стільки сміття,  
визнаю, махлювала я вправно, а ти відкривав всі карти.

я стояла на варті, все чекала якоїсь пастки,  
недовіру свою виправдовую досвідом,  
я з тобою не так як з ними – з тобою скидала маски,  
я – твоя, нічия, і сама не своя. усі дивляться з осудом...

віддаю на твій розсуд, те Ніщо, що не стало нами,  
я сама по собі, ти також, не зізнаюсь, що трохи тяжко,  
було холодно, не вистачало тепла – опинилися між вогнями,  
лети, моя пташко.

\* \* \*

сьогодні, їдучи у маршрутці,  
відчуваючи втому та холодний вечір,  
я думала про те, як хочу поцілувати тебе,  
стоячи навшпиньки, торкнутись твоїх губ,  
обійняти твої плечі... на прощання  
як дивно,  
ми ще не зустрілись,  
та думки, чомусь, – про прощання,  
ми навіть не призначали зустрічі,  
а в думках непереборне очікування,  
я ще ніколи не була такою сміливою,  
навіть у власних думках,  
відчувала себе хворою на рак, якій немає чого втрачати,  
справді немає?  
думки про поцілунок не змінила навіть  
задушлива тіснява маршрутки та лайка водія...  
зупинка.  
виходжу і розумію, що перехворіла,  
мабуть, атмосфера змінилась, свіже повітря лікує,  
до чорту такі глибокі та ніжні думки,  
коли навіть мрії зводяться до прощання.



Шевченко Георгій Петрович. Народився 31 березня 1937 р. в селі Зелене Компаніївського району Кіровоградської області. Закінчив Бобринецький сільськогосподарський технікум, у 1979 році – Уманський сільськогосподарський інститут. З Миколаївщиною пов'язаний біографією і творчістю – в 70–80-ті рр. ХХ ст. працював у редакції районної газети «Прапор Жовтня» («Вісник Вітовщини»), директором будинку відпочинку трудящих заводу «Океан», заступником редактора Єланецької районної газети. З 1983 року живе і працює у Чернівцях: кореспондент газети «Радянська Буковина», ведучий програм телеканалу ТВА, редактор газет «Джерела Буковини», «Відродження», співробітник обласної Книги пам'яті. Автор збірок віршів «Веселики» (1970), «Моя магістраль» (1978), «Лелеча пам'ять» (1996), «Дивина молодого вина» (1999), «Поет у законі» (2014); книжок для дітей «Веселий березень» (2002), «Свято першого яєчка» (2008), книг прози «Харко Чепіга» (1999), «Білий кінч Івана Іванівна» (2006), роману «Неприборканий вигнанець» (2008). Дипломант міжнародного конкурсу «Поезія за мир», лауреат літературної премії імені Сидора Воробкевича. Член Національної спілки журналістів України. Член НСПУ (2001).

Георгій ШЕВЧЕНКО

## ЖИТТЯ ПРОРОСТЕ ІЗ НІЧОГО

### ВІТЕР

Геть розірвавши пута,  
котрі сплело життя,  
вітер – талант розкутий,  
вийшов із забуття.

Вийшов собі – та й годі.  
Що ти йому не роби,  
вільно він світом бродить.  
Син своєї доби.

Монети дощу збирає  
у свій голубий рукав.  
Під ним веселково грає  
залиблена в світ ріка.

Вітер залиже рани,  
сам собі цар і бог.  
Обідає в ресторані  
з натхненням своїм удвох.

А вже, як торкнеться трунку,  
як очі полинуть вдаль,  
візьме його за руку  
пальмочка молода.

Вітер гойднеться трохи, –  
бувайте, мовлям. Ідем!  
Безмежна його дорога,  
і безкінечний день.

Як народився вільним,  
то вже і живе таким:  
мужнім, натхненням, рвійним,  
до заздрості молодим.

### МОЛОДІСТЬ

Поховалися хлопці за перелазами.  
Причаїлися хлопці за місячним сяйвом.  
Десь там пісня дівоча за тихими в'язами  
вимережує повість про третього зайвого.

Як про зайвого, то й про зайвого.  
Ну яке їм до того діло?  
Їхня пісня гуля незаймано  
по селу, по людських наділах.

І чекають на неї хлопці,  
заховавшись за щільним тином.  
Кожен має свою на оці  
найгарнішу в світі дівчину.

Випливають с густого присмерку  
чи кохані, а чи конвалії.  
І, з усмішками променистими,  
зупиняються на галявині.

Кола тихого заплели вінок,  
потаємно у темінь охнули.  
Теплих кіс покіс – золоте руно,  
аж серця палкі похолонули.

І не стримались хлопці – свиснули,  
і зірвались в танок неспокою.  
І таки всі були речистими  
з кароокими й сіроокими.

Вирувала, дзвеніла молодість.  
Перестуки та закаблуки.  
І стікала росинками – оловом  
з розпашілих облич на руки.

### МОНОЛОГ ДИЛЕТАНТА

Я професійний дилетант  
в премудростях теологічних.  
Для мене все таке космічне,  
що світ цей пороку не варт.

Одвіку з Господом живу.  
Господь мій – незбагненна вічність.  
Життя і смерть – це не дотичність,  
це світ любові наяву.

А я у нім живу й живу.  
А я у нім страждаю й плачу,  
бо вже ніколи не побачу  
кохання крапельку живу.

Я залишаюсь дилетантом  
в премудростях теологічних.  
Один лиш Бог. Цей Бог – навічно.  
Він покарав мене талантом.

Чи Ієгова, чи Христос,  
чи Саваоф, чи тінь Аллаха.  
Як дилетант, іду без страху.  
На їхній мчусь апофеоз.  
Та знаю, що іду на плаху.



\* \* \*

Ти, ніби чайка та, кричала,  
І я, мов леліт, голосив,  
Незрозумілою печаллю  
Пливла у душу тепла синь.  
Світ розколовсь на дві частини:  
В одній – сім'я, а в іншій – ти...  
А небо дихало дитинно,  
І я шептав комусь: «Прости»...  
А десь за містом (вже за містом),  
Де береги такі круті,  
«Ракета» мчала журналістку  
На хвилях звабних почуттів.  
Вона дивилась довго-довго,  
Де, пригорнувши парапет,  
Іще для інших невідомий,  
Стояв поет. Її поет!!!

### ТІЛЬКИ ТИ

Відречусь від всілякої слави,  
від високих відзнак відречусь.  
Упаду у високії трави,  
у волоссі твоїм утоплюсь.

І нічого, нічого не треба.  
Тільки б ми, тільки б ти, тільки б я.  
Хай над нами розкрилиться небо,  
і св'ятиться під нами земля.

І життя проросте із нічого,  
із нічого прийде немовля.  
Бо усе це на світі від Бога –  
І повітря, й вода, і земля.

Ну а слава – то річ пересічна.  
Все розсиплеться пухом і прахом.  
В твоїм лоні сховається вічність,  
щоб воскреснути Феніксом – птахом.

### ФАТА-МОРГАНА ЄВГЕНА МАЛАНЮКА

На темно-синьому Пруту  
Вода загусла,  
У яблуневому цвіту  
Втопились бусли.  
Така чарівна дивина –  
Казкова тиша,  
В густім серпанку день мина –  
Спішить в колишнє.  
Де профіль ніжний і легкий  
Сембай Оксани  
Повис над берегом ріки  
Фатаморганно.

Колючі інтер-табори  
В шляхетській Польщі,  
Де українські прапори  
Дощі полощуть.  
І Богуміла й син Богдан –  
Усі від Бога,  
Та кликав батьківський євшан  
Його в дорогу.  
Новоархангельські степи  
І сплеск Синюхи,  
І час летить із-під копит  
Кудись щодуху.  
О рідний степ, о рідний край,  
Гей би востанне  
Йому привиділась Сембай –  
Колись кохана...

### **НЕ КЛИЧ ДО СЕБЕ**

Не клич до себе. Не прийду!  
Боюся зради в цьому світі.  
Я з непокорою в ладу.  
Тобі це треба зрозуміти.

Таким вродився. Ти затям!  
Хоч завжди в мріях я з тобою,  
люблю відкрите я життя  
й живу твоєю добротою.

Коли ж в тобі її нема –  
ти не чекай добра від мене.  
Я добрий тільки для добра,  
але для злості – навіжений.

І не благай, і не проси,  
не лий оцет мені на рани.  
Хай заживають від роси,  
а не від ліків препоганих.

### **НЕЗІБРАНІ ПЛОДИ**

Над Інгульцем замріяні осоки,  
Очерета замислено мовчать,  
Безвільно бродить сонце невисоке  
Й не може з літом зустрічей порвать.  
Вже на зорі сріблиться в травах іней,  
Небес холодних пада дзвінко синь,  
Мерзлякувато труситься осина,  
Шепоче сонцю: – Линь. До мене линь!  
Воно ж не зважиться... Уже не має сили,  
Ячать в садах незібрані плоди,  
Воно ж для них своє тепло носило,  
Сміялося. Не бачило біди.



Тепер – кінець! Чуже для нього літо,  
Давно застояне. Все зводиться на тлін.  
То як же сонцю серцем не боліти?  
Куди поділася життя його теплінь?

Чи не тому засмучені осоки  
Й очерета пригнічено мовчать?  
Поблідло в небі сонце невисоке,  
І чагарі від холоду тремтять...

### **ФІОЛЕТОВИЙ ЦВІТ**

Заяснілося небо чиною,  
Сповило васильковий світ  
І причиною безпричинною  
На дорозі моїй стоїть.

Вийду я в лазуркову тишу,  
З нею разом в блакить попливу,  
Хай вона моє серце колише,  
Ніби вітер зелену траву.

І засну я в рожево-синьому,  
Фіолетовому чаду  
І малесенькою росиною  
Знов на землю колись упаду.

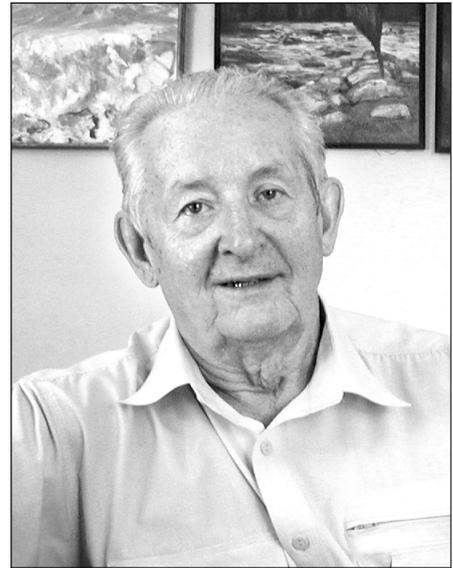




Станислав СОЛОВЬЁВ

## СЕРЁЖКА С МЯСОЕДОВСКОЙ

30 июня нынешнего года ему бы исполнилось 90 лет. 25 мая мы узнали о кончине Станислава Николаевича, нашего коллеги из цеха прозаиков, членов писательского сообщества Бугского края. Он родился в Новосибирске, окончил Одесский институт морского флота (1952) и всю жизнь посвятил становлению Николаевского кораблестроительного института, ныне Национального университета кораблестроения им. С. О. Макарова. Две культурные традиции питали творчество уважаемого профессора, автора научных монографий и учебников, – традиции России и Украины. Одна из первых его книг рассказов и очерков была написана на украинском языке, она называлась «Витівки Дмитрика Цибулька» (2004).



Далее следовали сборники исторических этюдов и очерков, эссе, воспоминаний: «Чему было быть...», «Палата № 6», «Кострами вознесённые», «Гигиена пробуждения», «Философия жизни», «Чары ума и красоты», пронизательный роман-хроника «Два адмирала» о Ф. Ушакове и Г. Нельсоне. Особое место в этом ряду занимает дважды переизданный сборник авторских афоризмов «Мысли, недомыслия, легкомыслия, максимы» (2006, 2011), обнаруживший склонность писателя к философским размышлениям. Творческое вдохновение не оставляло Станислава Николаевича до последних дней, его итоговыми сочинениями стали многостраничные «Воспоминания» и сборник автобиографических новелл «Серёжка с Мясоедовской», который увидел свет всего лишь год назад и еще мало известен читателям.

Мы публикуем фрагменты, четыре новеллы из последней книги С. Н. Соловьёва. Она поражает художественной убедительностью и легко переносит читателя в ту Одессу, которую автор стал в пору своей студенческой молодости. Мы скорбим об утрате нашего талантливого друга.

*Члены редколлегии «Соборной улицы»*

### Серёжка – бизнесмен

В исключении из лексикона Серёжки глагола «купи» в значительной мере заслуга бабушки – той, что жила в Николаеве и часто забирала внука к себе.

Сначала ей пришлось доступно объяснять ему, что такое есть деньги. Как их изготавливают и как они оказываются в кошельках и карманах людей. В том числе у пап и мам. Не так просто было Серёжке понять, почему у Вованового папы, работавшего главным на складе, денег было всегда больше, чем у Серёжкиного папы Паши, плававшего на теплоходе механиком.

Словом, в голове у Серёжки в денежных вопросах была кутерьма. Но одно он усвоил досконально: чем меньше у бабушки денег, тем чаще он слышит отказы в приобретении.

Повзрослев, Серёжка бабушку очень удивил.

– Баб, давай с тобой бизнес закрутим, – предложил он.

Подумав, бабушка возразила:

– Для бизнеса нужен капитал и здоровье. Ни того, ни другого у меня нет.

– Опять эти деньги мешают! – рассердился внук. – Не бери в голову, баб, есть у меня капитал! –

И уже тише разъяснил: – Мама мне давно монеты выделяла, а я их заначивал. На первый мешочек хватит, думаю. А за здоровье ещё легче – я сам справлюсь.

Поняв, что здесь всё серьёзно, внук не только бизнес обмозговал, но ещё и капитал сколотил, бабушка спросила:



- Каким же бизнесом ты собираешься заниматься?  
– Семочки продавать! Ты будешь жарить, а я торговать.  
Не выдержав затянувшейся паузы, он продолжил:  
– Не сомневайся, баб, тут прибыль сама в карман нырять станет!..  
– Откуда же ты семечки возьмёшь, какие мне калить надобно будет?  
– На Привозе. Ух, баб, сколько я там мешков видел! И все с семочками.  
– Хорошо, – согласилась бабушка Оля. – Где же ты продавать семечки намечаешь?  
– Два шага от здесь. Смотрела, бабка старая сидит на корнере? И я там зарисуюсь.  
– Как же! Пустят тебя рядом, конкурент! Бледный вид схлопочешь.  
– Щас!..

Но, осмыслив возражения, он согласился.

- Ну, я немножко дальше ящик поставлю. И всех дел.

Серёжка помолчал. Затем принялся с ещё большим энтузиазмом соблазнять партнёршу:

– Ба! У нас с тобой будет фирма – что-то особенное! Семочки не абы какие, а калиброванные – конский зуб с белой полоской. А конкуреницу я перебью. Ты только, баб, не говори никому, у меня есть стаканчик такой, толстенький, большим видится, а семочек входит меньше, чем у конкуреницы. Буду семочки дешевле продавать... А если она будет хай поднимать, так у меня папа Саня в милицию работать «намылился»... Куда ей против него!..

– Ну ты втянул меня, старую, в афёру. Как бы на глупость не залететь! – очнулась бабушка, – Хорошо. Накупим с тобой всего, чего душа просит. А с остатками денег что будем делать?..

И здесь Серый замолчал. Надолго. Потом признался:

- Этого я ещё не знаю. Опять думать придётся.

## Я принёс вам сюрприз

Знания о женщинах Серёжка начал получать с времён детского сада. С того момента, когда одна продвинутая воспитательница задала воспитанникам европейский вопрос:

- Дети, как вы думаете, чем отличаются девочки от мальчиков?

Дети помолчали, потом загалдели: «Косичками... Платьями... Бантами...»

Серёжка тоже помолчал, тоже как бы подумал, а потом задал встречный вопрос:

- Письками, что ли?..

Однако различия и схожесть приятелей и приятельниц никогда его серьёзно не интересовали. Разве что в праздник 8 Марта. Да и то не иначе как с подачи папы Сани, который постоянно прикалывался.

По поводу женских мартовских торжеств он, подначивая домашних «красавиц», Серёжке по-яснял:

– На свете есть только два одинаковых праздника: Международный женский день и Всемирный день за освобождение угнетённых народов Африки. И в первом, и во втором случае угнетателями являются мужики. Поэтому, Серый, женщин в эти дни надо ублажать подарками.

Подарков у Серёжки, как правило, не было. Но не всегда...

В преддверии 8 Марта мальчики, как могли, поздравили девочек. Прошёл праздник. Начались послепраздничные будни.

На урок зоологии Серёжка пришёл загодя, с непомерно раздутым ранцем. Постепенно наполнявшие класс школьники не обратили на него внимания. Лишь любопытный Федька, везде сующий свой нос, спросил:

- И что там будет?..

– Я принёс вам сюрприз, – ответил Серый.

Никто не заметил и частной деятельности Серёжки, который незаметно пообщался с рюкзаками трёх отличниц: Ленки, Натки и Раечки.

Зашла Маргарита Лазаревна, в школьном обиходе – Марго Леопардовна.

Все сели, а мальчик взял рюкзак и подошёл к столу учительницы.

– Маргарита Лазаревна, мы Вас не поздравляли с Женским днём, поэтому примите наш сюрприз.

Открыв ранец, Серёжка вытащил оттуда надутый шарик и подбросил его вверх. Шарик поднялся и полетел по классу. Вперёд его тянул шегол, за лапу которого шарик и был привязан.

Крики восторга были настолько сильны, что дверь класса несколько раз раскрывалась, чтобы явить любопытство посторонних слушателей.

– Успокойтесь, наконец, – притишила класс Леопардовна. – Спасибо, конечно, за поздравление, но зачем так угнетать птичку?!.

Постепенно ажиотаж прошёл, и урок начался. Прошло несколько минут.

Вдруг с визгом и криком на сиденье парты вскочила отличница Натка.

– И-и-и!!! – издала она вопль. – Вон, вон!..

Школьники повскакивали с мест и увидели там, куда указывал перст Наташи Пересадько, проворно спующую мышь.

Девчонки мигом оказались наверху парт. Мальчишки пытались поймать до смерти напуганного мышонка. Марго Леопардовна с опаской поглядывала на перемещения мелкого зверька и... на того, кто презентовал праздничный сюрприз.

В глазах педагога иногда мелькали лукавые проблески.

Один Серёжка спокойно сидел за партой и наблюдал за поведением щегла, забившегося в угол.

Вторично класс угомонился. Мальчишки признали своё поражение: мышонок таки сумел выскользнуть из класса, когда кто-то приоткрыл дверь.

Урок продолжился ещё определённое время, когда истошный вопль издала отличница Лена Звягина...

И в этот раз мальчишки потерпели фиаско.

– Это уже выходит за рамки приличия, – прокомментировала происшествие Леопардовна.

– Простите меня, – обратился Серёжка к преподавательнице. – Втянул я Вас в аферу. Думал, весело будет... Пусть ещё Верхоглядова ранец откроет. А то весь урок сорвут своей акустикой.

## Серёжкина зависть

Сначала Серёжка, подражая дворовым корешам, дразнил Бориса Холодного извечной одесской хохмой:

– Бора, выйди з мора!..

Но однажды в одной из мальчишеских разборок они оказались по одну сторону баррикад. Это – уже дорого, однако ещё дороже было то, что Бора, учившийся на Ойстраха, с вечной скрипкой, не струсил, а показал себя вполне таки дельным пацаном.

Окончательно же если и не дружба, то приятельские отношения у них склеились на ниве арифметики, в которой Серёжка, конечно же, капитально проигрывал Холодному. Хотя тот и учился в другой школе, задачи ровесники решали одинаковые.

Борьке они поддавались, как орехи белке, – на раз! Серёжка же пыхтел изрядно, пока не получал правильный ответ. Кому это понравится такая несправедливость?..

Ему она и не нравилась, пока не возник момент, когда ему пришлось выручать будущего музыканта своими кулаками.

Ничего не предвещало коренных изменений в укладе их взаимоотношений.

Серёжка пришёл из школы явно расстроенный. Ранец в угол не забросил, как обычно, а аккуратно положил на тумбочку. Руки помыл без напоминаний... И всё это молча.

– Ты что хвост поджал? – поинтересовалась мама Оксана.

Сын не ответил, продолжая хлебать борщ.

– Слон на уши наступил? – продолжила доставать сына маман.

Серёжка отложил в сторону ложку. Дожевал по правилам этикета находящуюся во рту пищу и тогда поинтересовался:

– Мам, а мы – евреи?..

– Нет.

– А скоро будем?

– С чего ты взял? Евреями рождаются, а не становятся.

– Нет, – упрямо возразил Серый. – Делаются. Вчера Холодные переоделись. Теперь Боря совсем не Боря, а Борух Залман.

– Нам с того какая радость?..

– Они теперь прямо из отсюда в Израиловку уезжают. Через то что евреи. А мы так и будем скучать на одном месте, – с упрёком в голосе разъяснил сын.



Оксана расхохоталась.

– Дожили! Одессит имеет глупость мечтать разменять Одессу на Израиль! Где взять нервы, чтобы такое слышать?!

Серёжка покраснел. Ему и в голову не приходили подобные мысли.

– Я что... Я – ничего... Пусть себе едут... Только вот Борьку бы оставили здесь... Сколько той жизни...

## 13 лет вредности

В пятом классе у Серёжки началась череда неприятностей. Привыкнув к одной учительнице по всем предметам в начальной школе, он с трудом осваивал новую систему учёбы. Теперь на каждый новый урок приходил новый преподаватель. По-разному одетые, с разными голосами и манерами общения с учениками, с разными требованиями.

Говорят, у педагогов непременно появляются «любимчики» и те, кто... «всю душу выматывает». И поведением, и вопросами, и выходками. Наставники долго не могли определиться, к какому лагерю отнести Серёжку. Из-за этого у них даже споры возникали.

Об этом меньше известно, но и школьники делят учителей на «своих» и «чужих». Серёжке не по нраву пришлось «нимкения». Собственно, на Аделаиде Рудольфовне он вымещал случайность, по которой 5 «Б» класс вынужден был изучать немецкий язык... «Шпрехат», а не познавать международный язык общения – английский.

Придаться к Аделаиде Рудольфовне было нелегко. Молодая, красивая, с той культурой общения, которая не позволит собеседнику вольничать. Поэтому выходки Серёжки легко подавлялись ответной снисходительностью и юмором.

– Сергей Павлович, – обращается она к Серёжке. – Не познакомите ли Вы меня и своих друзей со спряжением глагола «идти»?

Серёжка, насупившись, встаёт. Кто-то кинул ему «маяк». И он, не очень уверенно, подсказку повторил. Напряжённо вслушался в спасительный шёпот друзей... Не разобрал, что почём... И, поставив «клямку» на рот, предложил:

– Давайте я лучше Вам спляшу.

– Не возражаю, если только на немецком, – под хохот класса осаживает ученика «немка».

Словом, отношения у них не заладились. Хуже было то, что у большинства 5 «Б» класса «Адель» значилась как «классная фрау».

Поэтому я долго сомневался, рассказывать или не рассказывать о проделке Серёжки – той, что он выкинул весной... Лишь придя к мысли, что без этого эпизода его портрет будет неполным, всё же решился.

Шёл последний день занятий перед весенними каникулами. Настроение было праздничное – впереди вольготные дни без зубрёжки, без дневников и нотаций.

Аделаида Рудольфовна появилась в белоснежном костюме, в прекрасном макияже.

– Guten Tag!<sup>1</sup>

– Guten Tag! – хором приветствуют ученики.

– Hallo<sup>2</sup> – прошептал Серёжка.

– Wie geht es Ihnen?<sup>3</sup> – любопытствовала «Адель».

– Danke! Sehr gut!<sup>4</sup> – показывают свои успехи в немецком языке школьники.

– Wie immer<sup>5</sup>, – в свою очередь проворчал Серый.

– Сегодня мы займёмся закреплением пройденного материала. Я напишу на доске небольшой рассказ в настоящем времени. Вы в тетрадках изложите его в прошедшем времени.

Аделаида Рудольфовна встала со стула и подошла к доске, повернувшись к аудитории спиной. Учеников, озорно и весело улыбаясь, стала рассматривать пучеглазая рожица, расположившаяся на юбке учительницы пониже талии.

Класс грохнул смехом. Зашумел. А потом вдруг наступила тишина.

Не понимая, что произошло, Аделаида Рудольфовна повернулась лицом к ученикам.

– Was fr ein spa?<sup>6</sup> – спросила она.

Класс молчал. Класс догадывался, кто и как нарисовал гнома на «немке». Класс, несмотря на нерушимую солидарность, не одобрял искусство.

Серёжка понял, что он где-то перешёл черту дозволенного... Нет, не педагогами, а своими сверстниками. Он знал, что его не выдадут. Он чувствовал, что за свой поступок ему нужно ответить...

Все эти вопросы, недоумения, мысли и чувства пронизали аудиторию с быстротой молнии.

Серёжка встал, подошёл к доске, взял тряпку, не спеша вытер стул, где он загодя с помощью трафарета создавал своё произведение, посмотрел на ребят и, обращаясь к «Адели», сказал:

– Это я...

Быстрыми шагами он вышел из класса.

Наконец узнав причину смеха, Аделаида Рудольфовна нашла в себе изумительные качества педагога:

– Надеюсь, Понтов показал себя хорошим художником?.. Девочки, у кого есть зеркало?..

Тем самым окончательно завоевав сердца учеников.

Серёжка ни с кем не заговорил про этот эпизод. Ему было безразлично, как оценят в школе его выходку. Он впервые переживал состояние, когда не знал, как дальше поступить... Он знал, что в таких обстоятельствах взрослые просят прощения... И он готов был им последовать... Но – как?!

Примирение с «Аделью» и с... совестью пришло, когда Серёжка выследил учительницу идущей с Привоза, груженной пакетами. Он предложил свои услуги и донёс груз до квартиры хозяйки.

По пути не было ни нотаций, ни извинений.

Шли приятели разного возраста. И расстались без театральных жестов.

Вы знаете, как возникает дружба?..

А как люди взрослеют?..



<sup>1</sup> Guten Tag – Добрый день.

<sup>2</sup> Hallo – Привет.

<sup>3</sup> Wie geht es Ihnen? – Как дела?

<sup>4</sup> Danke! Sehr gut! – Спасибо! Очень хорошо!

<sup>5</sup> Wie immer – Как всегда.

<sup>6</sup> Was fr ein spa? – Что за веселье?



100 років з дня народження

Леонід КУЛІЧЕНКО

## НАД НАМИ ЗОРІ

Оповідання

Повітряний лайнер плыв поміж хмарами, часом таранив своїм довгим, по-орлиному горбоносим клювом білосніжне громаддя, що нагадувало неспокійну й пустельно-безмежну морську стихію. Літак тримав курс на південь, наближаючись до міста, що розкинулось на берегах Південного Бугу та Інгулу. Ці дві річки, перетинаючи степові рівнини, зливаються біля заводських корпусів і стапелів, утворюючи широкий повноводний лиман.

Петро Михайлович Белов повертався з партійного з'їзду. Світлі враження, добрий настрій будили думку, будили спогади...

Снігові хмари, як гірські обвали, нагадали одну із холодних повоєнних зим, коли він, ще зовсім хлопчина, відважився на ризиковану мандрівку, захоплений мрією навчитися будувати кораблі. Нікого із рідних у нього не було. Батько загинув на фронті, мати й сестричка – від ворожих бомб у Воронежі. Його, Петра Белова, влаштували в дитячий будинок. Хлопець ніколи зблизька не бачив моря й кораблів, проте мріяв саме про них. І ось одного разу Петро залишив дитбудинок і з великими труднощами дістався до південного міста. Була вже зима, набір до ремісничого училища закінчився. Хлопець пішов до директора. Той сидів у накинутій на плечі старій солдатській шинелі і, що впало Петрові в очі, писав лівою рукою. Директор глянув на двері й побачив перед собою підлітка з картузиком у руках, запитав:

– Ти щось хотів сказати, хлопче?

– Вчитися до вас прийшов, – тихо відповів Петько.

– Е-е-е, ти малий ще, роки не вийшли, щоб у ремісниче училище, – директор все пильніше розглядав відвідувача.

– Але я хочу вчитися, – сміливіше і настирливіше наполягав той.

– Підрости треба ще, підрости.

Директор був невмолимим, хоч і розмовляв не дуже сердито.

Петро міг би розповісти, що він круглий сирота, що він утік з дитячого будинку, що дістався до міста з великим трудом... Та він нічого цього не сказав, мовчки повернувся й вийшов. Вечоріло. Пустився сніг. Мороз поміцнішав. Рідко й тьмяно блимали вуличні ліхтарі. Було холодно, самотньо й незатишно.

Пізнього вечора директор вийшов на припорошені снігом східці і, вражений, зупинився. Зігнувшись, стояв під стіною, прикривши голову легеньким картузом, Петько Белов. Він підняв голову, витягнув тонку шию, подивився на директора і вперто сказав:

– Нікуди не піду!

Куліченко Леонід Васильович. Народився 2 квітня 1918 року в селі Шабельники Чигиринського району на Черкащині. Під час Другої світової війни закінчив військово-політичне училище, був нагороджений бойовими орденами і медалями. Після війни працював у Новобузькому районі Миколаївської області. Закінчив заочно відділення журналістики Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка. Працював журналістом, редактором районної газети «Новобузька правда», очаківської газети «Чорноморська зірка», директором Миколаївської студії телебачення. 1974 року очолив щойно засновану Миколаївську обласну письменницьку організацію. Автор повісті-нарису «Василь Харлан» (1960), прозових книг «Біля вогнища» (1960), «Так ніхто не кохав» (1964), роману «Передгроззя» (1967). Помер 25 березня 1977 р. в Миколаєві.

Директор мовчав. Не відводячи задумливого погляду від згорбленого на холоді хлопчика, порився лівою рукою в кишені, дістав звідти шматок сухого чорного хліба. Петро повагався якусь мить і взяв простягнутий йому хліб.

– Що ж мені з тобою робити?..

І ніби враз, тієї ж хвилини прийнявши якесь рішення, директор узяв хлопця за холодну, як крижина, руку й повів за собою.

У гуртожитку було так тепло й затишно, що Петро Белов тієї ж миті заснув.

...Підлігаючи до міста, Петро Михайлович думав про завод, про свою молодіжну складально-добудовну бригаду, про незвичайний корабель, який стояв на стапелі. Це науково-дослідне судно, що споруджується для Академії наук, – унікальна океанська лабораторія, якої чекають і вчені, і космонавти. Всі цехи й бригади свою справу зробили, корабель передавався добудовникам як завжди, в тому числі і його бригаді. Хлопці у нього як один – міцні, грамотні, сміливі. І в той же час такі різні характерами!

За кілька днів після повернення бригадира трапилося нещастя. Прибіг Іван Шугай з переляканими круглими очима.

– ...Ідіть!.. – не сказав, а хекнув на всі груди, підбігаючи до бригадира. – Там Сашко лежить...

Петро Михайлович знав робоче місце Сашка Третяка і відразу ж побіг верхньою палубою. Але Іван, наздогнавши бригадира, крикнув:

– Та не туди! Сашко там, внизу.

– Ну от тобі! Як же він там опинився? – гостро глянув бригадир на Івана.

Шугай мовчки обійшов бригадира і щодуху помчав попереду, одним стрибком долаючи трапи, усе вниз і вниз.

Сашко Третяк лежав над темним і глибоким, як гірська ущелина, трюмом.

Петро Михайлович опустився біля нього на коліна, дістав з кишені хусточку й приклав до кривавленої Сашкової скроні.

– Викличте «невідкладну», – ні до кого не звертаючись, хрипко сказав бригадир.

Не всі майстри й бригадири охоче брали молоде, яке не мало ніякого досвіду, поповнення. Надто багато клопоту й мороки з ним. Але Петро Михайлович дотримувався іншої точки зору. З власної долі знав, що таке своєчасна добра підтримка і допомога старшого досвідченого товариша.

Сашко Третяк бригадирові сподобався. Хлопчина виявився тямущим і небагатослівним. Виріс він біля самого моря, в Очакові. Під час шкільних канікул ходив зі своїм дядьком на рибальському сейнері. Сашко полюбив спеціальність судового добудовника. Він швидко й сміливо забирався на найвищі точки корабля, а коли було треба, так само прудко спускався аж на ребристо-пружке днище океанського велетня.

Проте друзі стали помічати якісь дивні зміни в характері, поведженні Сашка. Працював, як і раніше, непогано, але чомусь усе віддалявся від товариства, часто бував засмученим, унікав відвертої розмови. Бригадир теж все це бачив, частіше став з ним зустрічатися, знаходив кілька хвилин для розмови. Сашко на деякий час немов оживав. Але жвавність швидко спадала, хлопець знову ставав зажуреним.

Товариші примічали, що найбільш пригніченим і мовчазним Третяк повертається після вихідних днів. Дмитро Каравай, комсорг цеху і найближчий товариш, заговорив з Сашком відверто:

– Що з тобою, друже, сталося? Наче якусь образу на всіх затаїв... Петрові Михайловичу завдаєш стільки прикрощів! Невже не розумієш цього? Він вимогливий, але й добрий, як батько нам...

– Досить уже з мене й одного батька! – вперше скипів Третяк і так вилаявся, що Дмитро аж оторопів.

Каравай ступив крок до Сашка, різко опустив свою міцну руку йому на плече й повернув лицем до себе.

– Ти яку паскуду з рота виплюнув...

Але Третяк, сам себе не пам'ятаючи, зі зціпленими зубами кинувся на Дмитра і вдарив його знизу вгору в підборіддя. Ударив несподівано і боляче. Була обідня перерва. На гамір нахопилися робітники. А ввечері на комсомольських зборах товариші запитували:

– Через що зчинили ганебну бійку?

Вона всім здавалася якоюсь неймовірною. Ну, нехай би хто інший, а то ж справжні друзі, в один час прийшли на завод, в одну бригаду Петра Белова, а тепер от... Докопувалися: через що все трапилося.



– Не любить правду в вічі слухати, – коротко пояснив Каравай.

– А ти, Третяк, що скажеш?

– Мабуть, він правий, – підтвердив Сашко, ні на кого не дивлячись, і заявив, звертаючись до присутнього на комсомольських зборах бригадира: – Прошу звільнити мене з заводу. Щоб не заважати нікому.

– Чому? Яка причина? – щиро здивувався Белов.

– Сімейні, особисті обставини...

Зал на мить завмер, а потім:

– Які у тебе сімейні обставини?

– Може, надумав женитися?

– То що ж, заради цього залишити завод?

Збори відхилили заяву Олександра Третяка, обговорили їх з Дмитром Караваєм за вчинену погасовку.

Все це пригадалося Петрові Михайловичу, коли він після закінчення зміни йшов до лікарні провідати Сашка. Бригадир завернув до продмагу, купив яблук, цукерок і печива. Перед цим кілька разів телефонував у лікарню. Йому відповіли, що Третякові уже краще.

Проте, глянувши на Сашка, Петро Михайлович занепокоївся. Дивна блідість не сходила з обличчя Третяка, погляд тьмянний. Бригадир вдав, нібито нічого цього не помітив. З доброю і навіть веселою усмішкою він привітався. Не звертаючи уваги на протест Сашка, почав широкими недбалими жестами викладати покупки, розповідаючи про корабель, про бригаду.

І раптом примовк, вражений. По зблідлому обличчю Сашка скотилася сльоза, і він хрипко сказав:

– Нас з мамою батько покинув...

І нічого більше. Хай бригадир не подумає, що він його хоче розжалобити. Ні, він просто мусив кому-небудь сказати, врешті-решт, пояснити, чому в нього пішла обертом голова і він полетів у глибокий відсік.

З батьком почалось давно. Часто приходив додому п'яний, ображав матір, тепер же зовсім покинув і пішов з дому. А йому, Сашкові, шкода маму, так шкода, що самому на світі жити не хочеться...

Петро Михайлович ні про що не став розпитувати. Він сидів мовчки й на очах у хлопця аж ніби ще дужче постарів. Сашко тихо сказав:

– Тільки прошу вас: нікому про це не говоріть.

Петро Михайлович ішов з лікарні дуже довго, додому повернувся пізно, чим налякав дружину. А дома не міг заснути, все думав про Сашка Третяка. Себе звинувачував. Як же це він не придивився, не відгадав раніше, що хлопець давно живе з болем на душі.

На світанку сказав дружині:

– Любашо, нам з тобою у вихідний треба з'їздити до Очакова.

– Що ти, Петю! Рано ще в морі купатися, – посміхнулася напівсонна дружина.

– Я не жартую, Любо, – заклопотано промовив Петро Михайлович і почав одягатися, хоч до початку роботи часу залишилося ще багато.

З Любою Петро подружив ще в ремісничому училищі. Разом закінчили, разом прийшли на завод: він будувником, вона електрозварницею. І стала Люба, потім Любов Павлівна, справжньою володаркою вогню, залишаючи свій автограф на кожному шві корабля.

...В суботу першим ранковим автобусом вони виїхали до Очакова. Петро Михайлович і Любов Павлівна, заклопотані подіями останніх днів, зосереджено мовчали. Замість сина, який завжди приїздив на вихідні до матері, з'являться вони, зовсім незнайомі їй люди. Як і про що починати розмову – абсолютно не могли собі уявити.

Мати Сашка Третяка, Марія Василівна, робітниця рибоконсервного комбінату, зустріла несподіваних гостей тривожно і розгублено.

– Що з Сашком? Чому він не приїхав? – тихо, притиснувши руки до грудей, відразу запитала.

І вони розповіли їй усе, що трапилося з її сином. Мати слухала мовчки, час від часу проривалися з її грудей важкі зітхань. Петро Михайлович переконував її, що життя Сашка тепер ніщо не загрожує, і мати поступово, здавалось, заспокоювалася. Гості пробули у Марії Василівни весь день, залишилися й ночувати. А в неділю втрєох поїхали до Сашка.

Минуло кілька днів, і прийшла справжня південна весна. Сашко вийшов з лікарні. Настрій у нього поліпшав. Тепер все частіше в гості до Марії Василівни приїжджали втрєох: Петро Михайлович, Любов Павлівна і Сашко.

Всі разом проводжали Сашка і в армію.

– Шкода, що не доведеться мені бачити спуск зі стапелів нашого красеня! – пожалкував він.

Маляр Світлана Коваленко, йдучи поруч із Сашком, усміхнулася йому своїми осяйними очима і шепнула:

– Тим більше шкода, що мене уже призначили названою матір'ю його...

– Та невже, Светко? – зупинився вражений Сашко.

– Правда, Сашуню... І мені трепетно від однієї згадки про цю честь...

Найбільше свято для південного міста надійшло в той час, коли всі рівні й широкі вулиці були переповнені пахощами розквітлих акацій. На стапелях, біля піднятих у саме небо бортів сяючого білизною новонародженого гіганта на причалах і заводських майданах зібрався й примовк у чеканні урочистої хвилини весь багатотисячний колектив корабелів. На акваторії голубого лиману для парадного проходження вишикувалася вся легкокрила яхтова флотилія. Вздовж берега, уже за заводськими корпусами, купчилися мешканці міста. Свято спуску корабля – свято для всіх!

Багато разів Петро Белов бачив усе це – і як молодий ще суднобудівник, і як визначний уже передовий бригадир. Але зараз він чомусь особливо хвилюється. Сягає думками наперед і зважає, чи все зробила його бригада добудовників, що було визначено їй відповідальним завданням. Він знає: так само хвилюються всі. Саме в цю мить зливаються в єдиний сплав почуття відповідальності всіх корабелів і кожного зокрема. Петро Михайлович на секунду заплющив очі, щоб зосередитись і заспокоїтись.

Остання команда. До корабля підходить струнка симпатична дівчина. Якось дивно. Завжди цей традиційний ритуал виконували вже літні, солідні й заслужені жінки-трудівниці. А тепер ось... Свєта Коваленко.

Світлана бере своєю маленькою рукою підвішену до височенного борту пляшку шампанського, відводить її вбік і по-дівочому граціозно відпускає. Пляшка розбивається, і перша маленька пінява хвиля ополіскує новонародженого гіганта.

Над розливом Південного Бугу гримить музика, і в лад її акордами лунають радісні вигуки робітничої маси. Хвилі з тихим шумом б'ються об борт корабля, що сяє свіжими, дивовижно рівно покладеними фарбами. Недаремно, думають корабелі, малярами стають жінки з такими незвичайними, світлими, як у цієї юної названої матері, очима...

Але все минає. Минають і свята народження нових суден. Вони, кораблі, уже не належать тим, хто їх будував. Де вони? Куди день у день, ніч у ніч тримають курс?

Ранньої осені Петро Михайлович Белов одержав листа. Зворотної адреси на конверті чомусь не було. Та по почерку відразу впізнав – від Олександра Третяка. «Передусім, – писав хлопець, – вітаю Вас, дорогий Петре Михайловичу, з присвоєнням високого звання Героя Соціалістичної Праці. Велика честь для Вашої бригади, всього заводу!

Якось на голубих дорогах довелось зустрітись з нашим науково-дослідним велетнем. Я від радості ледве не кинувся зі свого есмінця на розбурхані хвилі, аби допливти до судна й торкнутись його високого, такого знайомого мені борту.

На службі в мене все гаразд. Тут, в океані, над нами, батьку, такі зорі!..»

Лист прийшов осіннім теплим вечором. Любов Павлівна ще не повернулася з роботи – працювала у другу зміну. Петро Михайлович пішов їй назустріч. Звернувши в парк, що спускався крутими терасами до самого лиману, зупинився. Замислився. Поглянув на небо. Воно було всипане яскравими і великими зірками.

– Батько! – повторив слово з листа Олександра Третяка. – Яке добре і сильне слово!.. Я чую тебе і дякую тобі, синку!.. Над нами з тобою одні і ті ж зорі. Хай щастить тобі в плаванні!

## КРИНИЦЯ

### Оповідання

Поїзд до Нового Бугу приходить пізно вночі. Ця невеличка степова станція за останні тридцять років з першого погляду начебто не дуже змінилась. Такий же низенький вокзал, біля нього старий двоповерховий будинок з сірого каменю. Навколо стоять, як і колись давно, кілька напівсухих акацій. Їх віти завжди припорошені таким густим шаром пилу, що, здається, й настирливі осінні дощі не можуть його змити. Ця літня густа й задушлива пилуґа запам'яталась мені ще з юнацьких років.



Повітря тут має особливий запах. У ньому відчувається присмак і щойно обмолоченої пшениці, і літньої спеки, і колісної мазі та відпрацьованих газів автомашин.

Та навколо старої станції вирости будівлі: новий елеватор, складські приміщення, нафтобаза, прядильний завод. Колись станція, як островець, самотньо бовваніла в степовому мареві, а тепер поблизу розкинулись рівними вулицями з гарними будинками, садами й палісадниками нові робітничі селища – Жовтнєве, Чкаловське. І як прикраса всього нового пейзажу – двоповерхова, білостінна, з червоним черепичним дахом школа-десятирічка. А трохи далі – ремонтно-технічні майстерні, гаражі автоколони.

Поїзд мчить у ніч, а я стою біля відчиненого вікна. Степовий вітер налітає з нічного мовчазного простору, вривається до вагона й обвіває обличчя, міцно обіймає за плечі, немов хоче вихопити звідти земляка-товариша, щоб він, закинувши піджака на плече, в розхристаній сорочці і з розкуйовдженою чубатою головою побіг навперейми з ним у степи і там, хмільний від молодості, блукав до ранку...

Вітре, вітре!.. Чи ти той самий, юний мій друже, а чи, може, й ти вже підтоптався і в твоїх розвіяних паглах теж з'явилися сивіючі пасма? Та хіба ж на тебе роздивишся? Ніч навколо, а ти гарцюєш, немов сп'янілий від запаху степових трав, як і колись. О ні, не старієш ти, вітре, і приносиш до мене на мить і знову вириваєш із самих грудей моїх спомини про ті далекі дні...

Я бачу знов себе шістнадцятилітнім. Тонкий і високий, з худорлявим засмаглим обличчям, великим чубом і давно не стриженою потилицею, з розстебнутим коміром косоворотки й позасукуваними до ліктів рукавами. Працюю в колгоспі їздовим і цілий місяць вожу безтаркою, запряженою парою коней, хліб на елеватор за тридцять п'ять кілометрів від дому. Тоді ще не було в колгоспі автомашин і посада їздового була у великій пошані. Мене як комсомольця часто призначали за старшого над усією хлібною валкою.

Пам'ятаю позолочене пилом-серпанком літнє надвечір'я. Сонце вже починало схилитись на захід, але спека поки що не вщухала. Піт зрошував обличчя, а отой золотистий серпанок щедро пригтрушував тіло, кучерявив брови й розпушував шевелюру. Та вади від того аж ніякої. Лежиш собі в безтарці, покрикуєш іноді на своїх гнідих. А як трохи наскучить мовчки про щось думати, то розмахнешся такою піснею, що аж степ навколо задзвенить!.. Новий Буг і вся місцевість на десятки кілометрів навколо – це безводне місце. Колодязів було багато, але вода здебільшого гірка та солоня. Ще не було споруджено водогін, щоб з Інгулу подати добру воду для населення...

І от того пам'ятного дня натрапив я на чудову криницю з чарівною джерельною водою. То була гарна криничка при дорозі, як в'їжджати до Нового Бугу Привокзальною вулицею. На диво, серед запилених і кволіх від спеки акацій поблизу шосейного тракту в невеликій балочці стояла кучерява верба. Під нею завжди зеленіла свіжа й соковита трава, з якої виглядали низенькі дерев'яні цямрини.

Скільки разів тут проїздив, а ніколи раніше не помічав такого свіжого куточка. Може б і цього разу не помітив, але коло криниці стояла дівчина. Стояла вона біля повних відер і дивилась чи то на шлях, чи туди, де сонце сідає, чи, може, й на мене. Зустрівшись з несподіваним дівочим поглядом, я раптом зупинив коней, стрибнув з безтарки, взяв відро, що висіло під ящиком на розвороті, й почав відчіплювати віжки. Все це робив не поспішаючи, як і належить досвідченому й бувалому їздовому. А дівчина не зводила з шляху свого задумливого погляду. В її синіх великих очах було щось незвичайне: вона дивилась просто на мене і, я був певний, не помічала того, що я зупинився, беру своє відро, прямую до криниці... А я йшов на той синій замріяний погляд, не відчуваючи ні себе самого, ні землі під собою. В якомусь дивному забутті напував коней, сам забувши напитися, хоч спрага мучила весь день. Гніді випили по повному відру, і я зачерпнув їм ще по одному. Потім, ніби на прощання, знову глянув на дівчину, і цього разу ми стрілися очима й довго дивилися одне на одного.

Не знаю й досі, чи то справді була дівчина небаченої краси, чи такою вона видалася у своїй глибокій молодій задумі... Вона стояла під густим віттям верби, за якою стелилась невеличка левада, а далі жовтіли соняшники на городі, червоніли вишні, серед них біліла хата. Вся дівоча постать осявдалась косим сонячним промінням, вродлива степовичка на зелено-золотавому фоні здавалась ніби намальованою. Мені чомусь спало на думку, що роками вона старша від мене і вже когось покохала, а може й заручена. Чорняве, рівно причесане волосся. Обличчя трохи бліде й зовсім не смагле, таке чисте, ніжне та привабливе... Вона якусь мить пильно дивилась на мене, але жодна рисочка на її обличчі, ні тонка брова, ні пухкі вуста не здригнулися. Враз два синіх вогники зникли, прикриті чорними густими віями. Дівчина нахилилася, взяла відра й пішла, немов тихо попливла стежкою поміж

травою, зникла за високими соняшниками. Те сталося несподівано швидко, і я кілька хвилин не міг повірити, що вона справді піде звідси, а я залишуся сам. Ніби ми тут мали простояти хтозна доки...

Тоді ще не відав, що таке кохання, соромився дивитися на жіночу постать, і ніколи раніше й на думку не спадало, що вона може бути такою привабливо-прекрасною. І раптом відчув, як незнайома дівчина несподівано й сильно вдарила по невідомим мені струнах душі, і вони з радістю й болем задзвеніли і заспівали так, що я сполохано озирнувся навколо: чи не чув ще хтось сторонній оцей врочистий дзвін?..

А вона пішла не оглянувшись. І з того часу більше я її не бачив, хоч і часто їздив повз те місце, кожного разу зупинявся, щоб напоїти коней, напитися з тієї криниці... Можливо, при новій зустрічі ми б уже сказали одне одному якісь слова, а чи й розминулися б, не впізнавши одне одного...

Минали роки. Все рідше доводилося мені їздити тією дорогою. Згодом верба почала сохнути, до криниці вже й стежки не було видно. Ще через якийсь час з сумом побачив, що від зеленої верби і тієї криниці нічого не лишилося. Те місце, де колись стелилась невелика левада, заросло лободою, припало сивуватим дорожнім пилом. Запустів і здичавів той омріяний мною куточок, хоч неподалік з'явилися нові вулиці, молоді сади, а ще далі, на колишньому пустирі, розрісся великий парк.

Зникла верба, немає й криниці. Можливо, жодна людина не надала ніякогось значення цьому непомітному явищу. А мені шкода... Хоч і не знаю, хто посадив і хто зрубав ту вербу, хто колись викопав і хто засипав ту криницю, а все ж не можу забути те місце, не можу, проходячи чи проїжджаючи, не глянути туди й подумати: колись тут були верба й криниця, колись тут...

...Затихає ритмічний стукіт коліс – поїзд зупиняється. Кілька пасажирів зійшло у духмяну зоряну ніч. Паровоз знову гукнув, прорізавши своїм гудком настояну на степових травах нічну тишу, й погуркотів собі далі, безтурботно-веселий, самовпевнений і байдужий до різних там людських споминів. Пасажири швидко розійшлися, розтанули в привокзальній темряві. Я навмисно відстаю від них і один собі помалу вирушаю до районного центру. Іду знайомою дорогою. М'яка і тепла серпнева ніч, як і колись, нависає над степом. Пізно, і тому навколо дуже тихо. Ось уже й перші хати, скоро й пам'ятна місцина...

Через стільки років, через фронтові ночі й далекі чужі землі, крізь радість й скорботи проніс я незмінне і вже навіть не зовсім зрозуміле тепер для мене ніжне почуття до цього непомітного клаптика землі. Згадка про нього завжди повертає мене в прекрасні часи юності. В моїй уяві постає степовичка, що вперше примусила несамовито забитись молоде нерозсудливе серце. Вона для мене й зараз – така ж дівчина і така ж недосяжно гарна. Це буває один раз в житті і, мабуть, не з кожним... Але я вірю, що в багатьох була своя верба й своя незабутня криниця...

Знову зупиняюсь біля того місця. Глибока ніч. Наді мною небо, всіяне зорями. Незмінними, тими ж самими зорями, що й колись, в молодості. Я дивлюсь у безмежний світ, і мені здається: пливе він кудись з усім своїм багатством і нерукотворною красою. Серцем чую й глибоко розумію, як невпинно, швидко й безповоротно лине вперед життя...

В беззвучній тиші ночі мого слуху торкаються якісь ледве чутні мелодійні звуки. Не розумію, звідки і що це. Чи зоряний простір так дзвенить в моїй уяві, чи й справді хтось пізньої ночі грає.

Справді, тиха мелодія впливає широкою хвилею з-за садів, з вузької, порослої травою вулиці. Я слухаю, здивований і вдячний невідомому нічному баяністові. Ще одна хвиля – і в мелодію вплітається ніжний і тремтливий дівочий голос. Його ледве чути, іноді він зовсім завмирає й зливається з тишею ночі...

*Ой, вербо, вербо,  
Де ти зроста,  
Що твоє листячко  
Вода знесла?*

Хтось тихо-тихо вночі співає, і назустріч тій схвильовано-сумній пісні поривається, завмираючи, серце. І якось дивно: мелодія баяна лине з одного кінця вулиці, а пісню хтось промовляє в іншому місці – ніби перегукуються чийсь схвильовані серця...

Так, мабуть, і вона колись співала...

Вже пізно, а пісня, чудова, як саме життя, нічна пісня щасливо закоханих пливе й пливе в зоряні світи.



О пісне, пісне!.. Яких тільки думок ти не навієш, про що тільки не зможеш розповісти схвилюваному серцю, коли навколо тиша серпневої ночі і в ній спокійно спочиває рідна прекрасна степова сторона!..

І от пісня стихає. А з вузької зеленої вулички безшумно наближається легка білосніжна по-стать. В темній косі красується квітка, схожа на одну з найяскравіших зірок у серпневому небі. За-мріяна, мабуть, дівчина, не помітивши мене, підходить так близько, що раптом зупиняється і трохи злякано дивиться мені в обличчя широко відкритими очима.

Ні, це не вона, не вона...

– Не лякайтесь... не лякайтесь... – чомусь дуже тихо й схвилювано говорю їй, сам себе переко-нуючи, що це я бачу дивний витвір власної фантазії.

– Я й не злякалась, а тільки так, від несподіванки, – тихо відповідає дівчина і запитує: – Хто ви і чому так пізно тут?

– Чому так пізно тут?.. Але й ви ще не спите.

– То інша річ. Я ж тут живу.

– І віддавна? – не втримуюся від запитання.

– А навіщо вам знати? – щиро дивується дівчина.

Ми розмовляємо тихо і, звичайно, одне одного не розуміємо. А потім якусь мить мовчимо. Ніч і зоряна тиша все дужче огортають нас.

– Я тут народилася, з того часу й живу. А от наша хата за садочком, – чую її вже спокійний і до-вірливий голос.

– Ви не пам'ятаєте, – з хвилюванням запитую, – тут була колись верба й криниця під нею?

– Ні, я не пам'ятаю, – подумавши, відповіла. – Тепер наша криниця он там, трохи вище. А мама розповідала, що колись ходила по воду сюди, тільки дуже давно.

– Так, це було давно...

– А ви мою маму знали? – радісно і в той же час з тривогою в голосі спитала дівчина. – Вона по-мерла позаторік...

Померла... Як і ота верба, що так пишно колись кучерявилась-зеленіла.

Прощаємось. Бажаю доброї ночі. Бажаю щастя під цим зоряним небом.

Молодість! Вона вічна!..



Альбина БИЖАН

## СИНЯЯ ГОРА

Рассказ

Таня встала рано, она сегодня уезжает. А я проснулась, но вставать мне не хочется, и укутанная негой, я лежу с закрытыми глазами.

Мне снова приснился сон, который я часто вижу на протяжении последних лет.

Вокруг меня простор, залитый солнцем, а вдалеке у горизонта в лёгкой дымке синеет гора. Я бегу к ней по выжженной солнцем траве почти невесомая, испытывая при этом невероятную радость.

С Таней мы познакомились здесь, в Феодосии, приехав на отдых, случай свёл нас на общей квартире. Мы провели десять дней в приятном общении, сблизились, подружились, и вот пришло время расставания.

Сама не знаю, почему в этот раз местом для отдыха я выбрала именно Феодосию. Как только я вышла из вагона и ступила на Симферопольский перрон, внутренний голос настойчиво повторял: – «Феодосия, Феодосия...»

В этом уютном городке я давно не бывала, и в очередной раз, попав под его волшебное очарование, подолгу бродила по старым улочкам, предавшись воспоминаниям и размышлениям. Феодосия была отправной точкой в моих потаённых мыслях, которыми я никогда ни с кем не делилась. Я всеми клеточками своего естества ощущала какую-то подсознательную связь с этим городом, которая и влекла, и почему-то удерживала меня от встречи с ним.

Из вагонного окна уходящего поезда Таня, смахивая с глаз слезинки, прощально махала мне рукой, а я, ускоряя шаг, шла по перрону, пока квадрат последнего вагона не исчез из вида.

Настроение было грустным, небо заволочла густая пелена облаков. В расстроенных чувствах я побрела домой.

Я планировала ещё несколько дней понежиться в тёплом море под лучами ласкового сентябрьского солнышка. Однако сегодня на море идти не хотелось, грусть расставания сковала меня. Но войдя в комнату, я как-то взбодрилась, порция положительно заряженной энергии влилась в меня, мысли были чёткими и целенаправленными. Я переделась, перекинула через плечо свой рюкзачок и, окрылённая надеждой на удачу, помчалась на автовокзал.

Подойдя к водителю маршрутки на вокзальной парковке, я робко, побаиваясь отрицательного ответа, спросила:

– Извините, пожалуйста, после войны где-то здесь неподалёку была деревня Карагоз...

– А она и сейчас есть, только называется Первомайское. Меньше двадцати километров в сторону Старого Крыма. Погуляйте чуток, и поедем.

**СОБОРНА ВУЛИЦА 1-2 • 2018**



Бижан Альбина Николаевна. Родилась 3 сентября 1942 года в Самаре. Инженер-строитель, окончила Одесский инженерно-строительный институт. Без малого 30 лет проработала на Черноморском судостроительном заводе в службе Главного архитектора. Член литобъединения «Стапель». Печаталась в сборниках ЛитО. Активно присутствует на сайтах Проза ру, Стихи ру.



Я села на скамейку, пока ещё не веря, что это реальность. Волнение охватило меня.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны воинская часть, в которой служил мой отец, была дислоцирована в этих краях. Это был военный аэродром с мощной по тем временам авиацией, зданиями и сооружениями специального назначения. Здесь курсанты лётного училища проходили что-то наподобие преддипломной практики, выполняя учебные полёты.

Мне в ту пору было три года, я была вполне сознательным человечком и быстро влилась в компанию деревенской детворы обоего пола и разного возраста.

С высоты моего роста Карагоз казался мне бескрайним. Я запомнила его в ярком солнечном освещении с высохшей под солнцем растительностью. Именно это создавало ощущение простора и свободы.

Я помню Карагоз разный: и весенний в аромате цветущих садов, и осенний со слякотью и туманом, и даже зимний с незамерзающим родничком, в струйках которого трепетала зелёная былинка. Но именно летняя картинка на всю мою жизнь осталась визитной карточкой в детство.

Утром детвора собиралась на единственной деревенской улице, и весь мир был у наших ног. Я была самой маленькой, и старшие девочки трепетно обо мне заботились.

Занятия мы находили себе сами, бегали купаться на почти пересохшую речку Чуруксу, лазили в колхозный сад за черешней. Такой черешни я больше не ела никогда. Плоды её были крупные, блестящие, тёмно-красного цвета, очень сочные и сладкие.

Мы играли в игры, которые сами придумывали, а ребята постарше полушёпотом рассказывали страшные истории про татар, которые здесь недавно жили.

В один из пустующих татарских домиков поселили нашу семью. Перипетии истории мне в ту пору были не ведомы, и я жила безмятежно.

Мы ходили на поросшие ковылём руины мечети, и там я слушала от старших ребят страшилки про чёрную кошку, которая выходит из развалин ровно в полночь, и горе тому, кто с ней повстречается.

Завидев бричку, мы, подсаживая друг друга, на ходу взбирались на неё и, сотрясаясь всем телом на каждой колдобине и испытывая восторг, катились по деревне на безрессорном кабриолете в одну лошадиную силу. А по вечерам, когда деревню окутывала волшебная тишина, отливая золотом в лучах заходящего солнца, низко над землёй жужжали майские жуки.

Ещё я любила в одиночку ходить за арманы, так на местном наречии назывались огороды, и, глядя в бескрайнюю степную даль, фантазировать про неизвестное. В эту свою тайну я не посвящала никого.

Моя совсем молодая мама работала в части библиотекарем. Курсанты практические навыки лётного мастерства осваивали непосредственно на аэродроме, а теорию зубрили по учебникам в библиотеке.

Библиотека открывалась после обеда, мама вылавливала меня с улицы, кормила, и мы шли на работу. Я рано научилась читать благодаря маме и библиотеке. Домой мы уходили только после того, как последний абонент покидал читальный зал. Было уже темно, и мы шли короткой дорогой через речку, мимо мечети, а потом через старинное деревенское кладбище, где, по утверждению подружек, по ночам гуляли мертвецы. Я боялась и чёрной кошки, и мертвецов, и огромной луны, которая устрашающе смотрела на меня с ночного неба.

Военная служба в ту пору была насыщенной и напряжённой, у отца каждый день были ночные полёты, его я видела только по воскресеньям, очень скучала и любила его.

Время было трудное и голодное. Родители мои купили корову Дуньку, в доме появилось молоко. А однажды весенним утром в нашей убогой кухоньке я обнаружила рыжего телёнка. Он родился ночью, и его перенесли в натопленную кухню, чтоб не простудился в сарае. Я назвала телёнка Минькой, гладила его по жёсткой шёрстке. Когда у него появились маленькие рожки, он смешно бодался, а я, созерцая его неуклюжие выходки, хохотала от удовольствия и радости.

В конце лета все мои подружки засобирались в школу. Мне только что исполнилось шесть лет и, учитывая мою хорошую подготовку, которая по тем временам, да ещё и в деревне, граничила с гениальностью, меня приняли в первый класс, чему я была несказанно рада.

Школа размещалась в небольшом здании, но оно очень отличалось от остальных домов. Оно было намного выше, и окна были большими. Классных комнат было две. Над дверью в учительскую висел красочный портрет Сталина. Весной, когда в горах зацвели дикие пионы, мы собирали их и украшали портрет любимого вождя. Во всей школе учеников было человек пятнадцать.

Моей первой учительницей была Вера Ивановна. Она казалась мне очень красивой, у неё были тёмные кудрявые волосы и голубые глаза, я влюбилась в неё с первого взгляда, внимательно слушала всё, что она говорила, и беспрекословно выполняла все её требования.

Вера Ивановна была строгой и доброй, она никогда не повышала голоса, хвалила за успехи, глядя по голове. Она могла поправить бантик в косичке и помочь завязать шнурок ботинка. Если у кого-то не получалось написать букву или цифру, Вера Ивановна брала руку неумёхи в свою руку и вместе с ним выводила карандашом трудную закорючку.

А летом мы вместе с ней помогали взрослым, собирая в поле колоски, оставшиеся после жатвы, спасая колхозный урожай, нанизывали на толстую нитку листья табака, который потом длинными гирляндами развешивали под навесом для просушки.

Через пять лет отца перевели служить в Николаев, он улетел, а нам с мамой солдаты помогли погрузить в полуторку наш нехитрый скарб, и мы поехали в Симферополь, а оттуда поездом до Николаева.

В кузове грузовика, сидя на фанерном чемодане, не сознавая и не понимая происходящего, я навсегда уезжала из своего Карагозского детства. Следом за машиной долго бежала наша дворняжка Жанка, а выбившись из сил, она легла посреди шоссе, положив на лапы мордочку, и глазами, полными слёз, смотрела вслед удаляющегося автомобиля.

Щеночком мне подарил её мой милый белобрысенький одноклассник Коля. Он вынул крошку из-за пазухи и сказал:

– На. Она вырастет и будет сторожить вашу хату.

Собачка была белая с чёрными пятнами, я помню её до сих пор.

С той далёкой поры Крым так и остался любовью всей моей жизни. Я часто ездила сюда отдыхать. В молодости с друзьями с рюкзаком и палаткой. Когда обзавелась мужем, и его влюбила в Крым. Потом были санатории, Дома отдыха. А вот теперь, когда прожита большая часть жизни, я иногда приезжаю в один из уютных городков, останавливаюсь в тихом месте и, ностальгируя по ушедшим временам, наслаждаюсь неповторимым крымским колоритом с его морем, солнцем, воздухом и волшебной магией, преследующей меня с детства. Ни на минуту не забываю я остров детства моего – Карагоз. Но навестить его мне не позволяло то, чего я не могу ни понять, ни объяснить. Может быть, не пришло время.

И вот спустя более полувека будто знак свыше был дан мне.

Маршрутка остановилась у дорожного указателя «Первомайское».

– Вот Ваш Карагоз, – сказал водитель. – Счастливо!

Мне показалось, что водитель по ошибке привёз меня совсем в другое место, абсолютно незнакомое. По обочинам огромные деревья, густая зелёная трава... Я пошла прямо от указателя по дороге. Пройдя метров пятьдесят, я ступила на бетонный мосток. Да, помнится, был мосток, только деревянный. Его всегда сносило во время весеннего половодья. Я зашагала увереннее, и вдруг чуть левее вдали у горизонта я увидела синюющую гору, точно такую, как видела в своём повторяющемся сне.

Как же я могла забыть? Это же Агармыш! Та самая гора...

– Ну, здравствуй, Агармыш! Здравствуй, моя синяя гора. Помнишь ли ты маленькую девочку из Карагоза, которая, выйдя за арманы, часами глядела на тебя, пытаясь разгадать все твои тайны?

Лёгкая дрожь пробежала по спине, учащённо забилося сердце.

Дорога привела меня в посёлок с многоэтажными домами, очевидно, это и было Первомайское. Ничего общего с моим Карагозом здесь не было. Я заволновалась.

По дороге мне встретились две женщины.

– Простите, – обратилась я к ним, – я ищу Карагоз, но он сейчас по-другому называется...

– Да нет, местные его так и зовут Карагозом. Пройдите до конца улицы и сразу направо, там и есть Ваш Карагоз, – пояснили мне приветливые крымчанки.

Я нашла его! Я сразу узнала его по запаху полыни и лебеды и ещё чего-то из детства. Здесь почти ничего не изменилось, та же одна улица с домиками по обе стороны, гуси и козы, щиплющие траву на обочине. Ощущение простора и свободы наполнило меня, как тогда, давно. Лёгкость, схожая с невесомостью, окутала и будто приподняла меня над землёй. Я присматривалась к каждому домику, каждому кусту, пытаюсь отыскать какие-то знакомые детали. Взгляд мой остановился на неказистом здании, в висках застучали молоточки, грудь сдавило. Я подошла и узнала его: это же моя школа! К зданию пристроили новое помещение, а на вывеске было написано «Общежитие», но я узнала её. Мне показалось, что даже побелка на ней того же, что раньше, зеленоватого оттенка и те же окна



вытянутой формы. Я едва справлялась с эмоциями, к горлу подступил ком, а глаза застилала пелена. Я гладила стены рукой, касалась их щекой, по которой текли слёзы.

Мне хотелось встретить хоть кого-нибудь из прошлой жизни. Но как?

Я подошла к сидящим на лавке у дома мужичкам, поздоровалась.

– Здесь когда-то жила учительница Вера Ивановна Саламатина...

– Так она и живёт, только она теперь Игнатьева. Мишка её давно умер, а она вышла за Ивана Игнатьева, в девяносто седьмом доме живут, – поведал мне словоохотливый карагозец.

На ватных ногах я направилась к девяносто седьмому дому. Я даже не предполагала, что учительница моя жива. Моя мама давно умерла, а они, по моим подсчётам, были примерно одного возраста.

Я подошла к дощатой старенькой калитке, окликнула высокого мужчину во дворе, он подошёл.

– Здравствуйте. Вера Ивановна здесь живёт? – дрожащим голосом спросила я.

– Мама! К тебе пришли! – громко крикнул он, открывая передо мной калитку.

Откуда-то из-за дома шла мне навстречу щупленькая, но крепенькая женщина невысокого роста в красном вельветовом халате, в галошах на шерстяной носок и с лопатой в руке. Её голубые глаза, как два чистых озера на фоне тумана серебряных волос, вопросительно смотрели на меня. Да, это она, Вера Ивановна, дорогая учительница первая моя. Я не столько узнала, сколько почувствовала её. Обливаясь слезами и неся какие-то несвязные фразы, я бросилась к ней с объятиями и поцелуями. Она усадила меня на табуретку, успокаивая, погладила по голове и спросила:

– Ты кто?

Я взахлёб рассказала ей всю свою биографию, начиная с той давней поры и по сегодняшний день. Она вспомнила меня и моих родителей. Обращаясь к сыну, она рассказывала какие-то подробности из моей учёбы, о косичках, которые мне состригли, и она не узнала меня с новой причёской.

Я про это давно забыла, а она помнила. Вера Ивановна поведала мне, что, имея двух малолетних детей и домашнее хозяйство, она не могла работать в школе. Доучила наш класс до четвёртого и уволилась. Поэтому и помнит всех. Она рассказала мне о судьбе моих приятелей, в Карагозе никто из них не живёт, разъехались кто куда. Говорила обо всех с улыбкой и теплотой.

Прощаясь, я под воздействием эмоций клялась и обещала навещать её, но этого не было больше никогда.

В Феодосию я вернулась вечером. В этот день православные христиане чтили память святого благоверного князя Александра Невского. В храме шло богослужение. Я вошла и поставила свечки к образам.

Словно после причастия, на душе было светло и спокойно.

Я уехала ночным поездом.

## ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

### Рассказ

Солнечным утром по мосту через бурлящую вешними водами речку Элка весело шагала на работу.

Месяц назад с новеньким дипломом техника-строителя она прибыла по распределению в живописную Кубанскую станицу в качестве молодого специалиста и была определена руководством СМУ мастером прорабского участка.

Ей едва исполнилось восемнадцать лет, в профессии она пока мало что знала, а потому ничего не боялась. Мастером так мастером, назначили бы её главным инженером, тоже глазом не моргнула бы.

В этом благодатном крае Элке нравилось всё – природа, погода, доброжелательные люди. Не нравилось, когда её называли Эльвирой Николаевной, а также политинформации по четвергам, на которых члены партийного бюро с угрюмыми лицами рассказывали о превосходстве социалистической системы над капиталистической и о холодной войне с Америкой.

Люди старшего возраста полушёпотом обсуждали ситуацию в стране и высказывали опасение по поводу неизбежности войны. Обстановка в мире была напряжённой. Элке же разбираться в международных отношениях было не интересно. Её больше интересовали друзья, которыми она уже успела обзавестись, танцы и кино про любовь.

В конторке, называемой прорабской, Элка застала своего начальника, прораба Чванова Геннадия Васильевича.

– Здравсьте, – весело поприветствовала она своего наставника.

– Привет, мой свет, – шутливо ответил тот.

Чванов был хорош собой, этакий высокий блондин с модным коком на голове. Одевался он модно и в определённых кругах слыл стилигой. Ему было 35 лет, он был женат и воспитывал двухлетнего сына. По Элкиным понятиям был Чванов человеком немолодым, и воспринимала она его, как старшего по званию со всеми вытекающими правилами поведения.

Чванов же с вожделием поглядывал на юную кареглазую коллегу.

Очередной рабочий день начался. Озадачив бригадиров планами по своевременному и качественному выполнению работ и проведя инструктаж по технике безопасности, руководители отправились совершать ежедневный обход строящихся объектов. Под номером один в их путеводителе значилось здание широкоформатного кинотеатра, на котором уже велись отделочные работы, сдача в эксплуатацию намечена была в третьем квартале.

– Полезай на чердак, проверь, не потекло ли где после дождя, – распорядился Чванов.

– Там темно, я боюсь, – почти по-детски ответила Элка.

– А со мной не боишься? – с лукавинкой спросил начальник.

– Не-э-э-эт... – одновременно отвечая и пытаясь понять постановку вопроса, проблеяла Элка.

Чванов уверенно, по-мужски стал взбираться по приставной стремянке, а Элка вслед за ним руками и ногами перебирала перекладыны, периодически сдувая пыль с ладоней. Лестница была метра три в высоту, поэтому восхождение длилось долго, а под её пышной клетчатой юбкой гулял сквозняк, так что ещё и юбку нужно было придерживать от неприличия.

На чердаке было темно, освещалось пространство так называемым слуховым окном, в обрамлении которого сиял прямоугольник лазурного неба.

Чванов двигался по чердаку, заглядывая во все уголки крыши, определяя качество стыков и соединений на предмет герметичности конструкции. Элка следовала за ним след в след, но ей было абсолютно всё равно, протекает крыша или нет. Она слушала и не слышала, что говорит Чванов про всю эту герметичность, милая девичья головка была забита мыслями о предстоящем вечере. Сегодня среда, в Доме культуры танцы, она увидится с Валерой, который ей очень даже нравится.

Наконец обход завершился, Чванов подошёл к окну, Элка встала рядом. И здесь она вдруг разглядела стоящий на полу ящик из-под гвоздей, накрытый газетой. В центре сооружения красовалась бутылка вина, два стакана, пучок редиски и батон.

В ту пору Элке были ещё не ведомы методы и приёмы обольщения, охмурения и прочая мужская изощрённость, но подсознание намекнуло ей об опасности.

Она же, проработав с Чвановым почти месяц, привыкла к его систематическим отлучкам на работе, во время которых он с приятелями сживал в забегаловке, а возвращался с запахом спиртного. Вот Элка и решила, что место встречи собутыльников перенесли сюда, чтоб без отрыва от производства. И всё же какое-то беспокойство закралось в её неискушенную душу. Она пребывала в напряжении. Чванов повернулся к Элке лицом. Устремив на неё томный взгляд, он резко привлёк её к себе и, прижавшись к ней всем своим телом, впился в её губы своими. Внутри у Элки что-то дрогнуло, застучало в висках. Она почувствовала какую-то силу, овладевшую ею. От Чванова исходило приятное, обволакивающее тепло и доселе не ведомый Элке запах, от которого она обмякла и стала тихонько таять, как снежинка на ладони. Но один из инстинктов человеческих взял верх над другим и она, как отпущенная пружина, взвизгнув, с силой толкнула мужчину. В этот самый момент из репродуктора на центральной станичной площади, рядом с которой и строился кинотеатр, одновременно торжественно и настораживающе, отдалённо похоже на церковный перезвон, зазвучали радиопозывные на мотив эпохальной песни «Широка страна моя родная». Этот музыкальный момент звучал на волнах Всесоюзного радио во дни торжеств и бед народных, и от его аккордов всегда бросало в дрожь, а по спине бежали мурашки. В ожидании войны с Америкой мурашки активизировались.

На полутёмном горище было видно, как побелело лицо прораба. А тут ещё и Левитан забасил:

– Говорит Москва... Говорит Москва... Работают все радиостанции Советского Союза...

– Война!!! – завопил Элкин начальник и очертя голову кинулся к зияющему чердачному люку.

Элка всё ещё пребывала в прострации, не понимая, что же произошло между ней и прорабом. Она целовалась один раз с Власовым из её группы в техникуме, но всё было совсем не так, и то ж Власов, а это начальник. На ум пришли мамины ненавязчивые нравоучения по поводу целомудрия.



– Все мужчины одинаковые, и от женщины им только одного и нужно, – говаривала она.

И Элка с полной уверенностью решила, что это оно и было. Что ей делать в связи с начавшейся войной, она тоже не знала. Родители далеко, и она решила идти в стройуправление. Там руководство что-нибудь да подскажет. Осторожно нащупывая ногой перекладыны лестницы, она опустилась, что называется, из поднебесья на землю и вышла на улицу. Площадь была заполнена ликующими, обнимающимися людьми. Солнце ярко освещало радостные лица, а Левитан всё извещал и извещал планету о том, что сегодня в Советском Союзе на космическую орбиту выведен корабль, впервые в мире с человеком на борту.

Станица утопала в аромате цветущих садов. Было двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

## ВОЗНЕСЕНИЕ

### Рассказ

Меня разбудил ласковый бабушкин голос.

– Уставай, внучечка, хватить спать. Ноньче праздник великий, Вознесение. Упораемся и у гости пойдём. Уставай.

Этот колоритный диалект, на котором говорили потомки донских казаков в маленьком хуторе Паськов на Луганщине, запомнился мне с раннего детства.

Бабушка моя Пелагея Егоровна жила на краю хутора одна, а дед погиб в самом начале войны. Мне не исполнилось ещё пяти лет, когда мы с мамой приехали к бабушке помочь по хозяйству и хоть немного подкормиться. В городе в тяжёлую послевоенную пору было голодно.

Ещё не открыв глаза и не отойдя от сладкого детского сна, я словно окунулась в купель светлой радости и наслаждения, услышав доселе неведомое мне красивое, прозрачное, как хрусталь, слово Вознесение.

Бабушка никак не унималась с побудкой. Наконец я, проснувшись окончательно и открыв глаза, теперь уже зримо ощутила великолепие светлого праздника Вознесения.

Маленькие окошки казацкой хаты пронизывали лучи ласкового утреннего солнца, наполнив светом и теплом пространство вокруг меня. Иконные оклады горели золотом. Перед образами засветили лампадку, и казалось, что строгие святые лики улыбаются.

Издали доносились благодатные звуки церковного колокола. Это в Камышной звонили к заутрене.

Станица Камышная находилась недалеко от нашего хутора. Иногда взрослые ходили туда по каким-то делам, а по тропинке мимо нашей хаты ходил в Камышную на службу священник в чёрной рясе и скуфье. Он жил за яром в соседнем хуторе.

В той церкви меня окрестили и нарекли Аллой в честь святой великомученицы Аллы Готфской. При рождении мне было дано другое имя.

– Вот, бабушка Федулиха принесла тебе Белкиного молочка. Его надо пить, чтоб не хворать никогда, – сказала бабушка, протягивая мне глиняную кружку пенящегося парного молока.

Белка – это коза, а соседскую бабушку звали Федулихой потому, что муж её был Федул Пантелеевич. Он был очень старенький, но на людях старался держать выправку. Он носил сохранившиеся с незапамятных времён штаны с лампасами и изъеденную молью казацкую фуражку с красным околышем и высокой тульёй. У Федула даже конь был, ослепший от старости Сивка. Хозяин чинно выгуливал в поле верного товарища своего, накинув ему на шею верёвочный повод, здесь же пощипывала травку Белка. До самого горизонта, наполняя терпким ароматом всю округу, от лёгкого ветерка волновалось бескрайнее море перламутровых бессмертников. Высоко в небе парил жаворонок, солнце щедро дарило миру свет. Буяло всеми красками звонкое лето в маленьком хуторе моего детства.

Управившись с делами, бабушка зачерпнула ведром из копанки и налила в таз воды. Мы все вымыли ноги и обулись, ибо летом в повседневной жизни обувь не надевали; и дома, и на подворье, и в огороде – босиком.

Потом начался ритуал одевания с таинством извлечения из старинного сундука праздничной одежды.

Из открытого сундука пахло полынью и ещё какими-то травами, а на внутренней стороне крышки были наклеены яркие картинки, при виде которых у меня перехватывало дух. На картинках были изображены необыкновенной красоты цветы и белолицые красавицы с алыми губами и кудрявыми волосами. Это были обёртки от дореволюционного туалетного мыла.

Таинственный сундук открывали редко, и присутствие при этом действе доставляло мне невероятное удовольствие.

Бабушка неспешно, с любовью и торжественностью вынула из сундука аккуратно сложенную беленькую косынку, потом длинную нарядную юбку с оборкой по подолу, потом синюю в мелкий цветочек завеску. Так называли одинаковой с юбкой длины фартук, который был неотъемлемой частью женского туалета. Праздничная белая кофточка с глухим воротом называлась маркизетовая в отличие от ситцевых повседневных.

Затаив дыхание, я наблюдала за тем, как преобразается моя бабушка, надевая на себя все эти непривычные для моего восприятия одежды, и тихий восторг наполнял всё моё маленькое естество.

Нарядившись и прогнав из хаты на двор кошку, мы отправились в гости.

А в гости мы ходили к родне на другой конец хутора. Там жили бабушкины братья, сестра и множество всяких невесток, золовок, зятьёв, детей. На одном подворье стояли три хаты, в которых и проживала вся эта многочисленная родня.

Хозяева встретили нас приветливо и чинно, каждого обняв и трижды облобызав, после чего усадили за длинный дощатый стол в тени развесистой яблони. Ели борщ и лепёшки с творогом. Конечно же, на столе присутствовала бутылка с мутным содержимым, из которой глава застолья наливал в старинные гранёные стопки, по случаю праздника извлечённые из раритетного буфета. Церемония питания, как и весь обед, выглядела и культурно, и торжественно.

Потом взрослые вели разговоры, шутили, красивым многоголосьем пели то весёлые, то задушевные старинные казацкие песни. Мы же, детвора, восторженно визжа, носились по заросшей оживными кустами улочке.

По прошествии времени в памяти всё чаще всплывают какие-то эпизоды из прошлой жизни. Это, как правило, светлые, добрые воспоминания. Плохое быстро забывается.

Сегодня мне до мельчайших подробностей припомнился именно тот летний день из моей только начинающейся жизни.

Сейчас мне намного больше лет, чем было тогда моей бабушке. Давно ушли в мир иной мои родители. Теперь я старейшина нашего рода. У меня взрослые внуки, правнуки есть. Живём мы в городских многоэтажках, общаемся большей частью с помощью телефона да компьютера. За большим столом не собираемся, некогда всем... Живём мы далеко от тех мест, никого из родни там давно нет, потому не навещала милый сердцу уголок более полувека.

Про хутор Паськов знаю из интернета – поселения с таким названием не существует с середины прошлого века. Другое название, другие дома, другие люди не казацких кровей живут теперь там. О Камышной мне известны лишь недобрые новости, связанные с последними событиями в Донбассе. Стреляют там.

Читая полосу новостей в интернете, случайно узнала, что сегодня Вознесение.

В моём доме нет икон, а церковь хоть и недалеко, но звона колокольного не слышно, потому что пространство вокруг храма застроено современными архитектурными сооружениями. Ярко светит солнце, пришёл праздник святого Вознесения, светлые слёзы застилают мой взор. За окном благоухает жасмин и щебечут птицы.

Слава тебе, Господи.



Тетяна ЛІХТЕЙ

## ВІД СИМВОЛІСТІВ ДО КОНКРЕТИСТІВ: словацька поезія в мистецькому осмисленні Дмитра Кременія

Шевченківський лауреат Дмитро Кременінь, народившись погожої серпневої днини 1953 року в поліетнічному Закарпатті, жодним чином не міг оминати у своїй багатогранній діяльності такий спокусливий, крихкий і філігранний різновид літературної творчості, яким по праву вважається поетичний переклад.

Завдяки Д. Кременію українською зазвучало чимало митців із країн близького зарубіжжя. Йдеться, передусім, про болгарського поета Тодора Копаранова, молдаван Іона Друце і Ніколає Попа, поляків Збігнева Герберта, Єжи Герасимовича, Тадеуша Ружевича, Леопольда Стаффа, Юліана Пшибося, Константи-Ільдефонса Гальчиньски, чеха Їржі Тауфера та ін. Крім того, мистецький талант Д. Кременія подарував українським читачам інтерпретацію калинового доробку таких знакових постатей у світовій літературі, як Анна Ахматова і Борис Пастернак, Андрій Вознесенський і Юрій Кублановський...

Яскравою подією в культурно-мистецькому житті України став вихід у світ книжки «Два береги / Два берега / Two Banks» (2008). У цій тримовній антології, що здобула добру славу в середовищі поетів – учасників руху Міжнародної асоціації письменницьких спілок «Слово без кордонів», знаходимо, крім іншого, й лірику російського поета В. Пучкова у винахідливій Кременієвій трансформації.

Зі словацькою поезією Д. Кременінь познайомився ще під час навчання в Ужгородському університеті (1970–1975). Тоді він захопився передусім ранньою творчістю Лаца Новомеського та медитативною лірикою Мирослава Валека. І хоча доля розпорядилася так, що Дмитро Дмитрович зараз проживає в далекому Миколаєві, йому часто сняться звивисті карпатські плаї, піднебесні ґруні-міражі, які заманюють до рідних бескидів. Тоді й прокидається гостре усвідомлення своєї причетності до регіону українського культурного пограниччя, що неминуче приводить до плідної участі у словацько-українському поетичному діалозі. В різний час такими віртуальними співрозмовниками Дмитра Кременія ставали відомі словацькі поети Янко Єсенський, Іван Краско, Іван Галл, Еміл Болеслав Лукач, Ян Костра, Мирослав Валек, Любомир Фелдек...

Так, **Янко Єсенський (1874–1945)** є яскравим представником словацької модерни. Уже в його ранніх творах простежується тенденція відверто та провокативно відтворювати любовні почуття. Однак критика вважала це спробою чутливого митця прикрити крихке й ніжне ество цинічною позою. У пізніших збірках Я. Єсенського домінує громадянська й соціальна лірика з високою мірою суспільної заангажованості. Саме на неї звернули увагу укладачі антології словацької поезії (К., 1964), відібравши далеко не найкращі зразки для перекладу українською.

Натомість Я. Єсенський є автором чудових ліричних медитацій, його улюблені композиційні прийоми часто вибудовані на несподіваних поворотах сюжету, на контрастах. Митець любить вживати оксиморон, вдається до пародії і травестії. Порівняймо хоча б переклади вірша «Не скажу» (Neroviem) в інтерпретації Віталія Конопельця та Дмитра Кременія:

*Кажеш, щоб не говорив я,  
та сміються мої очі.  
А все, мовлене очима,  
губи висміють охоче.  
Що в душі моїй тайться,  
око й губи не назначать.  
То оце воно кохання –  
почуття оте гаряче?  
Першою душі моєї  
ти почула справжню мову.  
Та мовчу. Коли я знав би,  
не повіриш мені знову.*

(переклад В. Конопельця)

*Говорила – все, що хочеш,  
в моїм зорі – суета.  
А що мовлять мої очі –  
заперечують уста.  
Що душа моя ховає –  
не зірветься з губ і віч.  
Це – любов імення має,  
і бездонне, гейби ніч.  
Ти найперша зрозуміла  
мою душу й серце теж.  
А душа б заговорила –  
знов ти віри їй не ймеш.*

(переклад Д. Кременія)

Як бачимо, і В. Конопелець, і Д. Кремень добре відтворюють жартівливий, конверзаційно необтяжений, але насичений ненав'язливими оксиморонами й парадоксами поетичний текст Я. Єсенського. Та все ж більш гармонійним, точнішим, ближчим до оригіналу є переклад Д. Кременя: *čo zas oči moje vrvavia, to mi ústa podvracajú* = а що мовлять мої очі – заперечують уста; *čo sa v tojej duši skýva, oko, perna nevurovie* = що душа моя ховає – не зірветься з губ і віч... і т. д. Практично один до одного – рідкісна удача.

Залишається сподіватися, що в недалекому майбутньому Д. Кремень подарує українському читачеві найкращі зразки з раннього доробку Я. Єсенського. Поет, який любив українську літературу, навіть жив деякий час в Ужгороді, Харкові та Києві (в Києві, зокрема, разом з Й.-Г. Тайовським видавав додаток до журналу «Чехослован»), на це заслуговує.

Іншого яскравого представника словацького модернізму – символіста **Івана Краска (1876–1958)** – довгий час називали декадентом, поетом примар і тіней, адже його тексти були наповнені смутком, біблійними образами й мотивами. Сучасні дослідники й перекладачі намагаються реабілітуватися перед митцем. Однак кількість не завжди переходить у якість. Глибоко занурившись у світ Самоти ліричного суб'єкта, Д. Кремень художньо переконливо передав атмосферу першої Краскової збірки «Nox et solitude» (1909):

*Дзвонять шосту. По вечірні.  
Майстер вирушив додому.  
Ждуть на нього рідні й вірні,  
Перечулені й сумирні,  
Заберуть щоденну втому.*

*Тільки я тут наодинці,  
Самота – моя спокуса.  
В стінах цих, у сиротинці,  
Де висить один на стінці  
Хрест-розп'яття, лик Ісуса...*

З такою ж проникливістю Д. Кремень переклав й інші знакові твори І. Краска («Тополі», «Сипле, сипле дощик, сіє...»), які на сьогодні мають по кілька варіантів перекладів, але далеко не всі вони відтворюють оригінальну інструментовку першотвору, його евфонічне наповнення.

Ще один модерніст **Іван Галл (1885–1955)** називав свої твори «малими імпровізаціями у хвилини меланхолії», сповіддю, з якою «не ходять на вулицю». Карнавали, маски, лицемірство, брехня... – часті мотиви та образи його віршів, філігранно відтворені поетичним пензлем Д. Кременя:

*В мою кімнату осінь крізь вікно  
Жбурнула мідяки сухого листя,  
Щоб оживить чуття, які давно  
Зі спогадами в світі розбрелися.*

*Та я байдужий до новітніх драм,  
І серце не купити на прогнози  
Отим чеканням і отим ім'ям,  
Де ув очах, фіналі драми, – сльози...*  
(уривок з вірша «Коли падає листя...»).

Загалом творчість представників словацької модерні, колись табуїзованих, по-новому відкривається і прочитується навіть у сучасному словацькому літературознавстві. А отже, Д. Кремень, як і належить перекладачу-місіонеру, пророчо випереджає час.

Особливе зацікавлення з боку Д. Кременя викликала творчість словацького неосимволіста **Е. Б. Лукача (1900–1979)**. Поет і перекладач, педагог і журналіст, культурний та релігійний діяч, він народився в родині вдови шахтаря й був позашлюбною дитиною, що ніколи не знала свого батька. Його найінтимнішою сповіддю по праву вважається збірка «Про любов нелюбу» («O láske neláskavej»), 1928). Стилистичний оксиморон, закодований у назві книжечки, прозраджує: тут високі ідеали розбиваються об зашкарублі брили реальності, а емоцію гостро конфліктує з рацією, і чим більше таких піруетів, тим притягальнішою є історія серця. Тепло і холод, порядок і хаос, матерія і душа... Їм важко зійтися під спільним знаменником.



Типовим для символістів у Лукача є мотив білого кольору, що передається через образи півночі, снігу, морозу, льоду, інею... Біла фарба, як відомо, є також символом цноти, чистоти, а в розумінні Е. Лукача – ще й символом студеного серця, ясного розуму, всепереможного прагматизму, сну і спокою... На контрастах вибудовано й поезію «Південь і північ»:

*На півдні серце б'є частіше,  
горить, гаряче, яскравіше.  
А північ – краща, та холодна,  
морозом, льодом вбити годна.*

*На півдні зір – темнавий, чорний,  
смак уст у стумі відзігорний.  
А погляд півночі – мрійливий,  
ану, відмов у чарах ти їй.*

*Про північ південь тужить вічно,  
жаждиво, спрагло, люто, звично.  
А та чекає з океану  
південну квітку подум'яну.*

Відчувається, що перекладач як автор неперевершених ліричних шедеврів є насправду вродженим інтуїтатором, тонким знавцем химерних станів людської душі.

Ще одним візаві Д. Кременія з когорти словацьких митців став **Ян Костра (1910–1975)** – суперечлива і трагічна постать у словацькій літературі. Поруч із високоестетичними, одуховленими творами в його доробку знаходимо й вірші з печаттю методу соцреалізму (йдеться про т. зв. період творчої кризи на зламі 40–50-х років). Попри все, краса і ніжність у ліриці Я. Костри домінують і підносяться над часом. Переважна більшість поезій оповита елегійною інтимністю, щемливою меланхолійністю. Та насолодитися уповні еротичним нектаром ліричному суб'єкту заважає усвідомлення швидкоплинності, проминуцості, правдива візія марності й приреченості буття.

Досі окремі вірші Я. Костри українською перекладали В. Лучук, Р. Лубківський, Ю. Шкробинець, Є. Дроб'язко, М. Ігнатенко, І. Мацинський та ін. Ці тексти розпорошені на сторінках вітчизняних газет, часописів, збірників, антологій. Нам видається, саме Д. Кременію чи не першому з-поміж українців вдалося так тонко відчутти незахищену, безборонну, мерехтливо-крихку ауру цього мрійника з пощербленою долею. Можна констатувати: миколаївський закарпатець став повноцінним співтворцем у парнасівському двобою з однією на двох перемогою. Простежмо:

*Лихий цей вечір – ти примружив зір,  
ти збайдужів до ярмарку планети.  
Все темне вдалині без тих сузір,  
які не світять у вікно. І де ти,*

*кохана таємнича? На устах  
скорбота, і холодні ці долоні,  
які до неї марно ти простяг,  
а протяг голосив на підвіконні.*

*Гудуть вітри над скелею чола.  
І де любов лелії, що була?  
Любов, сльоза, твоя зажура віща?*

*Постала з непорочних сновидінь –  
жіноча світла, непорочна тінь,  
матеріал із мармуру для вірша.*

Жвавий інтерес у середовищі української інтелігенції викликала свого часу лірика **Мирослава Валека (1927–1991)**. Не обійшов її увагою, як уже згадувалося, і Д. Кременію. Обдарованого студента

приваблювала незаангажованість митця, який у своїй творчості відійшов від стереотипів доби, схематизму, прагнучи якнайглибше проникнути в потаємні закутки людського ества. Як поет-інтиміст М. Валека намагався зазирнути в душу свого сучасника – людини нової епохи, нових світоглядних засад. Його ліричний герой – переважно міський інтелігент, інтелектуал, який переживає гіркі розчарування, страждає через підступність, прагматичність світу. Майже кожна поезія митця – маленька особиста драма. Зв'язок чоловіка і жінки в ліриці М. Валека – прихований конфлікт, від якого віє прохолодою, непорозумінням, непередбачуваністю. У більшості творів М. Валека реалізувалося його вміння переплітати індивідуальне, інтимне із загальнолюдським, з проблемами модерної цивілізації, яка часто є нещадним і цинічним руйнівником людської долі.

Окремі вірші М. Валека переклали свого часу Г. Булах, І. Драч, М. Дробняк, В. Конопелець, І. Кочур, Р. Лубківський, В. Лучук, С. Макара, П. Марусик, І. Мацинський, Д. Павличко, Я. Павличко, Я. Палуляк, В. Струтинський, В. Стус, В. Терен та ін. По-своєму осмислює доробок М. Валека Д. Кремень, прагнучи презентувати українському читачеві найкращі зразки з усіх збірок поета («Сірники», «Дотики», «Неспокій» та ін.), не оминаючи такі ліричні шедеври, як «Шахи», «Заборонена любов», «Сірники», «Сумний ранішній трамвай» та ін. Чимало віршів Д. Кременем узагалі перекладено українською вперше, деякі, навпаки, уже мають по кілька варіантів перекладів. Серед них, до прикладу, поезія «По буквочці», яку Д. Кремень, без перебільшення, відтворив віртуозно:

*Я б заплакав, та нема за чим.  
Я б згадав, але кого – не знаю.  
Мене спойть алкогольний дим, –  
Я по букві пісню цю складаю.*

*Все по букві, буквочці складу,  
Хоч таких і в азбуці не видно.  
Скільки зрад і фальші на виду,  
Скільки позникало всіх безслідно.*

*Все давно минуло, річ веду.  
Та згадаю – і любов, і вроду.  
Камінь, камінь, кинутий у воду...*

До улюблених авторів Д. Кременя належить і **Любомир Фелдек (нар. 1936)**. Це – знакова постать у дискурсі українсько-словацьких взаємин: митець спричинився до перекладу та популяризації творчості багатьох українських письменників у Словаччині. Завдяки Л. Фелдеку узріла світ антологія «Чистими руками» (1980), на сторінках якої словацькою презентовано поезію В. Симоненка, В. Коротича, Б. Олійника, І. Драча, І. Жиленко, Р. Лубківського та ін.

Як ідеолог трнавської групи конкретистів Л. Фелдек відстоював право на експеримент, вільне використання метафори тощо. В його доробку класичні римовані вірші мирно сусідять з верлібрами, часто зустрічаються тексти, побудовані на принципі гри зі словом (до прикладу, «Сонет про птаха чатака»).

Поезія Л. Фелдека – невпинного експериментатора – міцний горішок для перекладачів. І, зрозуміло, далеко не кожному під силу його розлушити. Відрадно, що Д. Кремень зумів розчинитися в терпкому тронку лірики словацького митця, порозумівся з креативним «Я» свого візаві і таки видобув для нас, нині суших і грядущих, оте безцінне янтарне ядро.

Українською окремі вірші Л. Фелдека перекладали також В. Симоненко, Д. Павличко, Р. Лубківський, П. Мурашко, М. Дробняк та ін. Поза сумнівом, що така постать, як Л. Фелдек, давно заслуговує, аби його доробок вийшов в Україні окремою книжкою.

Переклади ж Д. Кременя високо оцінено в критиці та літературознавстві. Їх докладний аналіз зробив С. Бобинець у низці студій, компаративістичних за своєю суттю. Порівнюючи знакові Фелдекові вірші «Сонет про птаха чатака» та «Шансон у честь неділі» в перекладах Д. Павличка, Л. Лубківського та Д. Кременя, найчастіше пальму першості С. Бобинець віддає саме останньому, справедливо вважаючи інтерпретацію Д. Кременя «дублікатом, гідним першотвору».

Простежмо, як блискуче відтворив Д. Кремень ідилію недільного ранку у вірші «Шансон у честь неділі»:



V nedeľu ráno chodí po strechach  
obloha v nových šatách belasých  
a kominári hrajú doma šach  
a spokojní sú s dobrým počasím  
a všetci vedia že je nedeľa  
a kto si oči rukou zacloní  
vidí že obloha je veselá  
a že má v ruke žltý balónik...

**Переклад Д. Кременія:**

*В неділю небо ходить по дахах  
і зранку все у золоті й блакиті  
погоді раді наші посполиті  
а сажотруси вдома ставлять шах  
недільне сяйво грає на вітрах  
свята неділя золоті оселі  
і радий бачиш небеса веселі  
а кулька Сонця в неба у руках...*

**Переклад Р. Лубківського:**

*В неділю вранці ходить по дахах  
мала хмарина в платті голубім  
а сажотруси вдома грають шах  
вдоволені погодою і всім  
а всім відомо це недільний день  
і хто рукою очі затуля  
той бачить хмарка весело іде  
рукою м'ячик жовтий котуля...*

Роман Лубківський уже самою назвою вірша «Недільна пісенька» звужує глибокий, космічний, божественний образ – чистого, мирного, сонячного, святкового недільного неба. А відтак і вся поезія створює якусь грайливу, ненав'язливу атмосферу. Натомість Д. Кременінь «культивує ядро поетичної структури вірша – образ неба / небес як першопричини «щасливого дня», витворюючи навколо нього питомими поєднання української лірики («у золоті й блакиті», «наші посполиті», «свята неділя», «золоті оселі» і т. п.) потужне смислове поле, що кінцевим римуванням *абба* слів з виразним функціональним значенням («дахах – шах», «блакиті – посполиті», «вітрах – руках», «оселі – веселі») замикає на собі увагу читацького світосприйняття. У висліді це дає підстави вважати Фелдеків «Шансон у честь неділі» органічним артефактом, приналежним до нашої культури.

«Здається, переклад для Д. Кременія – липнева річка, в яку так легко пірнати після сірого міського життя, – міркує М. Нейметі. – От ми переймаємося, є Бог чи ні. Що було до того, як не було нас? А Л. Фелдек устами Д. Кременія питає: «що було, коли ще не було Її?» І не знаю, чи знайдеться на світі більш інтимне питання. «Пісок додому йде...» – мало хто з поетів так просто сказав про бажання бути вільним від порожнечі. І спасибі авторові й перекладачу, які заповнили щоденну порожнечу життя собою і своїм диханням від вимовлених слів».

Мусимо констатувати, що словацька поезія в українському перекладі Д. Кременія ще не була предметом ґрунтовного і всебічного вивчення в українській славистиці. Окремі статті, відгуки, звичайно ж, не заповнюють цю лакуну. Тож комплексне, системне дослідження перекладацької спадщини Д. Кременія в контексті українсько-словацьких літературних взаємин давно на часі.

*Ліхтей Тетяна Василівна. Народилася в 1972 р. на Закарпатті. Закінчила Ужгородський національний університет. Поетеса, прозаїк, есеїст, літературознавець і перекладач. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри словацької літератури УжНУ. Засновниця популярної українсько-словацької серії «Між Карпатами і Татрами», в якій вийшло 28 книжок. Авторка збірок поезії «Оксамитова ніч», «Химерні ромени», «Зела», «Сарабанди дощу», «Розмаринові сни» та ін., повісті «Лялька», монографії «Слов'янська планида», упорядниці поетичних збірників «Ніжність», «Вежа», «Дванадцять». Лауреат літературної премії імені Федора Потоушняка. Член НСПУ (2005).*



Елена ПОНОМАРЁВА

## НИКОЛАЕВСКИЙ ИСХОД

Белая эмиграция во Франции

*Из Франции на адрес Николаевского областного краеведческого музея приходят посылки. Содержимое каждой из них – сокровище для музейных сотрудников. Живопись, графика, краски, кисточки Леонида Васильевича Инглези, художника, члена комиссий по созданию естественно-исторического и музея изящных искусств в Николаеве. Документы и фотографии его родных и близких, друзей и знакомых, за которыми встречи и расставания, несбывшиеся надежды и счастливые совпадения, переплетение судеб и жизненных коллизий. Всем этим щедро делится с николаевцами необыкновенная женщина – Анна Христофорова, внучка Леонида Васильевича Инглези, знающая и любящая Николаев по его картинам. Она – хранительница семейного архива и воспоминаний о людях с «николаевскими» фамилиями, которые волею судеб оказались на чужбине, пережили трагические повороты судьбы.*

### Софья Павловна Кранова

Вынимаем из коробки небольшие альбомчики для фотографий из серого картона. В одном из них – скромные изображения свадебной церемонии Дмитрия Васильевича Нестерова и Софьи Павловны Крановой в Париже в 1940 г. Рядом с женихом в строгом костюме и невестой в скромном светлом платье – родные и близкие знакомые, все эмигранты из Николаева. Пожилой мужчина небольшого роста с пышными усами – Павел Сергеевич Кранов (1871–1949), потомственный почётный гражданин, в Николаеве служил помощником бухгалтера городского общественного банка. Занимался общественной работой: был секретарём правления Николаевского округа Императорского российского общества спасания на водах, помощником заведующего школой плавания, председателем ревизионной комиссии попечительного общества

о Доме Трудолюбия. Являлся учредителем кассы взаимопомощи на случай болезни и смерти, уполномоченным членом-учредителем Николаевского отдела Лиги обновления флота. Павел Сергеевич и его жена Юлия Петровна, урождённая Денисова (1877–1959), имели двух дочерей – Софью и Людмилу.

Родилась Софья 11 марта, а крестил её 30 марта 1897 г. в Адмиралтейском соборе настоятель протоиерей Михаил Романский. В 1906–1913 гг. девочка училась в Мариинской женской гимназии, где изучала дополнительные предметы: педагогику, рисование, французский и немецкий языки, а затем окончила и VIII дополнительный класс, благодаря чему приобрела звание домашней учительницы. Помимо этого, Софья окончила школу плавания общества спасания на водах, получила звание кандидата плавания с правом



ношения знака школы (красный крест и перекрещенные адмиралтейские якоря). В перечне изучаемых предметов – плавание на груди, спине, в одежде, с камнем весом 1 кг, ныряние в длину и глубину, прыжки с высоты 2 м, подача первой помощи утопающим, приведение в чувство мнимоумерших и умение обращаться со всеми спасательными приборами. В статье, посвящённой Софье Крановой, некто, скрывающийся под псевдонимом «Корниловец», вспоминает: «Именно с гимназических лет начинаются мои воспоминания о ней. Умная, красивая, энергичная, она всегда собирала вокруг себя много учащейся молодёжи. Окончив гимназию, она поступила на Высшие женские курсы в Ростове-на-Дону».

Создаётся впечатление, что такая девушка, как Софья, не могла удовлетвориться работой домашней учительницы (читай – гувернантки). В начале XX в. она уже могла осуществить свои мечты о высшем образовании. В связи с Первой мировой войной 21 сентября 1915 г. Варшавский императорский университет и вместе с ним Высшие женские курсы были переведены в Ростов-на-Дону. Набор проводили одновременно. По воспоминаниям А. А. Христофоровой, Софья училась на юридическом факультете. Директором Донских высших женских курсов был назначен профессор – юрист Ф. Ф. Зигель, а деканом юридического факультета – историк церкви, богослов, священник, доктор церковного права П. В. Верховский. Учиться у таких преподавателей, да ещё и по университетской программе, было пределом мечтаний. Обучение началось с 1 сентября 1916 г. Успешно окончен первый курс... Софья воспитывалась в семье, глава которой после Манифеста 17 октября 1905 г. вступил в партию правого порядка. Конституционная монархия, государственность, порядок были не пустыми звуками для всех членов семьи Крановых. В первые же дни боёв под Ростовом, как вспоминает «Корниловец», Софья «самоотверженно и не покладая рук стала работать на продовольственном военном пункте, а когда уходили из-под Ростова добровольцы, она вступила в их ряды».

Это было начало Первого Кубанского (Ледяного) похода. Генерал Л. Г. Корнилов принял решение оставить город в ночь с 9 на 10 февраля (даты даны по старому стилю) 1918 г. Собирались на станции Аксайская, в районе которой намеревались перейти Дон и уйти на восток, в степи. Все понимали, что отправляются в неизвестность. Пеший поход в степи, в условиях зимних холодов, при весьма вероятном преследова-

нии многократно превосходящего противника мог перенести не всякий. Корнилов не забыл, что не менее пятой части Добровольческой армии составляла учащаяся молодёжь. Он освободил её от службы. Генерал Боровский перед строем вверенного ему студенческого батальона озвучил приказ Корнилова и по-отечески добавил: «Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного слова. Вы уже свой долг выполнили, охраняя ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но раньше, чем окончательно решить, вспомните ещё раз о ваших семьях...» Уйти решили единицы, но большинство из них уже вечером вернулись в батальон.

Ночью 9 февраля 1918 г. части, а следом за ними обоз начали выдвигаться из Лазаретного городка на Аксайскую. Удивительно, но настроение было приподнятое. Люди вдохновлялись осознанием того, что нашли в себе силы пойти до конца, и сделать это оказалось вдруг так просто. Софья вспомнила, что когда поздними вечерами возвращалась с продовольственного пункта, уставшая и голодная, с удивлением наблюдала на улицах и бульварах Ростова щеголявших в золотых погонах и парадных мундирах праздных франтов с дамами. Как только дошли слухи о приближающихся частях Красной армии, они поспешили покинуть город. После многократных призывов Л. Г. Корнилова в Добровольческую армию записались два-три десятка офицеров. А для неё, хрупкой молоденькой девушки, выбор казался очевидным. И перед величием этого выбора всё остальное, все опасности и неизбежные лишения, даже и то, что с ней станется, меркло, растворяясь в заснеженной степи, становясь малозначимым...

11 февраля 1918 г. Корнилов отдал приказ о реорганизации армии, на следующий день произвели смотр на площади станицы Ольгинская. Софья Кранова была приписана к команде телефонистов портупей-юнкера Александрина, входившей в состав 1-й офицерской батареи подполковника Д. Т. Миончинского. Позже в её билет №41 члена Российского Обще-Войскового Союза (РОВС) внесли запись, что служила она телефонисткой, сестрой милосердия и младшим фейерверкером, по-видимому, в силу необходимости в трудных условиях похода. Многодневные переходы, тяжёлые кровопролитные бои... В том числе и тот, который впоследствии дал второе название походу – Ледяной. 15 марта 1918 г. в 9:00 Добровольческая армия вышла из аула Шенджий. Вот как об этом вспоминает А. И. Деникин:

«Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи – по дорогам и без дорог, заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землёй. Холодная вода пропитывала насквозь всё платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водой сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами... Между тем погода вновь переменялась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой; казалось, всё промёрзло до самых костей, покособившаяся, будто деревянная, одежда сковала тело...»

Полы шинелей с каждым шагом звенели, ударяясь о голенища сапог. Колёса орудий покрылись со всех сторон наледьё, снегом, смёрзшейся грязью. Шедшие рядом кирками сбивали с ободьев куски льда. Подошли к переправе. Замёрзшие добровольцы прямо у берега развели огромный костёр. Сгрудились вокруг толпой, а батарейные лошади тяжело дышали им в спины, стараясь подойти ближе к теплу. Подъехавший Л. Г. Корнилов приказал немедленно начать переправу. С. Л. Марков обернулся и выкрикнул зло и громко: «Как будто немного сыровато!» – и первым ступил в воду. Подполковник М. О. Неженцев, командир Корниловского ударного полка, тоже кричал что-то ободряющее, весело шутил, предлагая «погреться в воде». Он был своим, николаевцем, так же, как и у Софьи в городе её детства, остались родные, об их судьбе уже много месяцев ничего не знали. Близость

этого сильного человека словно придала новые силы. Добровольцы с поднятыми над головами винтовками вошли за ним в реку и вступили в бой за станицу Ново-Дмитровскую. На улице только что взятой станицы генерал Марков встретил юную сестру милосердия Шурочку. «Это был настоящий ледяной поход», – сказала она. «Да-да, вы правы!» – согласился с ней Марков. А впереди был неудачный бой за Екатеринодар, гибель Л. Г. Корнилова и М. О. Неженцева. Взвешему на себя командование частями армии А. И. Деникину удалось вывести её из-под фланговых ударов многократно превосходящих сил противника за Дон. В станице Дядьковская была расформирована артиллерийская рота. Софья Кранова среди других тяжелораненых с доктором, сёстрами милосердия и заложниками-большевиками была оставлена в станице на милость победителей и чудом спаслась!

За участие в Первом Кубанском (Ледяном) походе С. П. Кранова была награждена орденом Св. Георгия 4 ст. и знаком отличия Первого Кубанского похода – терновый венец из серебра, пересечённый мечом рукоятью вниз. «Корниловец» свидетельствует, что она «всю гражданскую войну со всею тяжестью походов, наравне с солдатами, провела на фронте».

Вспомним Марину Цветаеву. 30 марта 1918 г. она датирует свои строки цикла «Белый стан»:

*Кто уцелел – умрёт, кто мёртв – воспрянет.  
И вот потомки, вспомнив старину:  
Где были вы? – Вопрос как громом грянет,  
Ответ как громом грянет: – На Дону!  
– Что делали? – Да принимали муки,  
Потом устали и легли на сон.  
И в словаре задумчивые внуки  
За словом долг напишут слово: Дон.*

## Пётр Васильевич Белин

13 января 1919 г. в церкви Св. Пантелеймона в Эссентуках Софья Павловна Кранова обвенчалась с Петром Васильевичем Белиным. В 1916 г. он окончил Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. После октябрьских событий 1917 г. оказался на Дону, прапорщиком в сводной Михайловско-Константиновской батарее, а затем и в дивизионе (3-й смешанной батарее под командованием подполковника Л. М. Ерогина). П. В. Белин был свидетелем и участником самого начала формирования артиллерии вооружённых сил Алексеевской военной организации, которая ещё во время боёв за Ростов-на-Дону её не имела. Один из характерных эпизодов. В начале декабря 1917 г. в селе Лежанка

Ставропольской губернии стали части 39-й пехотной дивизии с артиллерией. В семи километрах в зимовнике дневал транспорт с оружием добровольческих соединений, который сопровождали офицеры и юнкера. Разведка донесла, что артиллерия регулярной армии стоит на окраине Лежанки и караульная служба проявляет полную беспечность. Как только стемнело, отряд добровольцев вошёл в Лежанку и разоружил караул. Захваченная спящей оружейная прислуга сопротивления не оказала. Командир батареи капитан Владимиров мог только пошутить, что его разоружает младший однокашник – юнкер Михайловского училища. Ездовые под дулами револьверов выводили и запрягали лошадей, до



рассвета из Лежанки были выведены 2 орудия в полной запряжке, с ездовыми и 4 зарядными ящиками, добровольцы прихватили с собой и денежный ящик батареи.

А в начале января 1918 г. создали уже специальную команду для захвата орудий под командованием капитана Беньковского. Захватывали в боях и отбирали хитростью. Однажды прапорщик Паль подпоил часового казака и увёл 2 орудия. 9 февраля 1918 г. П. В. Белин в составе 3-й отдельной батареи начал Первый Кубанский поход. От переезда через ветку Ростов – Новочеркасск голова колонны резко повернула и дальше пошла по железнодорожному полотну. На мостках копыта коренных проваливались в щели. Пришлось укладывать перед каждым орудием доски. Батареи добрались до Аксайской лишь к 6 часам утра и смогли отдохнуть всего часа два, пока ждали своей очереди переправляться через Дон. Сначала перевели лошадей с упряжью. Орудия разбирали и перетаскивали по частям. Одно орудие не смогли разобрать, и было решено переправлять его целиком на руках. На берегу нашли чугунную трубу, завели её поперёк лафета и, взявшись за концы, потянули орудие к переправе. На середине реки лёд треснул, орудие остановилось и одним колесом начало погружаться под лёд. Подполковник Д. Т. Миончинский подал команду «Бегом!» – и это спасло положение.

Пётр Васильевич прошёл все трудности Первого Кубанского похода до конца. После пе-

реформирования частей в Вооружённые силы юга России (ВСЮР) 8 января 1919 г. воевал во 2-й артиллерийской бригаде, 6-й батарее Корниловской артиллерийской бригады, считавшейся наиболее боеспособной частью Белой армии, которая обычно действовала на направлении главного удара. В Галлиполи, куда попали Пётр Васильевич и Софья Павловна Белины на транспорте «Дон», Корниловская артиллерийская бригада была сведена в дивизион. 1, 5, 6, 7 батареи награждены серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца. Как все «корниловцы», они были «галлипольскими сидельцами», затем оказались в эмиграции в Болгарском царстве. 15 мая 1928 г. постановлением Епархиального Совета при Управляющем Русскими Православными общинами в Болгарии брак Белиных был расторгнут, и в дальнейшем их пути совершенно расходятся. Павел Васильевич находился в эмиграции в Болгарии, Франции, Испании. С 1934 г. – член правления Общества Галлиполийцев в Париже, созданного 22 ноября 1921 г. чинами 1-го Армейского корпуса армии под командованием генерала П. Н. Врангеля. Участник войны в Испании. В 1939 г. – сержант испанской армии (на стороне Франко). Во время Второй мировой войны лейтенант итальянской армии. Воевал на Восточном фронте. После 1945 г. – глава группы Российского Общевоинского Союза (РОВС) и представитель журнала «Часовой» в Испании. Умер 31.07.1977 г. в Мадриде (Испания). Известно, что был женат вторым браком на испанке по имени Амаро.

## Дмитрий Владимирович Нестеров

17 ноября 1940 г. в походной церкви галлиполийцев во имя Преподобного Сергия Радонежского в Париже на ул. Фазендери состоялось венчание. Церковь совсем недавно переехала из тесного, плохо приспособленного помещения по ул. Мадмуазель, которое общество Галлиполийцев в 1925 г. сняло для своих нужд. Для церковного помещения выделили часть, отделив перегородкой лишь алтарь. Перегородка до потолка не доходила, и церковь, служившая одновременно и помещением, где собирались галлиполийцы со своими семьями потанцевать, поиграть в карты, посидеть в буфете, представляла собой жалкое зрелище. Благовоние фимиама и запах табачного дыма... Ситуация изменилась, когда настоятелем церкви стал протоиерей Виктор Андреевич Юрьев. Из офицерской семьи, выпускник Михайловского артиллерийского училища, полковник, участник Первой мировой и гражданской войн. Командовал бронепоездом «Иоанн Калита» на юге России. В Париже окончил Святосер-

гиевский богословский институт. По инициативе и при активном участии протоиерея Юрьева в 1932 г. общество Галлиполийцев переехало в большой особняк в саду, в котором разместилась церковь, были выделены помещения столовой, залы собраний, комнаты для офицеров частей 1-го Армейского корпуса. Именно здесь в 1940 г. отец Виктор освятил брак потомственного почётного гражданина Дмитрия Владимировича Нестерова, православного, первым браком, 38 лет, и Софьи Павловны Белиной (урождённой Крановой), православной, вторым браком, 43 года. Оба родом из Николаева, их родители не просто знали друг друга, а были связаны общим делом – участием в деятельности партии правого порядка. Владимир Агапиевич Нестеров (1865–1906) после окончания Санкт-Петербургской духовной академии (1895) был назначен законоучителем и настоятелем церкви Св. Благоверного князя Александра Невского Николаевского Александровского реального училища. Преподавал За-

кон Божий в Мариинской женской гимназии, в воскресной школе при николаевских очистительных складах. Иерей Владимир Нестеров занимался общественной деятельностью: работал в комитете попечительства о народной трезвости, обществах народного чтения, вспомоществования недостаточным лицам, стремящимся к образованию, николаевском отделении Херсонского Епархиального училищного совета. Умер, заразившись тифом. На его могиле прочувственное слово произнёс председатель партии правого порядка П. С. Кранов и возложил венок с надписью «Богатырю мысли и дела».

На попечении вдовы Нестерова, Марии Фёдоровны, остались четверо детей. Несмотря на достаточно стесненные материальные обстоятельства, все смогли получить образование. Старший Евгений окончил Александровскую мужскую гимназию и Новороссийский университет в Одессе; две дочери, Александра и Елена, – Вторую женскую гимназию. Младший сын Дмитрий 29 марта 1919 г. – полный курс основного отделения реального училища, а затем поступил в Сергиевское артиллерийское училище в Одессе. Это был последний набор на родине. В 1918 г. училище было закрыто большевиками, а 15 октября 1919 г. по приказу Главнокомандующего Добровольческой армии генерала А. И. Деникина восстановлено. Штат укомплектовали юнкерами, кадетами, вольноопределяющимися, добровольцами, находящимися в частях действующей армии, а в феврале 1920 г. весь личный состав училища отправили на фронт. Воевали на юге в составе 13-й и 34-й пехотных дивизий 3-го Армейского корпуса под командованием генерал-майора Я. А. Слащева. В составе 2-х батальонов училище прикрывало эвакуацию частей Добровольческой армии из Крыма в Турцию.

1 ноября 1920 г. в Севастополе суда вышли на внешний рейд. Днём заставы и караулы стали собираться у Графской пристани. Около 14:00 туда прибыл генерал Врангель, обошёл караул и стянувшиеся заставы юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, поблагодарил их за службу. Затем снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер «Генерал Корнилов». За ним около 15:00 погрузились на «Херсонес» юнкера, а в 16:45 английский миноносец по радио передал, что в город вошли большевики. Ночь пароходы простояли на внешнем рейде, а с утра в благоговейной тишине отходили перегруженные в море, в неизвестность... «Прощай, Россия! Наша родная мать, научившая нас любить тебя больше, чем свою жизнь, любить свою православную веру, свой народ и готовиться быть тво-

**СОБОРНА ВУЛИЦА 1-2 • 2018**

ими полезными деятелями. Мы уходим, бросая тебя, так горячо любимую. Мы не верим, что ты изгнала нас, твоих вернейших сынов, всё тебе отдавших». Даже пролетарский поэт В. В. Маяковский в своём панегирике советской власти, поэме «Хорошо», с оттенком сочувствия писал об этой трагедии русского офицерства:

*...От родины  
в лапы турецкой полиции,  
К туркам в дыру,  
в Дарданеллы узкие,  
Плыли  
завтрашние галлиполийцы,  
Плыли  
вчерашние русские.*

Пароходы с русскими изгнанниками стали приходить на константинопольский рейд, скапливаясь в огромную голодную армаду с выкинутыми флагами «хлеба» и «воды». Первые дни подходили к пароходам какие-то случайные катера больше из любопытства, чем с реальной помощью. Американцы позже начали подвозить молоко и шоколад детям, французы – консервы, а наши земцы – долгожданный хлеб в мешках, но проблемы эти подачки не решали. На пароходах царили давка, грязь, голод. Международная полиция строго следила лишь за тем, чтобы прибывшие беженцы не сходили на берег. Комитет политических русских граждан в Константинополе обратился к союзникам: «Разве это только толпа, обезумевшая от горя и страданий? Нет, это люди, отдавшие всё в защиту принципов, одинаково дорогих и для вас, и для нас, и для всего человечества...»

Наконец началась высадка на берег. Гражданские и военные, решившие армию оставить, стали размещаться в самом Константинополе. Командование ВСЮР не считало борьбу законченной и стремилось сохранить армию как боевую организацию. Ещё в пути она была сведена в 1-й Армейский (генерала А. П. Кутепова), Донской и Кубанский корпуса. В Константинополе остался штаб главнокомандующего, ординарцы, конвой. 1-й корпус, в который сводились все регулярные части (9 363 офицера, 14 698 солдат), направлялся на полуостров Галлиполи. Выгрузились под вечер и расположились в развалинах какого-то здания. Было холодно и мокро, дул пронзительный ветер, и чтобы согреться, развели маленький костерок на щебне и камнях. Легкое забытьё трудно было назвать сном, а утром предстояло начать обустройство на новом месте. Холмистая местность на фоне невысоких гор, местами голая, местами поросшая жухлой травой, – это место лагеря. Здесь с незапамятных времён



турки располагали лагеря для военнопленных. В 1915 г. во время Дарданелльской операции на полуостров высадился англо-французский десант. При поддержке корабельной артиллерии маленький городок Галлиполи был полуразрушен. Он смог вместить в себя штаб, лазареты, части обеспечения. Основная масса корпуса располагалась в 7 километрах от города по берегам речушки в Долине Роз. Русские окрестили её по-своему – Голое поле. У Марины Цветаевой есть строки:

*Галлиполи: чан дополну –  
Скорбей. Бела – была.  
Галлиполи: голо-поле:  
Душа – голым-гола.*

Военные разместились в старых, полуразрушенных деревянных бараках и палатках, в которых жили в большой скученности без всяких средств к существованию (всё имущество было обменено ещё в Константинополе). Для сохранения дисциплины Кутепову пришлось пойти на непопулярные и порой жёсткие «солдафонские» меры. Военный лагерь было приказано организовать по уставным правилам – наладить несение службы суточным нарядам, выставить караулы, возобновились регулярные занятия строевой и боевой подготовкой, проведение военно-штабных игр, восстанавливались офицерские суды чести. Свободное время Кутепов требовал занять работой по благоустройству лагеря – сделать навесы для часовых, соорудить въезд в лагерь, из подручных материалов, кустарника и тростника плести койки, собирать морскую траву на циновки и матрацы. Сооружалась церковь с иконостасом из одеял, лампадами из консервных банок и звонницей из снарядных гильз. В частях начали выпускать рукописные журналы и газеты. Летом проходили футбольные состязания, наиболее сильными командами считались корниловцы и дроздовцы. Был устроен театр на открытом воздухе, где раз в неделю проходили концерты с самой разнообразной программой. Неизменным успехом пользовались выступления хоров и эстрадная группа братьев Зайцевых с их остроумными частушками, в которых освещалась повседневная жизнь галлиполийцев.

Не забывали иногда любовно упомянуть Кутеп-пашу. Не раз на этой импровизированной сцене выступал и Владимир Нестеров, обладающий великолепным, от природы поставленным голосом. В его репертуаре были романсы и оперные арии. Функционировали кружки по восстановлению и пополнению знаний в области математики и физики, по изучению иностранных языков. Несмотря на достаточно скудное в материальном

отношении существование, эта жизнь была намного достойнее тех военных, которые остались вне армии. Они работали продавцами газет, посудомойками, грузчиками, чернорабочими, подвергаясь бесконечным унижениям. Разве турку на вокзале не лестно было, что его чемодан несёт бывший русский офицер в чинах? Женщины, вынужденные выйти на панель, зачастую становились «княжнами».

К 1921 г. международное положение складывалось далеко не в пользу белогвардейцев. Англичане и французы подозрительно относились к наличию непонятого военного контингента в районе Дарданелл, опасаясь за свои сферы влияния на Ближнем Востоке. Военные силы без государства, не подчиняющиеся никакому правительству, только главнокомандующему, шесть лет не выходящие из боёв, отчаявшиеся и ожесточённые. Бывшие союзники уменьшали продовольственные пайки, постоянно угрожали полным разоружением, запрещали Врангелю издавать приказы и просто перестали выпускать его из Константинополя. С мая по декабрь 1921 г. происходил новый этап эмиграции армии – отправка войск в Балканские страны. Корниловцы выехали из Галлиполи на пассажирском транспорте «Ак-Дениз». 29 ноября подошли к Константинополю. Прошли Босфор. Оркестр, находящийся на палубе транспорта, встречным военным кораблям Америки, Англии, Франции, Греции играл их национальные гимны, в ответ звучал салют. В 10:00 подошли к Варне и стали на якорь, подняв флаг «карантин». Встреча с болгарскими военными представителями оказалась подобной ушату холодной воды. Официально сообщили, что оружие необходимо сдать, оставив только офицерам шашки. Однако все пулемёты и винтовки ещё заранее были тщательно упакованы в одеяла, ящики и приготовлены к выгрузке с багажом. 5:12 – пароход причалил к таможенному молу, все прошли через баню с дезинфекцией и эшелонами по железной дороге доставлены на станцию Тулово, откуда 4 километра по морозу с ветром шли до лагеря. Разместились в плохо отапливаемых казармах с нарами, поставленными в два ряда. Вместо бани и прачечной использовали горячие серные источники, находящиеся в полуверсте от казарм.

Постепенно налаживалась гарнизонная жизнь: устроили офицерское собрание, театр и библиотеку, для солдат бесплатную чайную; работали курсы ротных командиров. Появилась традиция отмечать старые и новые полковые праздники: 22.02.1922 г. отметили день начала Первого Кубанского похода, всегда празднова-

ли День Святой Пасхи. 21 апреля 1922 г. после молебна на заработанные деньги устроили спектакль в полковом театре, выступала Надежда Васильевна Скоблина (Плевицкая). Денежные средства старались заработать собственным трудом. Устраивались на работу по строительству дорог, сельскохозяйственных служебных помещений, на шахтах. Начиная с 1923 г. Дмитрий Васильевич Нестеров работал шахтёром горнопромышленной компании «Плакалница» (с. Елисейна), которая занималась добычей медных и свинцово-цинковых руд. Но как только представилась возможность, Д. В. Нестеров продолжил обучение. Свои жизненные планы он не связывал с карьерой военного (пребывание в Галлиполи и на Балканах развеяли эти иллюзии), а хотел получить техническое образование. Ещё в 1844 г. в Англии был организован Христианский Союз молодых людей, основной целью которого было достижение улучшения религиозно-нравственного и интеллектуального развития молодых людей, а в послевоенной Европе превратился в «агентство по устройству всеобщего благосостояния».

В 1921 г. союз основал курсы заочного преподавания, основной целью которых являлась научная подготовка по разнообразным прикладным знаниям: механике и электронике, строительному делу, агрономии, коммерции и т.д. Подобные курсы были открыты и в Болгарии. 28 апреля 1924 г. Д. В. Нестеров окончил практические и технические курсы электромеханического отделения. После окончания обучения на курсах он вновь вернулся на работу шахтёром. Не так просто было эмигранту найти более квалифицированную работу. После присоединения Болгарии к Лиге наций эмигранты получили нансеновские паспорта и возможность выезда в другие европейские страны. Во Франции Нестеров сначала жил в Лионе, затем переехал в Париж, где одно время работал флейтистом в цирковом оркестре. Учился на бухгалтерских курсах, что позволило ему работать в фирмах в основном по производству и реализации бытовой электротехники. Анна вспоминает свои детские впечатления о чуде – стиральной машине, инструкция к применению которой советовала предварительно намыливать наиболее загрязнённые места. Анна Александровна запомнила частые выступления Дмитрия Васильевича в концертных оперных спектаклях, на частных вечерах и собраниях. Особенно удавались ему роли в операх П. И. Чайковского «Пиковая дама» (Герман) и А. Г. Рубинштейна «Демон» (Синодал).

Софья Павловна в Болгарии находилась в г. Свиштов (современный Свищев). Была членом

РОВС со времени её организации в 1924 г., который превратил армию в эмигрантскую организацию. Она состояла членом Союза участников Первого Кубанского похода, Общества Галлиполицев, Союза Георгиевских кавалеров и Георгиевского оружия, Корниловского артиллерийского дивизиона. Во Францию уехала в 1930 г. В Париже долгие годы работала экономкой во французской семье, её хозяйка была русского происхождения – А. П. Дюмениль де Грамон. 17 ноября 1940 г. настоятель походной церкви Галлиполицев Виктор Андреевич Юрьев венчал Д. В. Нестерова и С. П. Кранову. Поручителями по жениху были потомственный почётный гражданин А. К. Христофоров и потомственный дворянин П. П. Турчанинов (1898–1974), поручик Корниловского артиллерийского дивизиона, член РОВС, юнкер в Добровольческой армии в 1-м отдельном лёгком артиллерийском дивизионе, прапорщик и подпоручик 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады до эвакуации из Крыма, галлиполиец. С 1925 г. в эмиграции во Франции, где его женой стала Людмила Павловна Кранова, младшая сестра Софьи.

Тяжёлые испытания, оставшиеся в прошлой жизни, ещё были памятны Нестеровым. Они ценили всё – мирную и благополучную жизнь во Франции, доверительные семейные отношения, возможность общения с такими же, как они, эмигрантами, многие из которых были не просто из России, но и конкретно из родного Николаева. После выхода на пенсию Д. В. Нестеров полностью отдался любимому делу – музыке. Концертировал, правда, всё реже. Долгие годы служил регентом хора церкви Знамения Божьей Матери в Париже. Приход церкви был основан в 1928 г. стараниями князя М. К. Горчакова. Чудный иконостас, великолепные иконы исполнены знаменитым художником Д. С. Стеллецким. Прихожане и служители церкви были офицерами бывшей императорской армии. Здесь отпевали и Софью Павловну в 1971 г., и Дмитрия Владимировича Нестерова в 1983 г.

В наши дни в приходе служит протоиерей Владимир Владимирович Ягелло. В своих интервью он часто рассказывает о том, что прихожанами церкви были первопоходники, Великий князь Гавриил Константинович, князь Феликс Юсупов, с самого основания здесь собирались кадеты Версальского корпуса-лицея им. Императора Николая II. Сам отец Владимир из семьи бывшего «белого» офицера – корнета Ахтырского полка Владимира Павловича Ягелло, который был шафером на свадьбе Александра Ксенофоновича Христофорова и Ларисы Леонидовны Инглези.



## Инглези

15 июля 1902 г. в двадцатилетнем возрасте Леонид Васильевич Инглези обвенчался в Касперовском молитвенном доме г. Николаева с Марией Григорьевной Яковенко «по сильно-безумной любви», по выражению их внучки Анны Христофоровой. В Николаеве родились дети: Леонид (1903), Христофор (1906) и Лариса (1913). В 1918 г. их благополучная и мирная жизнь, полная взаимной любви и общих интересов, была разрушена. Семью выселили из собственного дома по Московской, 3. Сначала получили издевательский ордер на проживание в доме на Слободке, которого просто не существовало. Пришлось разместиться в сарае во дворе бывшего собственного дома. Вся мебель и вещи достались вселившимся в их квартиру совершенно чужим людям. Особенно тосковала маленькая Лариса по прекрасному музыкальному инструменту – фортепиано из орехового дерева. Мама и отец часто музицировали, дуэтом пели романсы. И это было не самое страшное: перебои с продовольствием, отсутствие работы, стрельба и грабежи на улицах, частая смена властей... Мать Леонида Васильевича, Елена Георгиевна, с семьёй дочери Евгении на греческом пароходе уехали в Афины. Оставшиеся в городе пытались «рассредоточиться».

Старшие мальчики перебрались на Слободку к тётке Серафиме, Леонид Васильевич – в Большую Корениху, где накануне октябрьских событий купил хутор. Но вскоре услышал разговоры местных крестьян: «вот приехал барин скрываться» – и понял, что при удобном случае его «сдадут», и вернулся в город, переодевшись в простую одежду, таща на плечах единственный свой капитал – мешок картошки, по тем временам целое богатство. В поле встретил красноармейца на лошади. Боясь, что его вид не очень достоверен, Леонид Васильевич решил ещё и разыграть сценку – опустил мешок на землю, широко расставил ноги и с явным подобострастием посмотрел на конного снизу вверх. Волнение было напрасным – в Николаеве его долго не узнавала собственная жена, не желала впускать в дом незнакомца. С приходом в Николаев добровольцев в городе как будто началась обычная городская жизнь: открылись магазины, оживился базар... Но в своём дневнике Мария Григорьевна записывает: «Белые вошли – молебен на главной площади, но чувство у меня, что я не на молебне, а на панихиде. Я не верю в прочность белых». Действительно, последовал совершенно неоправданный по своей жестокости расстрел

заложников (утром Инглези у своей калитки нашли окровавленную куртку одного из избежавших расстрела), отступление частей Добровольческой армии, бегство мирного населения.

Единственным надёжным казался путь морем. У причала судостроительного завода стоял пароход «Баку», совершавший в своё время рейсы во Владивосток. Теперь механизмы на нём не работали, поэтому ждали транспорт, который смог бы отбуксировать судно. А пока каюты и палубы парохода заполнили толпы испуганных людей. Вспоминает Христофор Инглези: «Мы наняли повозку и все вместе, с тёткой и её мужем, отправились на «Баку». Все устроились на палубе, на так называемом спардеке. Мы прожили на этом «Баку» более двух недель, ожидая, что нас перевезут в Одессу. Уже началась зима, конец декабря, но на спардеке было тепло. Паника сначала спала, а потом было официально объявлено, что эвакуация приостанавливается. Мы отправились домой. «Баку» стоял возле Днепро-Бугского лимана, когда Красная армия подходила к Николаеву. Река покрылась льдом, и мы узнали, что недалеко от лимана «Баку» застрял во льду, что собираются его разгрузить, но, по счастью, буксир под французским флагом выручил корабль, благополучно доставив его в Одессу, это спасло многих». Была ещё одна совершенно авантюрная попытка уехать за границу на парусном судне «Дубок». Владельцы парусного средства обещали доставить людей в румынский порт Сулин, взяв с них предварительно небольшие денежные суммы. К вечеру добрались до Тендровской косы. Начавшийся шторм заставил спрятаться в глубине залива... В общем, видя, что дело плохо, решили повернуть обратно... затем благополучно прибыли в Николаев ни с чем и больше таких попыток не делали».

Надо было налаживать жизнь в городе, что удавалось очень плохо. Недолго (1920–1922 гг.) Леонид Васильевич проработал руководителем государственной свободной художественной мастерской техникума изобразительного искусства. Перебивался изготовлением портретов вождей: Ленина, Троцкого, Зиновьева. Леонид устроился грузчиком в порту. Таскал мешки с пшеницей на иностранные пароходы, увозившие зерно из умирающей от голода страны. Иногда удавалось с риском потери работы, а то и свободы, делать небольшое отверстие в мешке и отсыпать зерно в карманы. Каждый вечер младшие дети с нетерпением ждали Леонида, чтобы смолоть муку и испечь лепёшки. Помогала Аме-

риканская административная помощь (АРА), которая организовывала кормёжку в школах, больницах, выдавала посылки, в них были вложены по 2 кг сахара и муки, трёхлитровая банка кокосового масла, чай и 12 банок сгущённого молока. Но получить такую посылку было трудно, это была большая удача и редкость. Мария Григорьевна ходила на толкучку, продавала оставшиеся ценные вещи. Надо было думать о будущем, и его всё чаще стали связывать с возможностью эмиграции. Греческий паспорт Инглези получил, пользуясь хорошим отношением к себе греческого консула, а вот разрешение на выезд пришлось ждать целых шесть лет. Переехали в Одессу, где Леониду Васильевичу удалось устроиться преподавателем изобразительного искусства в 7-летней трудовой школе № 1 Черноморского областного отдела просвещения.

Первым на отъезд за границу решился старший сын Леонид. В 1924 г. он уехал к родственникам в Афины, а затем перебрался в Париж, где работал натурщиком во Французской Академии художеств, а также инструктором в скаутской организации «Молодая Россия». Часто выезжал на Лазурный берег с группой детей для занятий гимнастикой. Благодаря своей атлетически сложенной фигуре блистал на ежегодных парижских балах «четырёх искусств». Успел жениться на русской девушке Галине. 9 апреля 1928 г. от неудачно проведённой операции по удалению аппендицита Леонид скоропостижно скончался в госпитале Вильжюир. Для родителей, брата и сестры, находившихся ещё в Одессе, известие об этом было настоящим ударом. Вскоре после приезда семьи Инглези в Париж их навестила скульптор Элен Рейтер и подарила родителям фотографию с изображением одной из последних своих работ, для которой позировал их сын, – изваянием прекрасного юноши из пиренейского камня. Фотография как драгоценная реликвия хранилась в семейном альбоме. Её очень любила разглядывать Анна, племянница Леонида. Она никогда его не видела, но с детства знала эту печальную семейную историю. Элен Рейтер уехала в США. Прошло много лет. В 1974 г. Анна забрела в антикварный магазинчик, скорее напоминающий обычную барахолку, и замерла перед знакомым по фотографии скульптурным изображением Леонида. Владелец магазинчика даже не мог толком объяснить, при каких обстоятельствах скульптура попала к нему. Анна немедленно приобрела работу, и с тех пор она украшает сад её дома в Булонь-Бийанкуре.

Христофор окончил в Одессе торгово-промышленную школу, затем поступил в высшее

учебное заведение в системе Наробраза, женился. В 1928 г. по всей стране прокатилась волна борьбы с троцкизмом. В круг внимания ГПУ попал и молодой человек с необычной «иностранный» фамилией: сначала последовало приглашение в известное заведение на Маразлиевской улице, потом пришли с обыском. Как только представилась возможность, Христофор бежал в Москву. Почему не уехал с родителями во Францию? Он сам пишет об этом так: «Я, конечно, с самого начала говорил, что никуда не поеду... Я поступил учиться. Получил хорошую работу, которая оплачивалась вполне прилично, и поэтому зачем мне было ехать в чужую страну, где я языка не знал совершенно. Мы переписывались с родителями... примерно до 1937 года, когда почувствовали, что это небезопасная переписка. Тем самым связь с родителями была на длительное время потеряна». Родителей своих Христофор больше никогда не увидит, а с сестрой Ларисой встретится вновь лишь на закате своей жизни после 62-х лет разлуки!

В 1928 г. Инглези, наконец, получили возможность покинуть Россию. Собирались быстро. Почти ничего не разрешалось брать с собой. Леонид Васильевич был обладателем ценнейшей коллекции марок. Только несколько штук удалось перевезти через таможенную, приклеив их под зеркальце в коробке для пудры Ларисы. От продажи марок удалось выручить достаточную сумму денег, чтобы продержаться первое время. Получили также разрешение на вывоз нескольких картин Леонида Васильевича. Виды Николаева и Одессы на стенах временных жилищ на чужбине грели душу и утоляли боль ностальгии. Уезжали поездом через Польшу и Германию, право на жительство во Франции получили 28 октября 1928 г. В феврале 1929 г. Леонид Васильевич поступил на работу в Художественную театральную мастерскую Гастона Шнайдера в Париже художником-декоратором. А вскоре произошло событие, кардинально изменившее его жизнь. Анна Александровна вспоминает: «По словам бабушки, в 1931 г. Леонид Васильевич сидел на лавочке, к нему подсел какой-то господин и спросил: «Вы русский?» Чеховская борода, манера себя держать и весь облик дедушки говорили о том, что он русский. Они разговорились, и когда этот господин узнал, что дедушка художник, он сообщил, что его знакомый имеет мозаичную мастерскую и нуждается в художнике. Мастерская принадлежала Борису Анрепу. Так Л. В. Инглези стал художественным руководителем его мастерской на бульваре Араго, 65».



Л.В. Инглези, 1945 г.



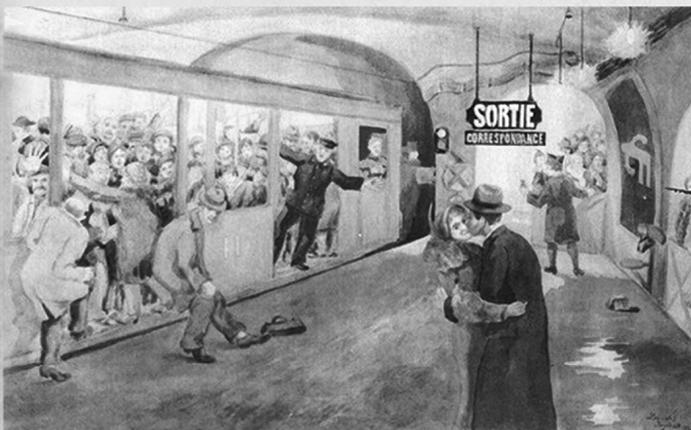
М.Г. Инглези, 1959 г.



Л.В. и М.Г. Инглези, 1962 г.



Л.В. и М.Г. Инглези  
на улицах Парижа, 1952 г.



Метро. Париж, 1932 г.



Л.В. Инглези, 1946 г.



Л.В. Инглези



Л.В. и М.Г. Инглези, 1971 г.

Борис Васильевич Анреп был незаурядной личностью. Закончил Императорское училище правоведения, но отдал предпочтение живописи. Путешествовал по Италии, учился в Париже в Академии Шомьер, Эдинбургском художественном колледже. Во время Первой мировой войны служил в Галиции в звании лейтенанта в кавалерийском полку. Видел множество разрушенных церквей. Православные святыни омывало дождями и засыпало пылью через проваленные кровли храмов. В перерыве между боями он брал двух казаков, телегу с лошадью и по ночам в нейтральной зоне собирал предметы культа. Сейчас коллекция Анрепа хранится в Государственном Эрмитаже. В 1916 г. был командирован в Русский правительственный комитет в Лондон, который содействовал экспорту оружия в Россию, и остался в Англии. После метаний между искусством, поэзией, правоведением он окончательно выбрал редкий вид творчества мозаичиста, который соответствовал амбициям человека, стремившегося к масштабности. Мозаика требовала от художника физической силы, что было для него также естественно и возможно. Основной темой своего творчества Анреп выбрал создание божественных символов христианства. Единственный в своём творчестве акростих Анна Андреевна Ахматова посвятила именно ему:

*Бывало я с утра молчу  
О том, что сон мне пел.  
Румяной розе и лучу  
И мне – один удел.  
С покатых гор ползут снега,  
А я белей, чем снег,  
Но сладко снятся берега  
Разливных мутных рек.  
Еловой роще свежий шум  
Покойнее рассветных дум.*

В мастерской Бориса Анрепа Л. В. Инглези проработал более 30 лет и принимал участие во всех его важнейших творческих проектах. Исполнял трафареты в натуральную величину для будущих мозаичных картин, предлагал свои оригинальные композиционные решения. В 1928–1952 гг. мастерская работала над монументальным художественным произведением – напольными мозаиками для вестибюля Национальной галереи в Лондоне. Пятьдесят мозаичных картин представляют собой четыре аллегорических цикла, три из которых иллюстрируют различные стороны современного бытия – «Труды жизни», «Удовольствия жизни» и «Современ-

ные добродетели», четвертый – «Пробуждение муз» (Аполлон и Бахус, окружённые девятью музами). В последних двух циклах представлены портреты выдающихся британцев: политика У. Черчилля («Вызов»), учёного-физика Э. Резерфорда («Любознательность»), балерины Марго Фонтейн («Наслаждение»), поэта Т. С. Элиота («Отдохновение»), философа Б. Рассела («Ясность»), астрофизика Ф. Хойла («Поиск»), писательницы В. Вульф (муза Клио), писателя О. Ситвелла (Аполлон), а также портреты друзей и покровителей художника. В аллегории добродетели «Сострадание» – портрет А. А. Ахматовой. Рядом – автопортрет в мозаике «Я здесь лежу».

В 1927–1932 гг. художники мастерской Анрепа работали для Банка Англии. Старейшее здание Лондона неоднократно подвергалось реконструкции, в ходе последней полы главного входа были украшены мозаичными плитами на тему английских монет.

В маленьком ирландском городке Маллингаре находится величественный собор Христа Владыки, строительство которого было завершено буквально перед началом Второй мировой войны. Внутренним убранством занимались уже в мирное послевоенное время. Мозаики для изящных алтарей изготавливала мастерская Бориса Анрепа – Св. Патрика (1949), Св. Анны (1953–1954). 1954 г. объявили годом Богородицы, поэтому была изготовлена мозаика по евангельскому сюжету «Введение Марии во храм». В центре композиции изображена Св. Анна с нимбом вокруг головы, в свободно ниспадающей одежде. Некоторые исследователи предполагают, что это ещё одно портретное изображение Анны Андреевны Ахматовой.

Последней крупной работой мастерской Б. В. Анрепа (1956–1962) были мозаики Вестминстерского кафедрального собора, резиденции архиепископа Вестминстерского, главного католического храма Англии и Уэльса. Архитектор Джон Франсис Бентли строил храм в неовизантийском стиле. Роскошную отделку с использованием более ста пород камня и церковную мозаику выполняли разные художники. Мастерская Б. Анрепа изготавливала мозаики для капеллы Святого Таинства: евангельский сюжет «Тайная вечеря», воины-архангелы, три ангела, большой триумфальный крест, напольные орнаменты и др.

Леонид Васильевич Инглези делал и авторские работы – мозаика «Богородица» была подарена Великому князю Владимиру Кирилло-



вичу для церкви в имени Сен-Бриак, «Иисус Христос» – установлена на могиле художника. Известно также, что он продолжал заниматься станковой живописью. Выставлял пейзажи в Салоне независимых (1941–1963), изредка участвовал в групповых выставках в галереях Монпарнаса.

В середине 1960-х годов Инглези переехали в Булонь-Бийанкур под Парижем. 19,3 процента живших здесь иностранцев были русскими. Среди них были рабочие заводов Рено, служащие, коммерсанты, шофёры такси, надомные рабочие. Русская община Булонь-Бийанкура гордится тем, что в 1906 г. здесь побывал император Николай II. Этот живописный уголок Франции избрал для места жительства ещё до революции Великий князь Павел с семьёй. Его усадьба является достопримечательностью Булони. Здесь жили в эмиграции представители высшей русской аристократии – княгиня Зинаида Юсупова и её сын Феликс, открывшие театр, принимавшие на своих «Булонских субботах» писательницу Нину Берберову, поэта Владислава Ходасевича, художника Марка Шагала, скульпторов Павла Трубецкого, Натана Именитова, философа Льва Шестова, драматическую актрису Екатерину Рошину-Инсарову.

Живописцы Павел Шамров, Георгий Слободинский, Леонид Инглези и модельер Эрте (Роман Тиртов) организовали группу художников, которые снимали мастерскую-студию на улице Готенберга, 21. В Булонь-Бийанкуре говорили и думали на русском, учились в Русской гимназии, ходили в православную Свято-Никольскую церковь, многие вывески на улицах были напи-

саны по-русски. 27 сентября 2010 г. открылась выставка «Бийанкурск» (так неофициально называют это местечко его жители), на которой было представлено много фотографий, среди них есть и изображение членов семьи Инглези. Они жили сначала на улице Альфреда Лорана, а затем – Д'Агюссо. Последние месяцы жизни Леонид Васильевич Инглези провёл в старческом Русском доме Земгора в Кормей-ан-Паризи под Парижем, где и скончался 29 сентября 1972 г. Мария Григорьевна умерла 16 сентября 1981 г. Оба похоронены на Новом кладбище Булонь-Бийанкура в одной могиле, на которой установлена мозаичная плита с изображением Христа Спасителя работы Леонида Васильевича.

Их дочь Лариса стала художником по керамике: расписывала тарелки по шаблону на фарфоровом заводе, увлекалась музыкой. С 2008 г. проживает в старческом доме. «У неё своя комната. Внизу, куда мы спускаемся после обеда, большое помещение с видом на парк (когда хорошая погода, можно сидеть под большой шелковицей) и на комнату Россини... Это первоначально была его парижская усадьба, и он её завещал престарелым музыкантам. Там висят портреты Россини и его жены. Стоит рояль с открытыми нотами, столик и в углу в застеклённом шкафу его наряд академика». Анна Александровна записала воспоминания Ларисы Леонидовны на магнитоленту. О детских годах в Николаеве и Одессе вспоминает очень пожилая женщина. Но так жив и ярк её рассказ! Литературный русский язык, которым она изъясняется, с милой, едва заметной картавинкой, словно переносит нас в совсем другую эпоху.

## Христофоровы

Лариса Леонидовна Инглези во Франции вышла замуж за своего двоюродного дядю Александра Ксенофонтovichа Христофорова (1907–1999), который был всего на шесть лет старше её. В 1853 г. греческий купец Георгий Николаевич Христофоров основал в Симферополе «Товарищество виноторговли Г. Н. Христофорова». Вина «Захарьинскоеопорто № 36», «Мускат-Александрия №5», шампанское «Кристалль №56» и ещё 25 наименований получали Гран-При на многих европейских выставках во Франции и Италии, их подавали к столу российских императоров. Правление и главный склад находились в Симферополе, отделения – в Москве и Нижегородской ярмарке, представители фирмы – в Одессе, Николаеве и других городах. Предприниматель

прославился в Крыму не только своими винами, но и общественной и благотворительной деятельностью, за что ему было присвоено звание почётного гражданина города Симферополя и дворянский титул. 22 октября 1878 г. в симферопольской Свято-Троицкой церкви дочь купца I гильдии Георгия Николаевича Христофорова Елена обвенчалась с одесским купцом Василием Герасимовичем Инглези. Вскоре семейная пара переехала в Николаев. Во Франции два рода – Христофоровых и Инглези – породнились как бы ещё раз. Сын Георгия Николаевича Христофорова, Ксенофонт, во время Первой мировой войны служил интендантом в составе Греческого крымского полка. Купеческое происхождение и офицерское прошлое не давали шанса

выжить при новой власти, поэтому Ксенофонт Георгиевич с женой и детьми уехали в Константинополь. Пришлось всем тяжело трудиться – и взрослым, и детям-подросткам. Братья Георгий и Александр не гнушались никакой работы. Анна Александровна вспоминает рассказы отца о том, как он продавал ножи и ножницы с ручного лотка на Галатском мосту. Однажды мальчик засмотрелся на проходящий мимо пароходик и обронил вниз весь свой товар. Как он мчался по берегу вслед за стремительно удаляющимся пароходом! Наконец капитан заметил бегущего из последних сил подростка, остановился и вернул бедняге всё его богатство.

Дети быстро научились говорить по-турецки и использовали это для дополнительного заработка. Александра взяли переводчиком в английскую офицерскую столовую для проведения там партий игры в лото. Его двоюродная сестра бойко играла на фортепиано в «Кафе-шантане». Заведение пользовалось бешеной популярностью – там из-под полы подавали «белый кофе» (запрещённый к употреблению в Турции спирт). В Константинополе прожили три года в надежде на лучшие времена, на возможность вернуться на родину. А затем уехали во Францию, сначала в город Рени. Чем только не занимались! Ксенофонт Георгиевич некоторое время работал у коллекционера бабочек. Систематизируя и приводя в порядок чужую коллекцию, наверняка с горечью вспоминал о своей собственной, оставленной в Симферополе. Какие там были необыкновенно редкие экземпляры, предмет зависти таких же увлечённых людей, как и он. Вспоминался смешной случай. Однажды они с сыном

Георгием бродили в окрестностях Симферополя около старого кладбища с сачками и увидели огромное количество неизвестных им бабочек. Как удачно они обменяли их на совершенно редкие и экзотические экземпляры у других коллекционеров!

Более молодые и сильные Георгий и Александр работали в местной типографии. Переехав в предместье Парижа, открыли семейный бизнес – завели ферму по выведению кур особой породы. Даже завоевывали первые премии на сельскохозяйственных выставках, но кризисные явления в экономике Франции разорили и это дело. В Париже Александр Ксенофонович устроился водителем такси, как и очень многие русские. Это помогло выжить семье – жене Ларисе Леонидовне и дочке Анне.

Анна Александровна Христофорова – хранительница не только семейного архива, но и точных, эмоционально окрашенных воспоминаний о жизни родных и близких. Она ведёт активный образ жизни. Прекрасно знает русский язык. Автор переводов на французский язык писем А. П. Чехова, его «Путешествия на Сахалин». Основала курсы русского языка при консерватории им. С. Рахманинова в Париже, участница интернет-сайта, освещающего культурную жизнь во Франции. Но особая сторона её жизни – память о бабушке Леониде Васильевне Инглези. Для того чтобы Николаев помнил своего земляка, Анна Александровна начала передавать его работы и личные вещи в Николаевский краеведческий музей, многие из которых заняли достойное место в новой экспозиции музея.

*Елена Пономарёва, научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея «Старофлотские казармы»*

*В очерке использованы материалы семейного архива А. А. Христофоровой, переданные в Николаевский областной краеведческий музей; опубликованные мемуары А. П. Богаевского, Р. Б. Гуля, А. И. Деникина, М. Н. Левитова, В. Д. Матасова; работы историков С. В. Волкова, А. М. Бугаева.*



Евгений МИРОШНИЧЕНКО

## «ЭТО БЫЛО В СУСУМАНЕ, В МАГАДАНСКОЙ СТОРОНЕ...»

Неопубликованный роман

*Старожилы города Николаева ещё помнят его по публичным выступлениям. Стихи он читал сильным, простуженным голосом. Это были лирические строки о любви к Украине, белым акациям, корабельному краю, морскому прибою, который дарил поэтическое вдохновение.*

Павел Елагин был человеком трудной судьбы, трагедия XX века – массовые политические репрессии 30-х – начала 50-х годов – не обошла его стороной. Как и все, кто испытал «сталинское чистилище», он не любил вспоминать прошлое, был скромным, но твёрдым в своих суждениях человеком, регулярно посещал собрания заводского литературного объединения «Стпель».

Сведения о его биографии скупы. После окончания в Луганске первого курса литфака Павел узнал, что со следующего года обучение будет проводиться на украинском языке, желающие могут перевестись в Николаевский пединститут, где учебный процесс организован на русском. Заявление о переводе в Николаев вместе с Павлом написали несколько сотен студентов. Это было бурное время первых чувственных привязанностей, опубликованных стихов, горячих диспутов о коммунистическом искусстве «Нового Лефа» Маяковского, гражданской теме в любовной лирике Сергея Есенина.

Вскоре наступит конец увлекательной, головокружительной молодости. Секретарь бюро комсомольской организации института, проявив бдительность, сообщит в местный комиссариат внутренних дел о подозрительных связях, «политической близорукости» студентов-активистов факультета литературы и языка.

Они жили в насквозь политизированном обществе. «И мне агитпроп в зубах навяз», – писал в конце своего пути Владимир Маяковский. Духовный гнёт времени не могли не ощущать ни признанные горланы революции, ни студенты, ни преподаватели института социального воспитания – так с 1930 г. именовался старый учительский институт в Николаеве. Менялся культурный код эпохи, его ключевым содержанием становилась расстановка классовых сил, лекторы обнаруживали эту расстановку в партии, гражданском обществе, литературе, книге пи-

сателя, спектакле режиссёра, «на музыкальном фронте».

Третьего июля 1937 года арестованный П. А. Елагин уже давал показания. Архив НКВД сохранил его судебное дело под номером 2258-С. Историки знают цену этих источников, заимствовать истинные факты из них довольно опрометчиво. Воспоминания бывших политических заключённых красноречиво свидетельствуют, каким образом чекисты и сотрудники ГПУ получали признательные показания. Арестованных принуждали, всеми силами души утверждая свою непричастность к преступным действиям, они каялись в том, в чём не были виновны. Впрочем, сопоставляя сведения из дела Елагина и оставшейся в его личном архиве рукописи автобиографического романа, можно представить довольно убедительную картину истории взросления наших талантливых земляков.

В заявлении следователю П. Елагин писал:

«Я отношу начало отравления моих мозгов ко времени поселения в г. Николаеве как студента пединститута. Здесь я познакомился со студентами-однокурсниками В. М. Автономовым и М. В. Гильдиным, которые стали моими первыми друзьями... Пьянка, неуспеваемость повлекли исключение из института. Я забыл, что «от хулиганства до фашизма расстояние в воробьиный нос» (М. Горький). Это породило потребительское отношение к комсомолу – там люди бескультурные, вопросами литературы не занимаются.

Участвуя в работе литактива (зима 1936 г.), я говорил о вопросах пролетарской культуры, привёл цитату Троцкого – заклятого врага народа. В сентябре 1935 г. мною было написано стихотворение «Старик», которое получило нездоровое идейное выражение... Позже я увлёкся Есениным – этим кулацким поэтом.

Всё, что было известно мне антисоветского об Автономове, – это то, что он всегда ценил

М. Хвелевого, О. Вишню – украинских писателей-националистов – врагов народа... Всё это результат нашей и моей политической близорукости, мы отошли от здоровой, цветущей молодёжи.

Я готов принять наказание и искупить его. Мне всего 19 лет...

Заклѹчѣнный П. Елагин.  
3-29/VII, 1937 г.»

Обвинительный приговор студентам объявили 14 ноября. Решением судебной тройки, куда входили начальник управления НКВД по Николаевской области, главный прокурор области и секретарь областного комитета компартии, Павел был осуждѣн на десятилетний срок содержания в исправительно-трудовых лагерях строгого режима. В обвинительном заключении отмечалось следующее:

«Следственными действиями установлено, что Зализняк И. Н., Елагин П. А. и Автономов В. М., как начинающие писатели, имея связь с националистическими писателями, разоблачѣнными и репрессированными как враги народа: Герасименко, Ушаковым и другими, систематически среди студентов распространяли свои антисоветские произведения и антисоветскую литературу, прививая свои буржуазно-националистические взгляды другим студентам».

Он родился 29 июня 1918 года и умер 29 января 1986-го, получал письма на 29 почтовый индекс, последние цифры его домашнего телефона – 29. Что кроется за этим мистическим совпадением цифр? Анна Ахматова тоже оставила свой язык цифр в трагической истории личной жизни. В поэме «Реквием» она писала: «Семнадцать месяцев кричу,/ зову тебя домой,/ бросалась в ноги палачу,/ ты – сын и ужас мой». Семнадцать месяцев она провела в тюремных очередях, добываясь свиданий с родным человеком. В апреле 1950 г. Ахматова обратилась к И. В. Сталину с покаянным письмом, просьбой о снисхождении к своему несчастью, аресту сына; опубликовала в «Огоньке» цикл стихов «Слава миру» (фактически «Слава Сталину»). Вождь покаяние принял, но сына не вернул. Цифра семнадцать, строки «Реквиема» стали вечным приговором русской литературы государственному деспотизму и террору.

В трактовке нумерологии носитель числа 29 отзвучив и умѣн, но не обладает яркой харизмой, его творческая энергия ограничена нормами самоконтроля и не выходит за рамки традиции. Он укрепляет свой дух в языческой преданности символам, убеждения не добавляют ему таланта.

Здесь уместно назвать имя другого поэта, который входил в литературу примерно в одно время с Павлом Елагиным. Я хочу вспомнить Варлама Шаламова. Дело в том, что их судьбы до удивления схожи: они оба были осуждены за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию, отбывали наказание в Магаданском крае, несколько раз оказывались на больничной койке из-за непосильных условий Колымы. Оба провели в заключении, исправительно-трудовых лагерях и ссылке более 17 лет. Вполне допустимо, они могли встретиться на этапе, в лагпунктах или больницах Дальстроя, как это случилось с Павлом Елагиным, узнавшим в морозной стыни седую женщину. Задыхаясь, она тащила сани с огромными бочками – пищу для заключѣнных. Это была известная украинская писательница Зинаида Тулуб (1890–1964), автор масштабного исторического романа «Людоловы», её упоминает в мемуарах «Крутой маршрут» и Евгения Гинзбург. Спустя несколько лет Павел запишет себе на горе в тетрадь с коленкоровым переплѣтом вот эти строки:

*Это было в Сусумане,  
В магаданской стороне...  
Снова крутит, как в тумане,  
Память плѣнку на стене,  
Стынь таѣжная за сорок.  
Глухо кайла грунт долбят.  
– Эй, начальник, жрать-то скоро?  
Марш кишки давно гудят...  
И опять в промѣрзший панцирь  
Еле слышится: тук-тук...  
Но не слушаются пальцы  
Задубевших синих рук.  
Вдруг к флажкам работы нашей,  
Впрягшись в сани, как ишак,  
Подтащила бочку каши  
Женщина, с трудом дыша...  
– Баба! – кто-то крикнул.  
– Что ты?  
– Баба, погляди ещѣ!  
– Кто такая? Что за тѣтя?  
Но я враз узнал её.  
Где-то в книжках ли, в газетах,  
В заднепровской тишине,  
Я встречал её портреты...  
Примерещилось ли мне?  
И задохлось в горле слово,  
И померкла белизна.  
– «Людоловы», «Людоловы»,  
Боже, это же – она!  
Напрягая память в муках,  
Да – она! Сомнений нет:*



*В телогрейке, в рваных брюках –  
Женщина,  
А не портрет!  
Сняв бушлат, шагнул к ней прямо  
И шепнул сквозь стылость губ:  
– Ось, зігрійтесь трохи, мамо!  
Зіно Павлівна Тулуб!  
До сих пор её рыданье  
Рвёт на части сердце мне,  
Это было в Сусумане,  
В магаданской стороне.*

В статусе колымских эзков Елагин и Шаламов окончили восьмимесячные курсы фельдшеров и самоотверженно, днём и ночью спасали тех, кто за пайку хлеба и приварок спускался в забой, валил и сплавлял лес, боролся с болезнями, лагерными законами, с миром «блатных» и «фраеров».

Когда Елагин работал над рукописью романа (декабрь 1980 – февраль 1981), Шаламов уже был автором «Магаданских рассказов» и цикла стихотворений «Колымские тетради», которые начал писать ещё в ссылке, хотя широкая известность на родине к нему пришла лишь к концу 80-х – началу 90-х годов. После полной реабилитации (1955) П. Елагин стал печататься в коллективных сборниках, опубликовал в Одессе три книжки стихотворений и, надо полагать, был хорошо знаком с общественной полемикой вокруг прозы А. Солженицына, его «Архипелага ГУЛАГ», произведений Б. Пастернака. К этому времени относится и деятельность правозащитного движения, акции против возрождения сталинизма в СССР. Массовые советские издания активно печатали воспоминания, письма, повести и стихи бывших узников сталинских лагерей. Не секрет – богатый магаданский фольклор жив, а ветераны подтвердят: портреты Сталина, прикрепленные к стеклу автомобилей, в ту пору можно было видеть повсеместно. Это случилось и на Кунцевском кладбище во время похорон В. Т. Шаламова (1907–1982). Собравшиеся попросили водителя похоронного автобуса снять неуместный для ситуации портрет вождя (воспоминания Е. Захаровой). Роль личности И. Сталина, его место в российской истории обсуждается и сегодня, в рейтингах самых значительных исторических деятелей он остаётся лидером.

Шаламовские рассказы поразили дерзостью стиля, бесстрашной прямоотой авторского выражения своих взглядов. «Этот мир – реальной, чем гомеровские небеса», – писал Шаламов и рисовал поразительные картины лагерной жизни, вернее, антижизни, начисто лишённой ка-

ких-либо иллюзий. В его колымской летописи совершенно отсутствуют ноты бессильного разоблачительства. Кто измерит меру страданий миллионов людей, задавал вопрос писатель и сам отвечал: такой меры не существует, но есть строгая необходимость открыто и ясно рассказать об устройстве того, что названо «Архипелагом ГУЛАГ». И далее следовало нагруженное большим смыслом обобщение:

«Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключённый, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели – инженеры, геологи, врачи, – ни начальники, ни подчинённые.

Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута».

Выживший в апокалипсическом мире писатель расшифровывает свою формулу и перечисляет уроки этой школы, которая, по его словам, и не снилась героям Достоевского в его «Записках из мёртвого дома». В сталинских лагерях человек учился ненавидеть людей, привыкал к насильственному труду, подлости, лишался моральных барьеров; его интересы сосредоточены вокруг хлебной пайки, махры и чифиря – круто заваренного чая. Заслуга прозы Шаламова заключается в том, что он распознал и дал адекватную оценку системе порабощения людей, организованной преступности, она поражала сознание, как тавро, и цинично смещала представления о добре и зле.

«Опыт В. Шаламова, – говорил на конференции «Литература после Колымы и Освенцима» филолог Вячеслав Иванов, сын известного советского прозаика Всеволода Иванова, – ложится в нашу генетическую память. Блатная инфекция способна поразить человечество в двадцать четыре часа. Кровь раба, раздавленной личности течёт в каждом из нас».

И всё-таки человек, испытавший нравы Колымы, может остаться личностью, на это указывает жизнь самого автора «Магаданских рассказов». В. Шаламов хорошо осознавал границу компромиссов, которые ведут к утрате самого себя. От подавляющей и растлевающей силы сталинского лагеря он спасал себя поэтическим словом. Уже на свободе, общаясь с Б. Пастернаком, А. Солженицыным, Н. Я. Мандельштамом, немногочисленными друзьями из журнала «Юность», где публиковались его стихотворения, он будет учиться познавать мораль в истинном смысле, хотя дьявольскую печать пережитого сохранил до конца дней.

Нужно честно признаться: холод вечной мерзлоты, тюрем и лагерей веет и со страниц рукописи автобиографического романа Павла Елагина. Она оставляет тягостное ощущение дурного сна, навязчивого прошлого. Лишь публицистические обобщения автора, всякий раз завершающие главы, заставляют прерваться и осмыслить прочитанное.

Перед нами знакомые персонажи 1937-го – разноликая масса людей, оказавшихся за колючей проволокой, взятых под стражу среди ночи и белого дня со студенческой скамьи и перемещённых в бараки исправительно-трудовых лагерей, в шурфы золотых приисков, на лесоразработки, на площадки номерных объектов Дальстроя. Эти люди доподлинно известны автору: начальник лагеря «Рассыпной», покровительствовавший заключённому Аросьеву, потому что знал его отца, убеждённого коммуниста; бывший бухгалтер из Одессы очаровательная Мария, жиган Санька-щипач, малосрочница Фроська-зануда из Прибалтики, врач-хирург Макарец, осужденный за службу у немцев в годы оккупации, бывший священник отец Фёдор, Кеша Брызгалов – король блатных, покинувший тёплые нары, чтобы стать золотодобытчиком. Он с товарищами выгонял в смену по 150–180 тачек, за что каждый член бригады получал 900 гр. хлеба, 100 гр. спирта и полпачки махорки. С прибора Кеша снимали 70–80 кг золота, утром и вечером его уносили в блестящих коробках под охраной пяти солдат.

Поражает изображение трудового энтузиазма заключённых: начальник прииска лично опускает в шахту ёмкости для подъёма добытого золота вместе с термосом чифирия ударникам труда. Однажды вместе с золотом из забоя подняли мёртвого человека. Большое место в сочинении Елагина занимают бытовые сцены лагерной службы фельдшеров, зачастую выполнявших обязанности врачей из-за нехватки квалифицированных специалистов. К примеру, Аросьеву пришлось держать ответ за организацию бунта, протеста заключённых: он привёл на просмотр документального фильма обитателей больничной палаты, которые, увидев на киноэкране «отца народов», устроили погром в красном уголке.

Биографизм драматической судьбы бывшего студента Аросьева, главного персонажа романа, иного толка, нежели блатных и политических заключённых, вольнонаёмных, врачей, оперуполномоченных из «Магаданских рассказов». Шаламов писал очерки преступного мира, Елагин

стремился найти в колымской истории героев-созидателей и этим, сам того не желая, оправдывал существование мира насилия. В сороковые годы в учреждениях НКВД, красных уголках северных лагерей можно было встретить циничный лозунг Сталина: «Сделаем из Сибири каторжной, кандалной – Сибирь советскую, социалистическую!» И Шаламов, и Солженицын в своих «опытах художественного исследования» Колымы десятки страниц посвящают побегам с советской каторги. Для её узников желание бежать – это «императив вольной души». Товарищи Аросьева не помышляют о побеге, у них свои представления, они не преступники, зачем им бежать? Через год-два выйдут на волю по амнистии.

«Колымская тайга, – обобщал Елагин, – входила в новую полосу освоения: прибывала самая дешёвая рабочая сила – заключённые, «враги народа», которым суждено было принять здесь всё, выстоять и победить, победить орудием веры, любви, надежды, служения Родине, вложенных в труд, спасительный труд».

Елагин отказывается отождествлять своего героя с жертвами репрессий, в роли автора он ничем не отличается от своих персонажей, он не сильнее и не слабее их. Но и не свободнее. Его Аросьев способен самозабвенно трудиться в забое, на фельдшерских лагпунктах, не теряет веру в Сталина, в его жизни не существует бездны, пропасти, о его спасении заботятся и начальник лагеря, и приятели-уголовники, и подруги по несчастью. Впрочем, одна из них всё-таки выкрала коленкорную тетрадь со стихами, они-то и стали поводом к вторичному судебному обвинению Аросьева, новому сроку его лагерного заключения. Бдительное лагерное начальство таким образом ответило на постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 г., очередной заговор против советской идеологии был раскрыт и среди «врагов народа».

Скажем прямо: просчёт романа заключался в вымышленном языке повествования. Драма миллионов людей, история изувеченных судеб ещё при жизни Елагина уже была написана иначе, она несовместима с любым вымыслом. Время обогнало автора, похоже, у него уже не было желания что-либо переделывать в рукописи.

Чтобы придать этому разговору о цене компромисса писателя с самим собой большую определённую, хочу процитировать строки из предисловия к роману. В нём присутствуют не только прямые отголоски полемики вокруг имени Сталина, но и обращение автора к потенци-



альным читателям, стремление разъяснить, рассказать свою правду о Колыме.

«Бывает моментальная, сиюминутная констатация свершившегося, чреватая поспешностями, ошибками оценок, обязательностью, чуть ли не «модой» говорить по свежим следам, – писал Елагин. – Так было в отношении «культы личности Сталина» в период «ликвидации его последствий»...

В годы массового литературного зуда на эту тему автор «не отреагировал, не откликнулся», не желая подражать словесным курбетам любителей хватать «жареные орехи». Теперь же, когда мода прошла и жизнь идёт ленинскими путями по утвердившимся ленинским принципам и нормам коллективизма в руководстве, в хозяйственных делах, во всех областях социалистического общежития, – автор считает своим долгом коммуниста рассказать о том периоде всё, как было, чтобы прояснить картину пережитого сквозь призму честной партийности и объективности, так дорого оплаченных...

Надеюсь, читатель верно воспримет роман «Дубы на ветрах», и даже у врагов Советского государства не останется и малейшего шанса для смакования давних издержек нашего роста,

потому что КПСС умела всегда, как это делает и сейчас, отстаивать дело Ленина во имя справедливости и добра».

Вместе с краткой биографической справкой, предназначенной для издательства, предисловие было подписано и вложено в машинописную рукопись. Её текст включает и сюжетные стихи о колымской встрече с З. П. Тулуб. Северную тему в творчестве П. Елагина можно угадать лишь в сборнике 1978 года «Белые цветы». Как неутихающая, пульсирующая память, мужественный мотив испытания сталинской каторгой остался среди архивных строк:

*В краю, где зреет облепиха,  
В колымской дальней стороне  
И я хлебнул не меньше лиха,  
Чем ты, товарищ, на войне.  
Я даром времени не тратил,  
Паёк военный зря не ел,  
И от мороза синий ватник,  
Как бронированный, звенел.  
Да, мы не ищем жизни тихой –  
Нам по плечу, солдат, вдвоём  
Крещение холодом и лихом,  
Крещение сталью и огнём.*

\* \* \*

В последние годы жизни Елагин много хворал, был молчалив, в одесском издательстве «Маяк» не продвигалась подготовленная им рукопись сборника стихов, редакторы настаивали на авторской правке. Ещё действовала государственная цензура, короткая оттепель не привела к лету, поэт «застрял среди снегов», время то и дело поворачивалось назад, общественная перестройка только набирала обороты.

31 января 1986 г., через день после его кончины, газета «Южная правда» напечатала соболезнование: «Областная организация Союза писателей Украины и областное объединение им. П. С. Ходченка с глубоким прискорбием извещают о смерти литератора, члена КПСС Елагина Павла Алексеевича...».

## До 100-ліття Олесе Гончара

## ВІН УВІРВАВСЯ В ЛІТЕРАТУРУ...

На моїй книжковій полиці є п'ятитомник Олесе Гончара та два дуже зачитані його романи – «Собор» і «Твоя зоря». Мої діти якось запитали, чому така клеяна-переклеяна книжка «Собор» (1968 року)? І я розповіла історію, як наприкінці 80-х – поч. 90-х років минулого століття цей твір важко було знайти у бібліотеках, хоч його вивчали у школі.

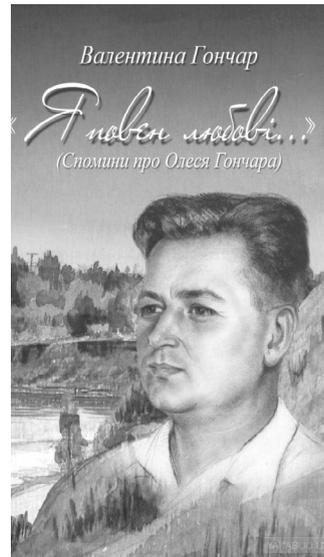
Тож бабусин раритет читав увесь факультет і діти викладачів. «І що, вона була якась особлива?» – запитали діти. «Так, особлива на той час, своєю правдивістю і любов'ю до України. Тим, що її автор показав цінність нашої, української, культури, її соборів». Дітей відповідь, здається, задовольнила: з патріотизмом у них все гаразд – навчаються у ММК ім. В. Чайки. А ось я згодом згадувала про розповідь моєї мами (до слова, кандидата філологічних наук, доцента І. Берези) щодо її зустрічі з письменником під час форуму інтелігенції України 14 вересня 1991 року, одним із ініціаторів якого був Олесь Терентійович. Тоді їй конче було дізнатися для статті про українські літописи думку письменника щодо спаленої вояками Петра І бібліотеки Києво-Печерської лаври, адже ця проблематика входила в коло його зацікавлень пам'ятниками української духовності. Бесіда була короткою, але дуже втомлений після хвороби Гончар запропонував мамі написати йому докладного листа, що, на жаль, вона не зробила, гадаючи, що цим перенапружить письменника. Таке поважне і ледь не побожне ставлення покоління наших батьків до Олесе Терентійовича неважко пояснити текстами митця, на яких вони виростили. І це не лише «Прапороносці», «Таврія», «Перекоп», «Людина і зброя», «Циклон», але й «Бригантина», «Твоя зоря», «Берег любові» й «Собор», через який автор був підданий остракізму з боку радянських і партійних органів. Хоча Гончар був і підтримуваний владою як один з «комуністичних літераторів» (за словами Ігоря Кочуровського). Але повага пошанувачів письменника зміцніла після того, як він одним з перших вийшов з комуністичної партії під час «Революції на граніті».



Пам'ятник Олесею Гончару в Києві

Зауважу, що з Миколаївщиною у Олесе Гончара була своя традиція. Йдеться про сценарій фільму «Партизанська іскра» і вивчення матеріалів та місця події на Первомайщині в с. Кримка. Фільм вийшов у прокат 1958 року. Цікаво, як тоді письменник-початківець Олександр Сизоненко згадував зустріч корифея української прози у Миколаєві, куди той приїхав 31 жовтня 1960 року на спуск корабля «Радянська Україна» зі стапеля Чорноморського суднобудівного заводу. В есе «Зблизька» Сизоненко пише: «А я любив і люблю Олесе Гончара ще з почутих по радіо «Альп» аж до схилення. Та хіба ж тільки я один? Він увірвався в літературу і в наше життя своїми «Альпами» одразу на майже недосяжні вершини».

Відзначимо, що власне з цієї поїздки до Миколаєва Олесь Терентійович почерпнув і фрагменти до свого роману «Тронка», давши одному з героїв прізвище миколаївського письменника Тимофія Уралова, та відтворив картину спуску корабля у фіналі роману. Автор передає це через сприйняття Віталіка – одного з героїв роману,



який, як і Гончар, уперше побачив цю величезну майстерню: «і не може очей відвести хлопець від новозбудованого красеня корабля, що уже в півнеба виростає перед ним на стапелях. Наче не водяний, а який-небудь космічний гігант націлився грудьми сталевими в небо для старту».

Оприявлено сприйняття Олесем Гончаром у серпні 1961 року краси степової Миколаївщини і в його щоденникових записах, де він живописує захід сонця у с. Висунськ, що на Березнегуватщині. Там же він зробив запис щодо мови: «Як чудово в Миколаєві перекладено на афіші «Алые паруса» – «Ясно-червоні паруси!» Живе дух Аркаса!»

Особливою видається й історія з повістю «Бригантина» (1973) та поставленою за нею режисером Юрієм Ільєнком кінострічкою «Смужка нескошених диких квітів» (1979). До Миколаївської спецшколи на Аляудах Олеся Гончар приїхав улітку 1971 року за рекомендацією Міністерства освіти України, аби створити кіносценарій про вихованців спецшколи та їхніх наставників. Тодішні працівники закладу згадували, що письменник детально цікавився навчальною і виховною роботою, побував і в класах, і в майстернях, і в місцях, де проводили дозвілля вихованці. Він бесідував з дітьми, які знаходилися у «штрафних» кімнатах. Його цікавив процес напрацювання форм і методів перевиховання неповнолітніх правопорушників. Як результат – через два роки вийшла з друку повість «Бригантина». Відомий літературознавець В. Дончик справедливо визначив основні акценти: «Твір є своєрідним морально-філософським диспутом про довір'я до людини, виховну і творчу роль доброти і краси, про свободу та анархічну роз-

христаність, про гармонію в стосунках індивіда зі світом, природою».

Зв'язок із спецшколою у письменника відновився у 1978 році, коли групу вихованців школи було запрошено на кіностудію ім. О. Довженка для участі у зйомках кінофільму за сценарієм Олеся Гончара. І п'ять школярів на чолі з вихователем та піонервожатою були відряджені до Києва, де їм провели також низку екскурсій музеями, театрами. Фільм, який демонстрували і в кінотеатрах Миколаєва, став подією для вихованців і педагогічного колективу спецшколи. Як зауважив автор хронікально-документального оповідання «Дети на обочині» М. Богомолів, фільм на той час був цінний тим, що вперше в радянському кіно було поставлено проблему неповнолітніх правопорушників в епоху «розвинутого соціалізму». Водночас відзначу: той же «розвинутий соціалізм», коли письменник виступав за розвой національних традицій, збереження пам'яток українського народу, і матеріальних, і духовних, всіляко гальмував ту чи іншу «національну за формою» справу. Так було з перевиданням «Собору», який лише після перекладу російською в одному з часописів – був наприкінці 80-х перевиданий і в Україні. Або така, здавалося б, дрібниця – у фотоальбомі «Миколаївщина» (1979) для ілюстрації культурних подій в області вміщено лише одну і досить неякісну світліну зустрічі миколаївців з Олесем Гончаром. І це тоді, як тих зустрічей було більше десяти упродовж 60-80-х років ХХ століття.

Серед перешкод до зустрічі гончарових героїв з українським глядачем слід віднести і долю фільму «Все перемагає любов» (1987), який після прем'єрного показу пролежав на полицях до

2008 року. Ця кінострічка є екранізацією оповідання «За мить щастя» (1964), яке продовжує у творчості письменника тему війни і гуманістичних, загальнолюдських цінностей. Він сам – учасник війни, пішов на фронт у складі студбатів 1941 року. Війну завершив старшиною мінометної роти і нагороджений орденами Червоної Зірки, Слави III ступеня, трьома медалями за відвагу. Тож всі труднощі війни відчув на собі та пізніше міг правдиво їх передати у «Прапорноносцях», «Людині і зброї», «Земля гуде» та низці оповідань і новел.

Загалом, біографія Олександра Терентійовича, який народився у робітничій родині одного з приміських селищ Дніпропетровська, а з дитинства (по смерті матері) виховувався дідусем і бабусею в селі Суха на Полтавщині, досить насичена усілякими подіями й оприявлена не лише численними виданнями його прози, постановкою фільмів, але й значною громадською та державною працею.

Згадаймо, що він був і лауреатом Ленінської, кількох інших державних премій, обраний членом АН України, був головою СП України, визнаний Героєм Праці, а вже по смерті – Героєм України (2005). Інтерес до його творчості і громадянської позиції щодо розвою України на демократичних засадах і збереження національних скарбів українського народу позначився і на створенні меморіальних музеїв. Зокрема – на його батьківщині. Серед світлин, які є у нашому фотоархіві, – фото з Всеукраїнської науково-практичної конференції «Феномен Олесь Гончара в духовному просторі українства», присвяченої 90-літтю письменника, яку у травні 2008 року організовано на базі Полтавського педагогічного університету ім. В. Короленка. Серед її учасників були й викладачі з університетів Миколаєва: І. Береза, Т. Коваль та С. Підпригора. У центрі ж фото – дружина Олесь Терентійовича, Валентина Данилівна Гончар.

До слова, саме вона дуже багато робить для збереження спадщини свого чоловіка – буває на конференціях, ділиться спогадами про творчі

будні і свята письменника, взаємодіє з науковцями-літературознавцями та бере активну участь у роботі журі Міжнародної українсько-німецької літературної премії ім. О. Гончара для молодих обдарованих письменників. А про нього вона у тому ж 2008 році написала і видала книгу споминів «Я повен любові...».

Інформую, що, крім 12-томного видання творів Олесь Гончара (2001–2009), є ще видані 2002–2004 рр. «Щоденники» у трьох томах, його «Листи» (2008) та «Листи до Олесь Гончара» у двох книгах (2016). Саме в останньому виданні серед інших кореспонденцій письменників України вміщено й лист майбутнього на тоді лауреата Шевченківської премії молодого Дмитра Кременя. У ньому відбулося шанобливе ставлення до корифея української прози і водночас вдячність за те, що Олесь Гончар в інтерв'ю напередодні Всесоюзної наради молодих письменників у Москві серед обдарованої літературної молоді назвав й ім'я Дмитра Дмитровича – шкільного учителя з Миколаївщини, наголосивши, що «росте літературна зміна». Миколаївський поет надіслав Гончареві свою книжку «Південне сяйво» (1982) і зауважив у листі: «Був би щасливий, коли б дещо хоча б з книги Вам сподобалось. Не прошу відписувати мені, знаючи Вашу зайнятість. Буду радий, якщо прочитаєте цю скромну книжку». Коротко Дмитро Дмитрович оповів класику української літератури і про своє захоплення ще у другому класі «Прапорноносцями», про те, що «студентом не боявся говорити вголос і про «Собор», і про «Циклон», які були піддані радянськими критиками несправедливим обвинуваченням. Йшлося і про те, що, учительювавши, Кремень «старався донести до дітей світ Ваших героїв – так, не просто героїв Ваших книг, бо Олесь Гончар для мене – більше, ніж письменник. Вашу присутність відчуває кожна мисляча людина». Тож молодий Дмитро Кремень у цьому листі ще раз підтвердив думку щодо всенародної популярності та шани до особи визнаного письменника Олесь Терентійовича Гончара.

**Влада Руссова,**

*доцент кафедри української філології,  
теорії та історії літератури ЧНУ ім. Петра Могили*



Евгений ПАРАМОНОВ

**«РАЙОН НА РАЙОН»...**

(из цикла «Дети холодной войны»)

*Бей своих, чтоб чужие боялись...*  
(народная пословица)

«Акробат» возвращался с Темвода домой поздно вечером. Он только что проводил девушку после свидания и уже проходил мимо последнего барака, как вдруг из-за угла кто-то полоснул его бритвой по лицу и убежал. Удар пришёлся по касательной. Были рассечены бровь и щека. Сразу хлынула кровь. Он сорвал с шеи шарф и, замотавшись в него, через старый Ингульский мост побрёл в город, домой, на свой родной «Сталинец».

Такого рода инциденты в Николаеве, как правило, заканчивались «разборками» «район на район». Но в данном случае «кидать предьяву» было некому. Нападавший трусливо сбежал.

В Николаеве стычки «район на район» раньше были своеобразным народным обычаем. Чуть ли не видом спорта. Повелось это издавна. Ещё во времена царизма один немецкий путешественник, проезжая через наш город, оставил в своём путевом дневнике запись примерно такого содержания: «В Николаеве есть район – Слободка. Его особенностью является то, что здесь всегда кого-то бьют»...

Конечно, не только слобожане любили помахать кулаками. В Николаеве дрались все и везде! Драки можно было условно разделить на «стукалку» – поединок «один на один», «поножовщину» – групповая драка на танцах в клубе или ресторане с применением холодного оружия и «высшую форму» – массовую драку «район на район».

Поводом для «стукалки» могла послужить уязвлённая мальчишеская гордость, неосторожное слово, а то и просто вызывающий взгляд. С агрессивностью и её оборотной стороной – сексуальностью у николаевских пацанов всегда было всё в порядке... Перед тем, как пустить в ход кулаки, соперники нередко прибегали к высмеиванию противника или угрозам. Вот наиболее расхожие из них: «Как дам, так и выскочит мадам!», «Как дам – всю жизнь на аптеку работать будешь!», «Да я с тебя семь шкур спущу и голым в Африку пущу!», «Я тебя три раза подброшу – два раза поймаю!», «Та я тебе гланды через ж\*\*у вырву!».

Эта своеобразная словесная дуэль перед дракой чем-то напоминала ночные поединки дерущихся за сферы влияния котов, которые перед схваткой долго воют, пытаются «задавить базаром» противника, чтобы запугать его и вывести из равновесия. После чего следует короткая схватка.

«Стукалка» проводилась по строгим правилам: в присутствии свидетелей, без оружия, на кулаках. При этом придерживались принципа: «Двое в драку, третий – в с\*\*у»! Дрались только один на один. Ещё одним обязательным принципом было: «лежачего не бьют». В те времена у нас ещё не были известны приёмы восточных единоборств с их прагматичным добиванием поверженного противника. Ведь важен был не только результат поединка, но и честь, чтобы потом не сказали, что ты выиграл нечестно. В случае нарушения правил немедленно вмешивались свидетели поединка – «подстава», растаскивая дерущихся или убирая из круга «третьего лишнего». Так было долго. Примерно до начала 70-х. Однако со временем «культура поединка» постепенно деградировала и к 80-м выродилась в «дуэль по-николаевски» – десять на одного. Как спел когда-то Высоцкий:

*«Но тот, кто раньше с нею был,  
Меня, как видно, не забыл,  
И как-то в осень, и как-то в осень –  
Иду с дружкой, гляжу – стоят.  
Они стояли молча в ряд,  
Они стояли молча в ряд,  
Их было восемь...».*

Поножовщины и групповые драки чаще всего возникали на танцах. Поводы были разные: кто-то кого-то толкнул и не извинился, кто-то вёл себя слишком шумно и его попытались урезонить, кто-то слишком настойчиво приглашал девушку танцевать... Часто дрались по «корпоративной» принадлежности: военные против гражданских, местные против пришлых.

## Апокрифическая карта города N

По рассказам стариков, традиция массовых драк «район на район» тянется в истории города с самых послевоенных лет, если не раньше (частично я уже писал об этом в статье «Шпана послевоенная»).

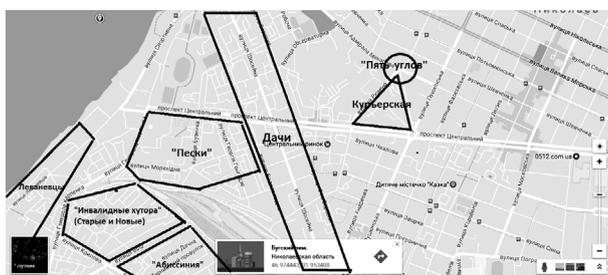
Официально в Николаеве всего 4 района: Центральный, Заводский, Ингульский и Корабельный. Но народная молва и блатная фантазия расцвели официальную карту города такими названиями, которые не встретишь ни в каком официальном документе. Эта не благословлённая официальными властями города – «апокрифическая» карта куда более подробна. И названия в ней самые смачные.

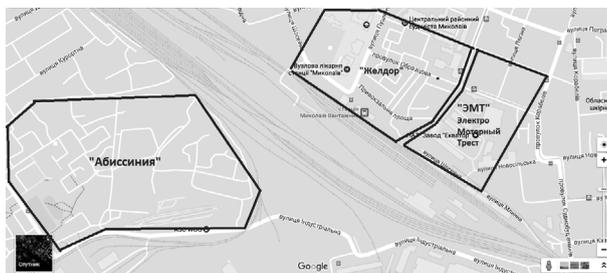
В 50-е годы наиболее многочисленным, сплочённым и организованным районом была Слободка. Здесь жили в основном парни из рабочих семей. Они могли выставить большое количество бойцов, «боговали» почти по всему городу, имели блатные манеры и общий фасон одежды: светлые рубашки под пиджак, рукава рубашек с «напуском» на манжет, «прохаря» – сапоги с отворотами. В сапоги заправлены брюки. В холодное время – «фуфайка» – стёганка на вате. В кармане неизменная «финка». На голове – надвинутая на глаза кепка-«шестиклинка».

Иногда, когда нужно было отомстить парням из других районов, слобожане совершали «карательные экспедиции» на территорию противника. Например, выдвинувшись на Пёски (ударение в этом слове все николаевские делают на букву «е»), они отлавливали местных пацанов и заставляли их «плавать» брассом на песке.

А «поплавать» там было где. Старожилы помнят, что Пёски потому так и называются, что это была натуральная песчаная пустыня в пределах города, с барханами и верблюжьей колючкой.

В 60-х начал греметь «Красный дом» с его опасными лидерами – братьями Гольцевыми (оба парня были детьми генерала). Потом пошёл «подниматься» и к началу 70-х стал одним из самых известных блатных районов «Сталинец». Этот район был назван в честь основного места сбора тамошней молодёжи – кинотеатра «Сталинец» (позже – «Экран»), располагавшегося на ул. Малой Морской между ул. Розы Люксембург и Свердлова (Никольская и Спасская). Район простирался от Адмиральской до проспекта и от Советской до Садовой. «На районе» было немало ранее судимых и отмотавших долгие сроки в лагерях дядек с громкими «кликухами», на которых равнялась местная молодёжь. «Сталинец» вместе с «Красным домом» и «Молочным





двором» считались «центровыми» районами и являлись своеобразной «аристократией блатного мира».

Весьма многочисленным и опасным районом была «Абиссиния». Ни Лесков, ни, тем более, Намыва в современном понимании этого слова тогда ещё не было и в помине. Были СИХ и НИХ («Старые инвалидные хутора» и «Новые инвалидные хутора»).

В целом, надо понимать, что такое «Абиссиния» и почему её так называли. Это район незаконного самозастроя между старым железнодорожным вокзалом и «Фалеевкой» (старым парком на берегу Буга в конце Лесков). Чёткой планировки улиц здесь не было. Строили, как Бог на душу положит.

Помню, как меня мальчишкой родители водили купаться в Лески по улице Белой через «Абиссинию». Мы отправлялись в путь «по холодку», когда ещё только-только всходило беспощадное николаевское солнце. Шли, лавируя между товарными вагонами, через железнодорожные пути от 9-й Поперечной и попадали на «Абиссинию».

Немощёные песчаные улицы. Низенькие побеленные хаты (часто – землянки). За невысокими заборами – вишни, абрикосы, яблоки, груши, виноград.

Вот за одним из заборчиков идёт строительство очередной «халупы». Мужики на подворье месяц ногами глину для «лампача» (в архитектуре этот древнейший строительный материал называется «саман» – глина, перемешанная с рубленой соломой). Рядом лежат-подсыхают на солнышке уже готовые кирпичи из лампача.

Возвращаемся вечером домой (купаться ушли на целый день), снова идём через «Абиссинию» мимо того же заборчика – стены хаты уже готовы. Потом её крыли толем (а то и камышом). И получалось нормальное «абиссинское» жилище.

Внешний вид этого микрорайона отчётливо напоминал картинки из учебников и книг про далёкую Африку и живущие в ней племена. Соответственно, и название району горожане дали – «Абиссиния» (так до Второй мировой войны называлась африканская страна Эфиопия).

«Абиссинцы» были нахальные и дерзкие ребята с окраины. Весьма многочисленные и очень разношёрстные. Помню, как однажды, «заскубавшись» с «лагерчанами», они пытались штурмовать пионерский лагерь «Маяк» в Лесках. Подвалили толпой к забору лагеря, громко матерились, выкрикивали угрозы, показывали непристойные жесты, швыряли через забор детского лагеря палки и камни. Их было много. Во-

жатым едва удалось выдержать штурм и не дать в обиду детей.

По мере развития жилищного строительства «Абиссиния» постепенно исчезала с карты города, уступая место новым жилым микрорайонам, объединившим, в конце концов, все прежние территории под один «бренд» – Лески.

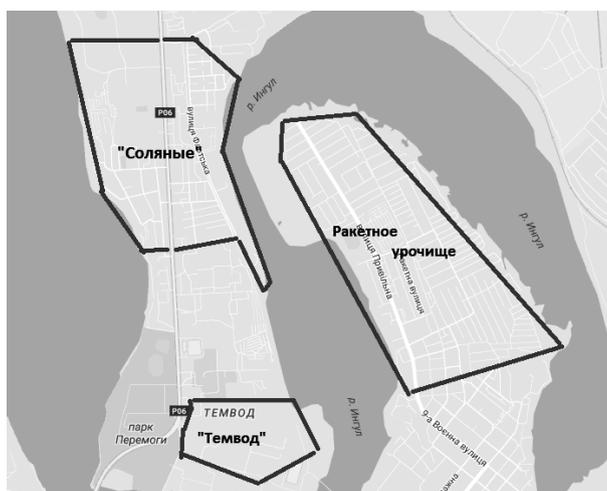
Следует заметить: поскольку наш рассказ охватывает период протяжённостью более 3-х десятилетий (с середины 50-х до середины 80-х), то границы районов и имена персонажей на них весьма условны, т.к. существовали они в разные отрезки времени. А город тогда развивался и менялся стремительно.

Далеко не все районы могли похвастать такой многочисленностью, как «Слободка» или «Абиссиния». К примеру, в 70-е годы «Темвод» и «Соляные» были ещё совсем небольшими районами («Северного» тогда вообще не было), и собрать на «разборку» приличную команду они не могли. А разбираться им приходилось нередко. В основном с Терновкой – с «болгарами», как говорили тогда. «Разборки» часто возникали после танцев в парке Победы, куда на нейтральную территорию сходились и те и эти.

Солянским и темводовцам, ввиду их малочисленности, приходилось идти на «дипломатические» ухищрения – заключать военные союзы с другими районами города. Так, в тени акаций на зелёной травке Парка Победы, под хорошую закуску и пару бутылок «Биомицина» («Біле міцне»), однажды был заключён «договор о дружбе и взаимной помощи» между «Соляными» и «Сталинцем».

Известными «блатными» районами были также «Водопой», «Белый дом», «Дачи», «Желдор», «Сухой фонтан», «Ракетка», «Осляча горка». Позднее, по мере застройки, – «Старый Юг», «Новый Юг», а в Октябрьском – «Париж», «Завод» и «Берег». В целом, всех не вспомнишь. И пусть меня простят читатели, районы которых я не назвал...

Территориальные молодёжные объединения 50–70-х не стоит однозначно воспринимать как бандитские шайки, которые только тем и занимались, что резались и дрались. Нет! Это был целый мир, в котором в тонкую кисею бытия сплелись человеческие отношения и судьбы, взлёты и падения, победы и поражения. Здесь было всё, без чего мы не мыслим нашу молодость: заветная скамейка во дворе, вечерние посиделки тихими тёплыми николаевскими вечерами, кулёчки из газетной бумаги с ароматными жареными семечками, купленными у бабуся, сидящей у ворот своего двора, песни под гитару,



походы на речку, дворовой футбол, а у девочек – «классики» и скакалки. Здесь же соседствовали большая любовь и жгучая ненависть, соперничество и взаимопомощь, ментовские набеги, обыски и лагеря...

Всем, кто читает это, надо понять главное: в то время дрались не за деньги, а за честь. Не за раздел территорий между бандами беспредельщиков-ркетиров, отбирающих жалкие рубли у мёрзнувших на холоде торговцев ботинками и носками, а за «свой район», свой мир, который дорог сердцу. Пацанами двигала не корысть, а гордость, самоутверждение, и «праздновать труса» считалось позором.



## Что в имени тебе моём?



В каждом районе и каждом дворе тогда были свои авторитетные ребята, имена (вернее – клички) которых были известны всему району. А иногда – и всему городу. И хоть существовали они в разные временные отрезки, имена их запомнились, как запомнилась вот эта песня Булата Окуджавы:

*Во дворе, где каждый вечер всё играла радиоло,  
где пары танцевали, пыля,  
все ребята уважали очень Лёньку Королёва  
и присвоили ему звание «Короля»...*

На «Сталинце» были известны братья «Акробаты», «Пыня», «Нос». В «Молочном дворе» – «Граф». На «Красном доме» – братья Гольцевы. В «Желдоре» – «Глада», «Бухгалтер», «Полицай», «Рулик», «Нюша». В «Соляных» – «Юрка Карел», «Ткачик». В «Лесках» – «Меля», «Беля», «Диля», «Зил».

В начале 80-х в районе 17-й школы в Лесках сформировалась группа ребят, которые ездили вместе на мопедах «Верховина». Вероятно, из-за красного цвета этих мопедов их и прозвали «пожарники». Среди них были известны «Акула», «Дунай», братья Горбатовы.

А уж такие «имена», как «Бэст», «Ляня», «Солтус», «Боб», «Хан», «Бурбон», были известны всему городу. Они были значительно старше по возрасту, начинали свою «карьеру» в блатном мире ещё на рубеже 50–60-х, и многие из

них прошли испытание не только «улицей», но и лагерями. Эти уже не дрались «район на район», а проворачивали куда более серьёзные дела, пахнущие уже не романтикой, а криминалом. И каждое происшествие с их участием отзывалось в городе громким и жутковатым эхом (не в газетах, конечно, в которых тогда ничего «такого» не писали, а в людской молве). «Бурбон» и «Солтус» «прославились» тем, что в начале 70-х (примерно в 1973-м) в ресторане на Сухом фонтане зарезали одного из лучших игроков николаевского «Судостроителя» – футболиста Кималова.

Но убивали не только они. Их тоже убивали. И ещё как...

Одним из первых был убит «Хан». Его застрелили ещё в 60-х из весьма диковинного приспособления – стреляющей авторучки, сработанной, как говорили, неким умельцем на одном из николаевских заводов. Позже были убиты «Боб» и «Ляня». Много шума в городе наделало убийство «Бэста». Он был расстрелян из ружья прямо в зале ресторана за столиком. Сделал это один человек, пожелавший ему отомстить...

Следует сказать, что заполучить громкое прозвище среди ребят было не так-то просто. Иногда это зависело от фамилий, часто – от внешнего вида или особых примет (шрамы, заикание, косоглазие, рыжий цвет волос). Согласитесь, что носить прозвище «Седой», «Князь», «Француз», «Аристократ» куда приятнее, чем быть «Сморчком», «Курдюком» или «Гнидой». Поэтому нередко пацаны физической силой «отсекали» попытки окружающих приклеить им обидные прозвища. А более дальновидные (было и такое) даже приплачивали малышне в школе мелочь на пирожки, чтобы те звали их на людях желаемым прозвищем.

В нашем дворе на Пёсках был пацан, который требовал, чтобы его звали «Лордом», но кличка к нему так и не приклеилась, ибо он был двоечник, умом не блистал и авторитетом не пользовался. В результате ребята за глаза звали его «Лордик-мордик».

### «Ледовое побоище»

Массовые драки между представителями районов города в тёплое время года происходили на открытом воздухе. Зимой и осенью – в клубах на танцах, на школьных вечерах. Драка зимой на открытом воздухе была не характерна. Но, как минимум однажды, такое произошло.

Был морозный, погожий, солнечный зимний день. Реки сковало льдом. Пацаны вывалили на

лёд кататься на коньках и играть в хоккей. Малышня каталась на «снегурочках», кто постарше – на «дутьяшах», «ножах» и «хоккейных».

Мороз совершил чудо, которое никак не могут совершить городские власти, – соединил ледяным мостом районы города, которые находятся в двух шагах друг от друга, но разделены рекой. Разделённые в тёплое время водами

Ингула Соляные, Темвод, Ракетное урочище и Слободка вдруг стали единым целым. И до них не надо было теперь добираться по 40 минут. В этот день пацаны изо всех районов катались вместе на льду Ингула.

Всё было хорошо, пока пришедшие на лёд слобожане не решили «взять верх». Точно уже никто не помнит, с чего всё началось. То ли кто-то кому-то чего-то сказал, то ли они попытались отобрать у кого-то коньки (вещь по тем временам весьма дорогую), только началась драка. Вскоре и те, и другие послали за подмогой. А когда «подстава» прибыла, началось массовое побоище на льду. Били друг друга кулаками, палками, коньками. Победителей не было, досталось всем...

Следует заметить, что масштабы описываемого нами явления (и не только в данном случае,

а вообще) были велики. В одной-единственной драке «район на район» могли одновременно принимать участие от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Автору этих строк в 1972-м году довелось наблюдать массовое побоище в районе Яхт-клуба и стадиона «Судостроитель». Масштаб «сражения» был таков, что несколько машин милиции и «скорая помощь» ничего не могли сделать. Подразделений органов внутренних дел, специально натренированных на подавление массовых беспорядков, в те спокойные годы ещё не существовало. Поэтому милиция и «скорая» всего лишь присутствовали на этом побоище. В события они не вмешивались, а просто ехали за хаотично перемещающейся по «центряку» проспекта Ленина толпой и подбирали «готовеньких»...

### «Гонка вооружений»

Приёмы боя и орудия, применявшиеся в уличных разборках, заслуживают отдельного описания. Следует отметить, что сразу после войны город был буквально наводнён огнестрельным оружием. А уж о холодном и говорить нечего. Винтовки, пистолеты, режее – автоматы были буквально брошены отступающими немецкими войсками и валялись на улицах. Брошены были целые склады артиллерийских снарядов, обмундирования, гранат. Там можно было достать всё. Весь этот смертоносный хлам долго ещё убирали с улиц, обезвреживали и переплавляли на заводах города в металл.

Вернувшаяся в город советская власть относительно быстро заставила основную массу горожан сдать эти опасные игрушки. Тем не менее, послушались её не все. У некоторых горожан в укромных местах ещё долго были спрятаны завёрнутые в промасленную тряпочку советские «Наганы» и «ТТ», немецкие «Парабеллумы» и «Вальтеры».

Но применяли их очень редко. Обычно дрались врукопашную. Это не были классические приёмы какого-либо определённого вида борьбы. Это была жёсткая и реальная уличная драка с применением всех возможных приёмов и всего, что попадёт под руку. Драка без пощады. В таких стычках существует железное правило: никого не жалеи, но и не жди, что кто-то станет жалеть тебя...

Это только в народных былинах облачённые в сияющие доспехи богатыри сражаются со своими противниками без перерыва по три дня, сверкая булатными мечами и вгоняя друг друга



в землю по колено, да в американских боевиках противники дерутся по полчаса, картинно демонстрируя красивые приёмы боя. В реальной жизни бой всегда скоротечен и порой противника валят наземь после первого же удара. Фигурально выражаясь: «второй удар – по крышке гроба».

О так называемых восточных единоборствах в те времена пацаны в Николаеве ещё слыхом не слыхивали. А потому в дворовых и уличных схватках противники наносили друг другу удары руками и ногами, норовя попасть в лицо, под дых или в пах.

Что же касается разборок «район на район», то там вообще трудно было говорить о каких-либо правилах. В массовой драке правил не существовало и могло произойти всё что угодно.

Очень часто (практически всегда) на разборку «район на район» ребята брали с собой «приправу». Так называли подручные средства, которые каждый мастерил для себя сам.

По вечерам, идя на прогулку или на танцы, пацаны клали в карман нож. Ножи были разные:



бандитские «пёрышки», финки, «бабочки», выкидные ножи – «кнопари», на «крайняк» – перочинные ножички.

Некоторые из ножей представляли собой настоящие произведения искусства. Изготовленные с любовью к своему делу руками опытных, отсидевших не один год в лагерях зеков, они поражали взор изяществом линий и аккуратностью исполнения. Наборные пластмассовые рукоятки, полировка, наличие «усиков» (гарда), гравировка на лезвии и «кровосток», великолепная заточка клинка – вот обычные достоинства этих ножей. Тем, кому довелось их повидать и подержать в руках, теперь с кислой улыбкой глядят на халтурные произведения нынешних заключённых. Печально, но факт: старая школа исполнения зековских ножей (равно как и сработанных из прозрачного пластика перстней, брелочков, мундштуков, браслетов для часов, набалдашников для тростей и рычагов передачи скоростей в автомобилях) безвозвратно канула в Лету. Состарились и ушли из жизни, унеся с собой в могилу секреты своего ремесла, великие мастера этого своеобразного народного промысла.

Впрочем, основная масса пацанов, участвовавших в разборках «район на район», пользовалась совсем другим «оружием». В ход шли обычные палки, металлические прутья, велосипедные цепи, обрезки арматуры, свинцовые «наполнители» для кулака, кастеты, заточки и швайки. Позже (уже в 80-х) появились нунчаки и самопальные однозарядные «волыны», сработанные под малокалиберный патрон.

Достать и таскать с собой настоящее оружие было «стрёмно»: милиция, дружинники и оперативники из молодёжных оперотрядов строго следили за этим и могли «обшмонать» на улице кого угодно. А в случае, если «на кармане» обнаруживали один из таких смертоносных предметов, его владельцу «светил» конкретный срок. Но «голь на выдумки хитра», и николаевские пацаны изобретали всё новые виды «оружия», которые не попадали «под статью». Это были порой самые обычные бытовые предметы, слегка «переработанные» для применения в бою. Так, обычная отвёртка, сточенная на наждаке,

превращалась в заточку-«швайку». Массивная бронзовая гайка, обработанная уличными «мастерами», – в замаскированный зубодробительный перстень-кастет. Здесь вместо печати были шипы в виде пирамидок или в виде головы орла с крылышками.

Ярким примером таких уловок, направленных на избежание ответственности за ношение оружия, являлись обычные, продававшиеся в любом хозяйственном магазине металлические складные метры. Наши николаевские «умельцы» приспособили этот измерительный прибор для других целей... Обычный метр имеет 10 звеньев по 10 сантиметров каждое. Чтобы полностью раскрыть его во всю длину, необходимо потратить определённое время и приложить усилия, раскладывая каждое тугое звено поочерёдно. В драке, когда дорога каждая секунда, такие потери времени неприемлемы. А потому складной метр слегка «усовершенствовали». Прежде всего, отвёрткой расковыривали «суставы» метра, расслабляя каждый из них. В результате, чтобы разложить метр, достаточно было просто, удерживая его за крайнее звено, отпустить все остальные звенья.

Края метра по всей его длине остро затачивали на наждаке.

И если «дело пахло кетросином», пацан выхватывал из кармана метр, и у него в руках мгновенно оказывалась гибкая, отточенная, как бритва, метровая металлическая полоса. Ею удобно наносить секущие удары в лицо, по рукам, шее и любым открытым частям тела. Порезы от такого оружия бывали не шуточные. К тому же, рассекая воздух, метр противно свистит, пугая противника и подавляя его волю.

Впрочем, эти уловки мало кого могли ввести в заблуждение. Милиция однозначно оценивала такие штуковины как «предмет, приспособленный для нанесения телесных повреждений». И главным признаком такого предмета было то, что его уже невозможно использовать по его прямому назначению. Ведь заточенной отвёрткой шуруп уже не вкрутишь. А метром, у которого по краю сточена вся градуировка, уже ничего не измеришь.



"Холодняк"

Моряки дрались на танцах умело и отчаянно, обрушивая на головы противников начиненные до блеска латунные пряжки своих чёрных кожаных ремней. При этом захват ремня был такой, что даже при открытой ладони вырвать его из руки моряка было невозможно.

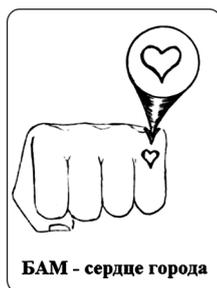
Блатари пускали в ход «пёрышки». В пивных прямо во время драки делали себе из бутылки «одесскую розочку» (разбитая бутылка, которую держат за горлышко) и «расписывали» ею ненавистную рожу противника.

## Конец эпохи

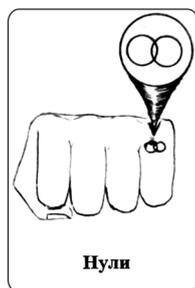
80-е годы ознаменовались войной в Афганистане, массовым распространением в подростковой среде наркомании (при полном отрицании официальными властями её существования в СССР), тяжкой моральной деградацией всех слоёв молодёжи, распадом официальной идеологии, душевной пустотой и неверием людей.

Общественная ситуация не могла не сказаться и на таком явлении, как разборки «район на район». Прежде всего, рухнули и развалились

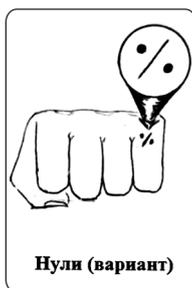
огромные территориальные объединения. Происходит дробление больших районных группировок на мелкие. Уходят в прошлое такие понятия, как Честь, Справедливость, Достоинство, Правила. Это уже не романтика. Это криминал!



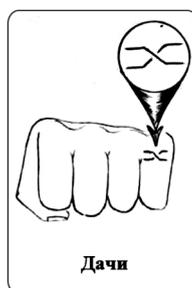
БАМ - сердце города



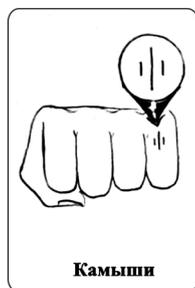
Нули



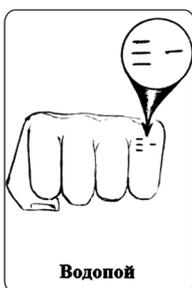
Нули (вариант)



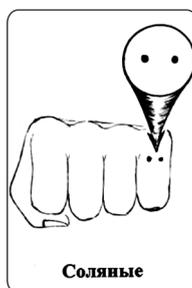
Дачи



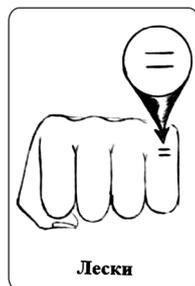
Камыши



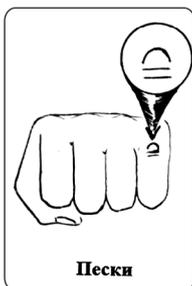
Водопой



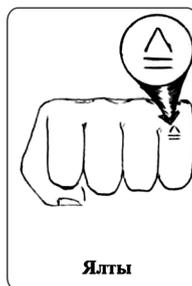
Соляные



Лески



Пески



Ялты

Обычным делом становится «дуэль по-николаевски» – десять на одного. Парня, идущего с девушкой, теперь могли при ней избить и унижить, а девушку «обидеть», как захотят.

Основными фигурантами событий на районе в эти годы становятся уже не мальчишки из соседнего двора, а молодые бандиты, лишённые каких-либо принципов, понятий о чести и совести, на постоянной основе занимающиеся вымогательством, воровством, грабежами, разбоем, наркоманией, насильственными половыми извращениями. В их головах вместо мозга – сироп из маковой соломки, «дури», димедрола, промедола, элениума, реланиума, паркопана и чёрт знает чего ещё.

Эти воруют уже не от голода, а от жадности. А дерутся не за честь района, а за раздел участков для рэкета. Их «закон» – «беспредел»!

Я не хочу сейчас писать об этих новых «королях» Николаева, чтобы не испортить неповторимый колорит нашей молодости, не разорвать тонкий флёр своеобразной «героики» и романтики, который по сей день окутывает те далёкие времена, не обидеть пацанов, которые дрались в наше время не за выгоду, а за честь. Не хочу их валить в одну кучу с мерзавцами.

## Тайные знаки

На излёте эпохи, в 80-е годы, чтобы избежать разборок на тему: «Ты с какого района?» (произносить эту фразу полагалось через нос, растягивая слова), участники районных группировок начинают «метить» кисти рук условными знаками. Первыми до этого додумались ребята из Лесков. Они татуируют на фаланге левого мизинца маленький, но вполне заметный значок: две чёрточки – знак равенства. «Союз Лесковской молодёжи» становится мощной, многочисленной молодёжной территориальной группировкой. Вслед за ним метят себя и другие районы: «Сталинец», «Слободка», «Камыши», «Старый Юг», «Новый Юг», «Водопой», «Пески», «Дачи», «Нули», «БАМ», «Варваровка», «Северный», «Соляные», «Париж», «Завод», «Берег». Всех не перечислить.

Наличие метки на пальце означало, что её владелец «вхож на район», знает авторитетов,



пользуется поддержкой и защитой своей группировки. И наоборот: если у тебя нет на пальце значка – значит, ты беззащитен и с тобой можно делать всё что угодно... В таких условиях массовые драки между районами уходят в прошлое.

Впереди – лихие 90-е с их тотальным рэкетом, «бригадами», заказными убийствами, «новыми русскими», малиновыми пиджаками, радио «Шансон», властью бандитов и бандитами у власти.

## Последний бой

Последним звеном в цепи массовых драк в Николаеве уже в 80-е годы стали события возле 8-го ПТУ, которое находилось на ул. Карпенко – на «Первом КП».

Завязка этой истории произошла неподалёку – на стадионе «Судостроитель». Во время прогулки благные из Лесков «заскубались» с приезжими ребятами из одной из союзных республик Средней Азии, которые учились в ПТУ на Строителей. Те не позволили себя обидеть, что вызвало у «хозяев города» ненависть и бешенство. Через пару дней «хозяева города» попытались вломиться в ПТУ на танцевальный вечер, чтобы «наказать» непокорных. Но не тут-то было: на входе в ворота училища стояли взрослые – учителя и мастера. Попытка прорваться силой успеха не имела. Тогда «хозяева города» камнями выбили все окна в учебном корпусе училища, выходящие на улицу Карпенко. Они заявили, что всё равно накажут «чурок», и взяли училище в осаду.

Во многих квартирах по всему городу «ожили» домашние телефоны (мобильных тогда ещё не было). По всем территориальным группировкам Николаева прокатился клич: «Наших бьют!» На следующий день из всех концов города к 8-му профтехучилищу стали подтягиваться «силы». Десятки человек шли пешком, приезжали на мотоциклах. Из дальних районов к центру города прибыли несколько трамваев, до отказа набитых

«бойцами». Осаждающие группами расположились во дворах лесковских «хрущёвок» и выставили дозорных напротив училища.

Видя, что «дело пахнет керосином», милиция и управление образования приняли соответствующие меры. На входе в училище был поставлен круглосуточный милицейский пост. Управление образования дало указание заместителям директоров по воспитательной работе и классным руководителям лесковских школ поочередно дежурить у входа в училище, чтобы опознать среди анонимной массы «осаждающих» своих учеников и «принять меры».

Противостояние было нешуточным и длилось около недели. Приезжих учащихся из Средней Азии дирекция спрятала в училище и за ворота не выпускала. К этому времени милиция успела подготовиться.

О том, что произошло потом, в прессе не писали (в советское время о таком вообще не принято было сообщать). Но в кругу лиц, допущенных к «решению вопроса», поговаривали, что именно тогда в Николаеве впервые был применён недавно сформированный отряд милиции особого назначения (ОМОН), предназначенный для подавления массовых беспорядков. Зарвавшихся «хозяев города» исполосовали дубинками, бросили в милицейские будки и увезли в каталажку. Так закончилась в Николаеве эпоха массовых побоищ.

## Послесловие

С той поры прошло много лет. И сегодня старики, давно живущие в этом городе, загадочно улыбаются себе под нос, читая очередное «сенсационное» сообщение Интернет-сайтов о том, что в Николаеве на Соборной площади произошла массовая драка, в которой приняли участие аж... 20 человек.

Встречаясь сегодня с поседевшими, облысевшими и прихрамывающими мальчишками 50-х и 60-х, бывает, и заведём разговор о том, что творилось на улицах города в те далёкие годы.

Повзрослевшие и поумневшие пацаны, участники этих событий, без особого восторга и ностальгии вспоминают о битвах «район на район». Они давно поняли, что блатная романтика дорого им обошлась. Практически все они имели в своё время неприятности с администрацией школ, в которых учились. Кто-то был подававшим надежды футболистом, а его за драку «турнули» из второго состава команды «Судостроитель». Множество пацанов попали на учёт в милицию. Кого-то подрезали. Многие отправились на зону, а кое-кто и вовсе на тот свет...

Много воды утекло с тех пор в Ингуле и Южном Буге, и лишь старые шрамы на теле напоминают старикам об их тревожной молодости...

Виталий СИНЯВСКИЙ

## ФЕХТОВАЛЬНАЯ ДОРОЖКА ОЛЬГИ ХАРЛАН



Из спортивного досье. *Ольга Харлан родилась 4 сентября 1990 года в Николаеве. Заслуженный мастер спорта, олимпийская чемпионка 2008 года в женской командной сабле (Пекин), бронзовый призёр Олимпийских игр 2012 года в Лондоне, серебряный и бронзовый призёр Олимпийских игр 2016 года в Рио-де-Жанейро, победительница I Европейских игр в командной сабле (2015), чемпионка мира в личной (2013, 2014, 2017) и командной сабле (2009, 2013), обладатель двух серебряных медалей чемпионатов мира в индивидуальном первенстве (2009, 2010), семикратная чемпионка Европы. Всего на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы завоевала более 30 медалей! Награждена орденами «За заслуги» 1, 2 и 3-й степени. Представляет спортивный клуб «Динамо». Тренер – Юрий Марченко.*

Август 2008 года. Пекин. Финал командного турнира сабlistок на летних Олимпийских играх. Спортивные эксперты в один голос прочат «золото» китайкам, хозяйкам фехтовальной дорожки. Ещё бы, ведь им противостоят юные украинки,

самой старшей из которых, Елене Хомровой из Николаева, совсем недавно исполнился 21 год. Её землячке Ольге Харлан и вовсе только семнадцать! Чего ждать от необстрелянной юниорки?

И вот решающий бой. На дорожке Ольга Харлан. Сборная Украины проигрывает четыре очка, китайкам для победы нужно два укола. Всего два. Трибуны ликуют, никто не верит, что хозяйки уступят «золото» украинкам, но юная николаевская сабlistка совершает чудо и выигрывает свой мини-бой со счётом 6:1! 45:44! Всего в этом матче Ольга Харлан нанесла китайкам 22 укола из 45. Половина победы равная целой победе! Миллионы почитателей спорта смотрели этот бой с сердцем, выскакивавшим из груди. А я после феноменальной победы николаевской фехтовальщицы гордился тем, что эта солнечная девчонка – моя землячка!

После этого триумфа в карьере Ольги Харлан было много громких побед, медалей Олимпиад, чемпионатов мира и Европы. Но эта первая олимпийская награда, сенсационно завоёванная девять лет назад, пока остаётся главной в её карьере.

...Минувший сезон получился у знаменитой николаевской спортсменки просто удивительным. После операции на плече и реабилитации, которая продлилась полгода, возвращение на фехтовальную дорожку получилось просто триумфальным – сразу же победа на этапе кубка мира в Тунисе!

А потом было великолепное выступление на чемпионате мира в Лейпциге, где Ольга просто разметала соперниц на пути к своему очередному «золоту». Ей не было равных и на этапе кубка мира в бельгийском Синт-Никласе, и на этапе серии Гран-при в мексиканском Канкуне. Ольга вновь и вновь подтверждала, что именно она – лидер мировой сабли!

Десятый раз подряд николаевские журналисты признали её лучшим спортсменом Николаевщины. А я в десятый раз с удовольствием взял интервью у легендарной сабlistки. И снова-таки по традиции пришлось делать это по телефону, ведь свой короткий зимний отпуск чемпионка проводила в Буковеле.

**– Ольга, почему для отдыха выбираете украинский Буковель, а не солнечные заграничные курорты?**

– Я очень люблю кататься на сноуборде! Да и не так далеко Карпаты. Легко собраться с друзьями и отправиться туда. Что мы и делаем уже много лет. Исключением был только 2016 год, когда я восстанавливалась после операции в Бостоне.



**– После затяжной паузы в выступлениях Вы с ходу выиграли этап кубка мира, а затем и чемпионат мира. Для самой не стало это сюрпризом?**

– Это удивительно! Честно признаюсь, была к такому не готова. В мае в Тунисе просто хотела показать, что я вернулась. Хотя готовилась к соревнованиям ещё с марта, преодолевая боль в плече. Хотела хорошо выступить на чемпионате Европы в Грузии. Не получилось. Настраивалась на чемпионат мира, много тренировалась, делала «работу над ошибками». И это принесло результат.

**– В финале чемпионата мира Вашей соперницей стала Азза Бесбес из Туниса. Вам приходилось с ней встречаться в поединке?**

– Она столько раз проигрывала за выход в четвёрку... Причём дважды на Олимпиадах – со счётом 14:15. Поэтому я очень рада, что она попала в финал. Азза – спортсменка с характером, хорошей школой. Конечно же, на дорожке я опасалась её. В финале слабых соперниц не бывает.

**– В финале этапа серии Гран-при в Мексике другой Вашей соперницей была итальянка Ариана Эрриго – лидер мировой... рапиры. Что отличает её манеру фехтования? Исчезли из протоколов соревнований россиянка София Великая и Мариэл Загунис. Конкуренция в женской сабле уменьшилась?**

– Да, у бывшей рапиристки Арианы другое мышление, тактика и исполнение – всё отличное от саблисток. Было тяжело предугадать её действия. Ей ещё придётся освоиться в новом виде спортивного оружия. За последние месяцы итальянка прибавила в скорости, прогрессирует. Загунис уже приступила к тренировкам, а София Великая недавно объявила о своём возвращении на дорожку. Но и без них конкуренция не стала меньше. Подросло новое поколение. Прибавила француженка Манон Брюне, есть юная венгерка Лиза Пуштаи, другие девчонки. Они растут на глазах. И Загунис, и Великой будет очень непросто, когда они вернуться. Но я надеюсь, что наш опыт будет брать своё.

**– Россиянку Яну Егорян, которой проиграли в полуфинале Олимпиады-2016, Вы трижды побеждали в 2017 году. Что тогда случилось-то в Рио-де-Жанейро?..**

– До сих пор анализирую тот поединок. Допустила много ошибок, это был бой, которому не место на Олимпиаде... Всё фехтование изменилось с того времени. Девять лет назад мы были очень медленными, сейчас на дорожке всё происходит в десять раз быстрее. Все прибавили в скорости, в тактике. А ещё на меня в юные годы не давил груз ответственности. Такая себе неопытная юниорка, которая попала в команду и выиграла Олимпиаду. Теперь же от меня ждут только побед.

**– За последний год состав сборной Украины, которая выиграла «серебро» в Рио, в силу разных причин значительно обновился. Шанс проявить себя в команде получили молодые, в том числе Елена Прокуда и Александра Мамонтова из Николаева? Журналисты видят в них будущих спортивных звёзд.**

– Ещё рано кого-то выделять. Каждый заслужил быть в команде. Но каждому предстоит огромная работа, осознание того, для чего ты на дорожке. Новичкам порой трудно найти мотивацию к такому труду. Что касается моих партнёров по серебряному олимпийскому квартету, то Елена Воронина и Алина Комащук уже восстановились после травм и готовы фехтовать.

**– Как поживает Ваше плечо?**

– Правое плечо давно меня беспокоило, связка была повреждена из-за постоянных спортивных нагрузок. Фехтовала через боль, фиксировала повреждённое место повязками, делала массажи, чтобы не усугубить травму. С операцией временила до завершения Олимпиады в Рио-де-Жанейро. Но теперь решила уделить время своему здоровью. Есть некоторая боль, но это терпимо. Не встречала профессиональных спортсменов, которые были бы абсолютно довольны своим физическим состоянием. У каждого что-нибудь болит... Раньше говорила: до свадьбы заживёт. Сейчас уже говорю – после свадьбы.

**– Ваш муж Дмитрий Бойко работает тренером в американском Бостоне. Вы в Украине. Как общаетесь, проводите свободное время?**

– Сейчас по скайпу. Мы встречались четыре с половиной года, потом год жили под одной крышей в Николаеве. А в 2015 году просто узаконили наши отношения. Во время свадебного путеше-



ствия покорили Говерлу, побывали во Львове, Черновцах, Каменце-Подольском. В Буковеле катаемся на сноубордах. Мне этот спортивный снаряд очень нравится. Мы купили с Димой собственные сноуборды.

Что касается свободного времени, то на хобби времени катастрофически не хватает. После операции на плече во время реабилитации в Бостоне брала курс рисования. А потом опять начались тренировки, соревнования. А спортивная жизнь – это вечный цейтнот, времени нет даже почитать нормально, посмотреть фильм. Стараюсь учить на досуге английский язык, словарь всегда со мной.

**– Какие планы в 2018 году?**

– Традиционные. Хорошо выступить на чемпионате Европы, который состоится в Сербии, и на чемпионате мира в Китае. А ещё не оплошать на пяти этапах кубка мира и серии Гран-при.

**– У каждого саблиста наступает момент, когда он вешает оружие «на гвоздь». Не задумывались, кем будете, когда произойдёт это событие?**

– Ну, может, тренером. А может, сноубордистом. Не знаю. Пока спорт на первом месте. О нём все мысли.

**– Как заявила некоторое время назад бывший заместитель министра молодёжи и спорта Нина Уманец, Россия сулила вам баснословные деньги и квартиру, чтобы приняли гражданство этой страны. Как вы реагируете на подобные предложения?**

– Ну, ответ вы знаете. Я – украинка и всегда буду выступать за сборную Украины. А с такими предложениями пусть обращаются к кому-нибудь другому.



Любовь ВАРЮХИНА

## «А САДИВ Я ДУБ І САДИВ Я ГРАБ»

*Традиция называть парки именами писателей и поэтов существует во многих странах мира. Николаев не исключение. У нас любят отдыхать в сквере Тараса Шевченко, при въезде в город гостей встречает уютный зелёный уголок с памятником А. С. Пушкину. Мы свидетели рождения нового, Литературного, сквера.*

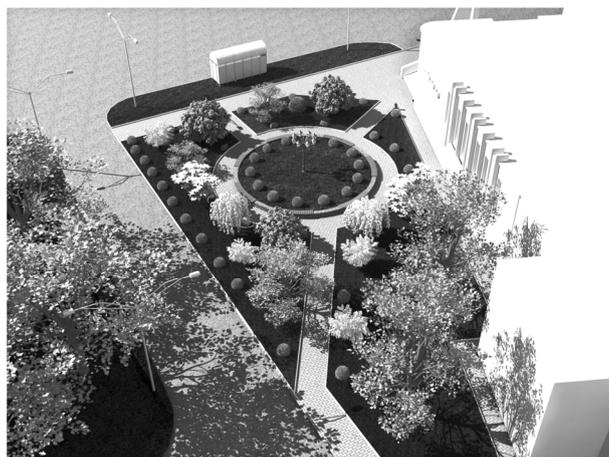
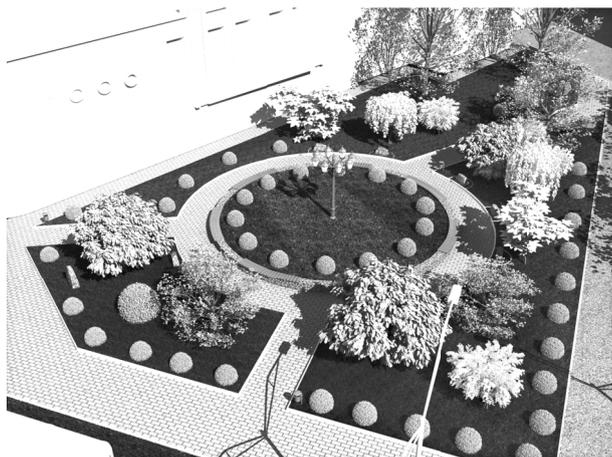
Небольшая справка. Литературный сквер, или сквер «Литератор» (по официальным документам), расположен на территории, прилегающей к Центральной городской библиотеке им. М. Л. Кропивницкого по улице Потёмкинской, 143а. Это исторический район города, где в начале двадцатого века в Саду трезвости (в прошлом парк Петровского, ныне парк «Народный сад») отдыхали жители слободки и устраивались бесплатные публичные лекции.

У сотрудников библиотеки была давняя мечта – благоустроить находящуюся рядом со зданием зелёную зону для проведения литературных вечеров под открытым небом, громких чтений и других культурных акций. Идея пришлась по душе поэтам и прозаикам – членам областных творческих организаций. В 2011 г. воплотить идею в жизнь помог благотворительный фонд «МЕТА», который ежегодно при участии департамента ЖКХ Николаевского горсовета организует в библиотеке общественные чтения «Сохраним для потомков». Экочтения – крупное просветительское мероприятие, оно призвано демонстрировать лучшие примеры городской экологической политики и культуры. Одним из таких примеров и стал проект «Литературный сквер». Общественную инициативу создания зелёной зоны с «литературным» уклоном поддержали местные власти. Городское управление экологии приняло участие в реализации благородного замысла.

Сквер полностью «принадлежит» улице Потёмкинской. Он расположен на бойком месте, где всегда много прохожих, играют дети, школьники и студенты спешат на учёбу, читатели – в библиотеку, пассажиры ожидают трамвай – хочется присесть на скамейку рядом с зелёным газоном. Площадь сквера невелика – всего 500 кв. м, но даже на таком небольшом пространстве можно воплотить множество полезных замыслов. Ландшафтные дизайнеры предложили писателям и поэтам высадить «именные» деревья. В центре предполагается небольшая освещённая площадка с зоной Wi-Fi, где библиотека планирует организовать литературно-творческие вечера, а жители близлежащих домов смогут проводить свой досуг. На сайте библиотеки размещена 3D-модель сквера, созданная молодым дизайнером А. Ключевым (страница «История Центральной библиотеки»).

Торжественная закладка состоялась 28 октября 2011 г. в рамках IV городских экологических чтений. Они проходили в год поэзии Эмиля Январёва, чьё творчество навсегда вошло в историю культуры корабельного края. Вдова поэта Л. П. Костюк высадила в сквере первый саженец – рябину. Из её уст тогда прозвучали замечательные строки поэта. Январёв умел жить в гармонии с природой, черпать в ней и вдохновение, и нравственные уроки:

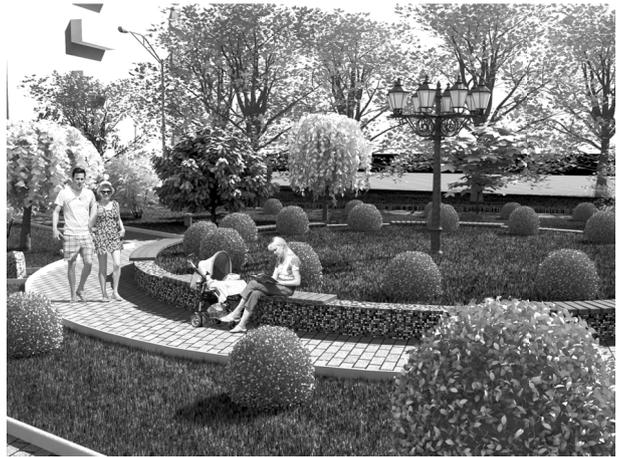
<http://niklib.com/biblioteka/history.ua>.



*Ни единая травинка  
не повздорила со мной.  
Был я кровною кровинкой  
Этой прелести земной.*

Как знать, возможно, именно с этих строк будет начинаться экскурсия по Литературному скверу.

В 2012 г. сотрудники библиотеки совместно с городским управлением экологии продолжили благоустройство. В ту весну, во время X юбилейной выставки «Николаевская книга», были высажены саженцы в честь николаевских поэтов-юбиляров, лауреата Национальной премии Украины им. Т. Г. Шевченко, поэта, публициста и переводчика Дмитра Креминя. Информацию о нём сегодня можно найти и в англоязычной Википедии. Ещё один саженец был высажен в память ушедшего из жизни Валерия Бойченко, лауреата Всеукраинских литературных премий им. П. Тычины, А. Олеся, автора замечательных книг лирики «Сонячні кола», «Книга Леля», «Хай вам засяє любов», «Три зошити». Обладателем именного дерева стал и поэт Вячеслав Качурин, который пришёл на «зелёный» праздник с любимой гитарой. Литературный сквер в тот год украсили три дерева: дуб высадил Д. Д. Креминь, черёмуху – В. Т. Качурин, граб в честь В. П. Бойченко – филолог и общественный деятель Т. Д. Креминь, ныне Народный депутат Верховной Рады Украины.

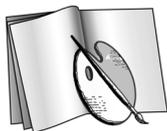


Весной 2013 г. саженцы опустили в землю ещё три николаевских литератора. Известный учёный, историк судостроения и г. Николаева Ю. С. Крючков поручил высадить магнолию своему книгоиздателю В. В. Торубаре (из-за болезни сам не мог это сделать). Поэт, главный редактор газеты «Вечерний Николаев» В. Ю. Пучков избрал берёзку, а популярный прозаик и драматург А. А. Маляров – саженец катальпы. Это очень красивое экзотическое дерево с большими, в форме сердца, листьями и длинными стручками-семенами, получившее за свой вид название «небесного дерева» или «дерева со слоновьиими ушами». К слову сказать, все саженцы хорошо прижились, может быть, и потому, что были заботливо выращены на николаевской земле, в питомнике «Зеленхоза».

История нашего зелёного уголка не завершена. Николаевцев, принимающих деятельное участие в благоустройстве города, много, но стоит всё-таки назвать несколько имён и организаций, которые проявляют особую заботу о будущем Литературного сквера. Это исполняющий обязанности начальника управления экологии и природных ресурсов Николаевской ОГА Д. А. Мац, начальник управления экологии горсовета В. Г. Корчагов, администрация Центрального района города, депутат горсовета О. В. Грипас, члены оргкомитета городских экологических чтений.

В 2018 г. проект реконструкции сквера победил в конкурсе программы «Общественный бюджет». Впереди работы по благоустройству зелёной зоны в комплексе с установкой креативных скамеечек и трамвайного павильона на остановке близ библиотеки. По замыслу сквер должен стать комфортным уголком отдыха и культурного досуга горожан, читальным залом под открытым небом, местом литературных встреч и просто удобного ожидания транспорта в тени деревьев. Сквер покроют зоной Wi-Fi, установят устройство для подзарядки мобильных телефонов, лайтбокс для размещения афиш городских культурных событий, а «литературные» скамейки украсят поэтическими строками, посвящёнными городу Николаеву. Найдётся здесь место и для Буккроссинга (прочитал книгу – оставь другому).

Просветительская жизнь сквера только начинается, а «зелёная» уже продолжается. Весной здесь первой зацветает роскошная магнолия. Белые душистые цветы привлекают внимание и вызывают искреннее удивление горожан. Осенью ярко-красным цветом горят кисти рябины Э. Январёва. Люди и птицы радуются гроздьям. Черёмуха поэта В. Качурина на зависть всем окружающим пышно цветёт. Стройная берёза стремится ввысь, символизируя высокий строй гражданской и любовной лирики В. Пучкова. Крона катальпы круглеет и равномерно разрастается, её причудливые формы дарят прозаику А. А. Малярову вдохновение, он ежедневно прогуливается рядом с библиотекой. Крепко вросли в землю корни дуба Д. Креминя и граба В. Бойченко. Два мощных дерева поэзии украшают литературную жизнь Украины, и долгая судьба predetermined им в художественной биографии нашего города. «А садив я дуб і садив я граб», – писал Д. Креминь («Литературный сквер»).



Алексей ТОРХОВ

## ЗМИЕРОГЛИФ «ЖИЗНЬ»

Последняя картина Алексея Маркитана

*Они съедят твою плоть, как хлеб,  
И выпьют кровь, как вино;  
И взяв три рубля на такси,  
Они отправятся к новым победам...*

Борис Гребенщиков

### Картина-ритуал

Безголовые курицы бегут, разбрызгивая кровь... Первая реакция – шок! Вторая (внутренне морщась) – мысль: «Ну вот, опять... эстетика диссонансов от Маркитана»...

Картины делятся на три вида. Которые можешь повесить в спальне, разрешая им заходить в свои сны. Которые впускаешь в свой дом, как гостей, делясь кровом и хранящими стенами. И те, которым место в музее. Этой – самое место в будущем николаевском музее «тысячи художников» – невероятной Бла-бла-бла-ковской художественной галерее. Я искренне верю, что когда-нибудь она возникнет, что рано или поздно среди людей, успешно конвертирующих совесть в деньги, найдётся хоть один истинный меценат. И переполнится поиском золотого сечения души. И вставит в название Галереи вместо разговоров (бла-бла-бла!) свою фамилию. (Не верите? Но сумел же это сделать Третьяков). Последняя картина Алексея Маркитана «Скоро Пасха!» будет там среди первых. Ведь в основе её – ритуал, циклично устремлённый в Вечность...

### Как о живом

Совсем недавно в беседе с товарищем я увлёкся и стал рассказывать о мировоззрении Алексея Маркитана. Он удивлённо заметил:

– Ты о Маркитане говоришь как о живом, в настоящем времени!

– А как иначе?..

А действительно, как? Я по-прежнему веду с ним диалог. Мысленно спрашиваю. Он отвечает. Своим задумчивым молчанием. Своими красноречивыми картинами. Люди, ведь он и в самом деле



«Исход» (фрагмент).  
90x100 см. Холст, масло. 1989

«говорил» своими картинами! Во всяком случае, в том пространстве, которое заполнил собою физически (своё жилище) и духовно (свои творения), и в том времени, которое проживал совместно, – это работало. Существовал непостижимый язык молчаливых визуальных посланий – вопросов и ответов. И был, как минимум, один человек, понимавший этот язык, – его жена Елена. По её свидетельству, в совместной жизни не раз складывались ситуации, которые не просто было высказать и проговорить, особенно двум таким интровертам. И тогда он писал очередную картину. Писал свой ответ. И парадоксальным образом она его считывала! Поразительно, даже сейчас, после его ухода из совместного времени в вечность, она продолжает находить в его картинах некоторые ответы. Взять хотя бы мистический

«Исход». Картину, которую художник по просьбе Елены подарил ей. Картину из тех, которые впускают в спальню. Там она и висела, над диваном, до определённого времени, пока по воле художника не исчезла из дома. (Спустя годы, несмотря на акт дарения, не объясняя ничего, он взял и продал картину).

«Я только сейчас её прочитала, – говорит Елена. – И с изумлением обнаружила, что у этого младенца лицо Алексея в последние годы жизни. Что это он – ребёнок с пожилым лицом. Разительно похож на того, кем станет спустя время. И что он мне говорил (трубил?!), ещё тогда, в 89-м, тоже прочитала».

## Змиероглиф

Он столкнулся с ней в детстве в прибрежной зоне, раздвигая заросли камыша. Как говорится, нос к носу. Так и застыл, холодея внутри. Ожил потом, когда змея уже неспешно ретировалась. Я спросил Алексея: что врезалось в его память от той встречи? Он ответил: ужас и восхищение.

– Ужас понятно, а почему восхищение-то?

– Ну... красивая же, зараза!

С той поры змея – эта чужая жизнь, несущая смерть и красоту, как восхищённый ужас, – поселилась в его коллекции архетипов детства. И однажды из внутреннего пространства выползла на холсты. Сначала как деталь декора, как неопределённый артефакт при неконтролируемом разговоре. Художник даже удивился, когда кто-то из искусствоведов впервые указал ему на эту непременно змею. А потом стал выписывать её осознанно, как своеобразную живую подпись, переползающую с картины на картину, то ли храня, то ли преследуя. Это не было литерой или знаком, было – словом «Жизнь», в его предельном написании. Вернее, змеящимся иероглифом. Змиероглифом...

## Архетипы творчества

Всё, что связано с детством, – личная коллекция архетипов человека. Минотавр – тоже родом из Детства. Он же – бабай. Он же – волчок. Мы идём раз за разом к нему. След в след за сердцем, выпрыгивающим из груди от восхищённого страха. Нас тянет туда, как на место преступления – убийства себя вчерашнего. Алексей Маркитан однажды сказал: «В принципе, всё творчество выражается только в воспоминаниях детства. Это всё интерпретация детских эмоций, внутренних символов. Поэтому художественное прочтение может быть достаточно сложным для зрителя, а для самого художника всё достаточно просто, поскольку исходит из внутреннего символизма. Ведь всё это создано в детских первичных ярусных представлениях, которые он получал о мире...» Юрий Казарин, замечательный поэт и мыслитель, созвучно дополняет эти слова: «Художник – всегда в детстве. Ему туда не нужно возвращаться. Он всегда там – в коренной части бытия, соединяющей в себе жизнь, смерть и любовь».

## Набросок

Вначале было – это. Форэскиз. Карандашный рисунок. Набросок в маленьком блокноте, найденном потом в мастерской художника. На нём в прямоугольнике будущей картины – бегут две обезглавленные курицы. Мимо гнезда с тремя яйцами. Мимо оградки, определённо кладбищенской. Эта же оградка, как элемент значимый, прорисована и детализирована дополнительно. И ещё – есть пред-название: «Життя не закінчується». А стало быть – это не страшилка! Есть свидетельство серьёзности замысла – пояснительная надпись «філософський живопис». И дополнительные расшифровки названия: «філософія життя» и «коловорот життя». Знал ли он, что картина будет последней? Думаю, знал. Но до последнего надеялся, что ошибается... А потом началась работа. В том же максимальном напряжении и кисти, и мысли, которое он всегда определял для себя – на пределе возможностей. Как в последний раз.

На этот раз – совпало.





## Три яйца в гнезде

Я гляжу на них, а вижу совсем другое, созвучное – любимую картину Чюрлёниса «Тишина», поражающую гениальной простотой замысла и исполнения. Там – в безграничном просторе светятся три маленькие серебристые головки одуванчиков. Здесь – три яйца, в которых за хрупкой скорлупой разноцветно светится изнутри будущая жизнь. И – тишина. Малейшее дуновение или злое усилие – и всё оборвётся. И там, и здесь глубоко спрятанная аллюзия вечной жизни – Троица. А в картине Алексея на поверхности образ из собственной жизни, как в добром мультфильме – «два сыночка и лапочка дочка».

## Танец птиц

«Первая ученица в 2000-2001 году подарила петушка декоративного. Он жил у нас один, пока не умер... Алексей сохранил его крылья с частью спины и повесил в мастерской, как нечто значительное для себя... На основе этого потом и оформился целый цикл «Танец птиц». Хотя первая картина давно живущего в нём «птичьего» цикла – работа «Куриный марш» – экспонировалась на выставке «Альтернатива» ещё в 1989-м»...

Цикл понемногу выписывался. Непросто и неровно. И птицы – танцевали. Сначала в мастерской. Потом на выставках. Потом – медленно, видоизменённо – в памяти зрителей. На одной из выставок, отвечая на вопрос журналиста, Алексей сказал: «Изображённые существа пытаются стать человеком, танцуя твист. В этих картинах есть частица каждого из нас, ведь кому из нас хотя бы раз не хотелось по-настоящему почувствовать себя человеком... Птицы – это интерпретация нас. У курицы появились мозги, и она начинает становиться человеком. А может, человек уже превратился в курицу?» Такое вот неустойчивое равновесие. Исподволь начинали свой марш и безголовые птицы. Например, на картине «Серпень». Там, где над возросшим сущим восходит не солнце, а серп – бегут краем поля обезглавленные курицы (живописные первенцы?) и шагают отдельно человеческие ноги...

## Безголовые

«Но всё, конечно, гораздо глубже, если уж говорить о безголовых курицах... – продолжает Елена. – Было ему лет двенадцать. Жили они тогда на Балтийской, возле почты. Там был жилкоп на двух хозяев... И мама попросила его зарубить курицу... Наверное, он это делал с таким замиранием сердца, что... И рубил с опаской, ближе к голове. И ноги не удержал, выпустил... Эта курица с отрубленной головой принялась бегать по огороду. Без головы! Бегала какое-то время, брызгая кровью. Восхищённый ужас! Это его так поразило... И уже никогда не уходило из памяти». После беседы с Еленой я обратился к виртуальной свалке информации – Интернету. И почерпнул многое в подтверждение возможности сказанного. Специалисты поясняют: обезглавленная курица, если удар топора пришёлся очень близко к голове и не был повреждён спинной мозг, продолжает рефлекторно двигаться. Спинной мозг продолжает отдавать команды мышцам, и жизнь в теле может сохраняться до нескольких минут, пока остатки крови циркулируют по артериям и венам.



Видимо, из подобных фактов и наблюдений – возможности хоть сколько угодно малое время, но жить без головы – возникли эти устойчивые выражения: «безголовая курица» или «безмозглая курица». Так обычно называют людей, действия которых хаотичны и беспорядочны. Не умея властвовать собой и не определив для себя смысла жизни, растрчивая день за днём на бездумную беготню, мы ничем не отличаемся от подобных безголовых куриц.

Видимо, из подобных фактов и наблюдений – возможности хоть сколько угодно малое время, но жить без головы – возникли эти устойчивые выражения: «безголовая курица» или «безмозглая курица». Так обычно называют людей, действия которых хаотичны и беспорядочны. Не умея властвовать собой и не определив для себя смысла жизни, растрчивая день за днём на бездумную беготню, мы ничем не отличаемся от подобных безголовых куриц.

«Скоро Пасха!» (незаконченный вариант)

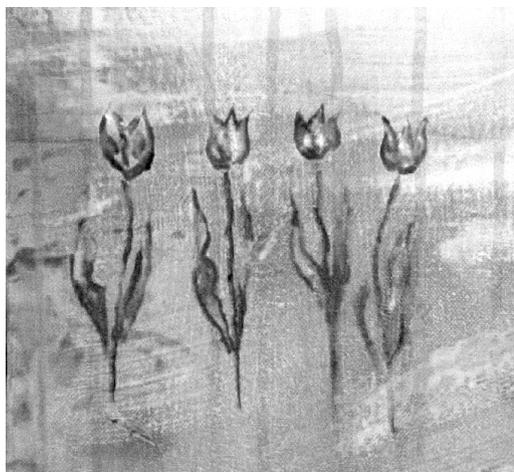
Это свою жизнь, перекрывая «многими печальями» привычную постмодернистскую иронию, написал Алексей. Свою семью и одновременно – всех нас с вами. Не нравится? Хочется отвести взгляд? Да как вам будет угодно...

## Когда зацветут тюльпаны

Помнится, когда я впервые оговаривал с Алексеем возможность, а потом и время нашей встречи, он обозначил его словами: «Когда зацветёт черешня».

«А тут – зацвели цветочки... – вспоминает Елена. – Весна. Заглядывает в окно мастерской. А под окном у нас как раз тюльпаны. Невозможно не заметить, даже сквозь боль... Вот вместо оградки на картине и появились эти тюльпаны...». Числом четыре. Он вписал их в самый последний момент. Как и новое название – «Скоро Пасха!»

А боль уже безоговорочно хозяйничала в его теле. Страшный диагноз – рак позвоночника! Ни сидеть, ни лежать. Дописывал картину стоя. Или – стоически. Пока позволяла боль. По несколько мазков. На этой картине уже не было змиероглифа «Жизнь». Были змеевидные линии, уже больше напоминавшие обнажившиеся корни. Без единого отростка, в отличие от укоренившегося гнезда. Проступили в последний момент, как и тюльпаны. А змея? Змея уползла.



Современная жизнь общества потребления – гераклитова река наоборот. Дважды из одной и той же реки не выйти.

Он – умудрялся...

## Третья реакция

Безголовые курицы бегут, разбрызгивая кровь.

Первая реакция – шок! Вторая (внутренне морщась) – мысль: «Ну вот, опять... эстетика диссонансов от Маркитана»...

И, спустя неопределённое настоящее время, после изрядной внутренней работы, третья реакция – «Да это же... просто... гениально!»...

**Маркитан Алексей Витальевич.** Родился 18 июня 1959 года в Николаеве. Художник-живописец. Член Национального союза художников Украины (1989). Окончил Одесский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет (1982). Персональные выставки: Николаев, Киев, Одесса, Запорожье, Львов, Днепрпетровск, Мюнхен, Нью-Йорк. Участвовал в художественных выставках в Украине, России, Дании, США, Люксембурге, Бельгии, Германии, Кипре, Турции, Канаде. Работы художника находятся: Национальный художественный музей (г. Киев), Национальный художественный музей (г. Одесса), Национальная галерея (г. Львов), Коллекция фонда культуры Украины, Коллекция дирекции Союза художников, Коллекция Градобанка, Коллекция «Совиарт», Сумский художественный музей, Николаевский художественный музей им. Верещагина, частные коллекции многих стран мира. Умер 26 июня 2017 года.



Елена ЖАТЬКО

## ЖИВОЙ АРТ ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

*Фестиваль – одна из важнейших форм жизни современного искусства. Помимо прямой консолидации творческих коллективов различных регионов и стран, фестиваль выступает живым фактором движения, прогресса культуры. Как справляются с этими функциями театральные фестивали Северного Причерноморья?*

В нашем южном крае ежегодно проводятся около десятка консервативных и актуальных, всеукраинских и международных театральных фестивалей профессионального и аматорского направления. Стоит обратить внимание на масштабные площадки театрального перформанса, которые сумели уже громко заявить о себе, и на те, у кого такие перспективы могут появиться уже совсем скоро.

История театрального искусства Северного Причерноморья (Николаевская, Одесская и Херсонская области) имеет ряд характерных черт, которые уходят корнями в далёкое прошлое. Как известно, первый профессиональный театр в Украине был основан в 1882 году в Елисаветграде (ныне – Кропивницкий). Будущий украинский театр мастеров мирового класса (театр корифеев) начал свою деятельность в любительских кружках, с ними связаны биографии наших прославленных земляков из семьи Тобилевичей, родившихся в селе Каменно-Костоватое (ныне Братский район Николаевской области). Это знаменитые А. Саксаганский, Н. Садовский, М. Садовская-Барилотти, И. Карпенко-Карый. В ореоле их славы блистали и М. Заньковецкая, М. Кропивницкий, М. Старицкий. Бурлеск и экспрессивность наряду с народным юмором надолго определили лицо национального театра, а его аматорское направление обрело самостоятельный вектор развития.

Два ярких и крупных фестиваля любительских театральных коллективов сформировались в разные годы в Николаеве и Очакове. В 2005 году под руководством Артёма Свистуна, художественного руководителя молодёжного театра «С.Т.У.К.», состоялся первый открытый фестиваль «Южные маски». В Николаеве собирались сценические коллективы со всех уголков Украины и из-за рубежа – Польши, Болгарии, России. За десять лет существования «Южных масок» фестиваль получил статус международного, но это не спасло его от закрытия. Причиной стали финансовые трудности, поскольку организация такого масштабного проекта требовала и соответствующих затрат, они увеличивались с каждым годом.

Девятью годами раньше, в 1996-м, в Очакове состоялся первый фестиваль театрального искусства «От Гипаниса до Борисфена», в нём приняли участие детские и взрослые коллективы. Фестиваль сегодня стал всеукраинским, среди 150 тысяч зрителей, которых сумел объединить этот массовый театральный форум за все годы существования, были гости не только из Украины. На очаковском берегу собирались любители народного, уличного театра из разных уголков России, Беларуси, Молдовы. Стоит подчеркнуть, что репертуарная афиша конкурсной программы этого фестиваля не диктует тематических ограничений: в нём есть украинская и зарубежная классика, современная и авторская пьеса. Помимо конкурсной программы, фестивальная площадка включает мастер-классы, диалоги режиссёров, экскурсии, тематические вечера.

Организаторами фестиваля выступают Министерство культуры и туризма Украины, Николаевская облгосадминистрация, Очаковская райгосадминистрация, Очаковский горисполком, областное

05-15 JUNE 2015

NIKOLAEV  
SOUTHERN MASK  
X International Youth Theatre Festival

управление культуры, областной центр народного творчества, Очаковское объединение санаторно-курортных учреждений, районный и городской отделы культуры. Благодаря такой всесторонней поддержке фестиваль живёт сегодня, продолжая расширять свои границы и вовлекая в свою орбиту новые театральные коллективы.

1 октября 2017 года в Николаевском областном театре кукол открылся 47-й сезон и одновременно стартовал Открытый региональный фестиваль театров кукол и студий «Хрустальная кукла». «Много лет мы мечтали организовать свой фестиваль, – признаётся директор – художественный руководитель Николаевского областного театра кукол Виктория Терещенко. – Но, как вы знаете, главная проблема – это финансовая составляющая, часто неподъёмная для провинциального учреждения культуры. Участие в фестивальных программах – это верный путь к повышению рейтинга своей работы. Мы не пропускаем случая продемонстрировать своё искусство, изучать опыт коллег. Более года назад наша труппа показала свой спектакль для взрослых «Ханума» (режиссёр В. Чхаидзе) в Киеве на Всеукраинском фестивале премьер сезона. Возвращались победителями в четырёх номинациях.

Представление театра кукол не имеет границ и условностей. В фестивале на очаковском берегу приняли участие коллективы из Запорожья, Житомира, Херсона, Кропивницкого, Одессы. Это был искренний и радостный праздник творчества. Помимо спектаклей, в рамках программы состоялось театрализованное шествие и акция «Кукольная карта Украины». Очень надеемся, что у нашей «Хрустальной куклы» есть будущее.

Что же касается «фестивальной карты», то её поистине уникальной изюминкой на протяжении десяти лет оставался Международный фестиваль Черноморского клуба «Homo Ludens» («Человек играющий»), организатором которого выступил Николаевский академический художественный русский драматический театр. Первый фестиваль состоялся в октябре 2006 года, его отцом-основателем и координатором стал тогдашний художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств Украины Николай Кравченко.

Участниками фестиваля в разные годы были профессиональные театральные коллективы из Украины, России, Грузии, Молдовы, Польши, Румынии, Турции, Абхазии, Болгарии, Латвии... Площадкой для их выступления служила не только сцена русского театра, но и подмостки областного театра кукол, залы национального университета им. В. Сухомлинского, Черноморского национального университета им. П. Могилы (так называемые «экспериментальные сцены»).



Юбилейный фестиваль в 2016 году был посвящён 160-летию со дня рождения И. Франко. На суд зрителей, основного и журналистского жюри были представлены работы театральных трупп из Киева, Николаева, Закарпатья, Днепра и Ивано-Франковска. В 2017 году фестиваль не состоялся, но есть предпосылки, что «Человек играющий» в ближайшем сезоне вновь вернётся в родное пространство Николаевского русского театра.

336 фестивальных спектаклей, 122 театра-участника из 16 стран... Таковы впечатляющие статистические данные в истории Международного театрального фестиваля «Мельпомена Таврии» (1999). Его инициатором является Херсонский областной академический музыкально-драматический театр



*«Безумный день, или Женитьба Фигаро» в постановке Приднестровского государственного театра драмы и комедии им. Н. С. Аронецкой на фестивале «Homo Ludens»*



«Лучшая мужская роль», «Лучшая женская роль», «Лучшая мужская роль второго плана», «Лучшая женская роль второго плана», диплом президента фестиваля и специальный диплом от жюри.

Традиционно фестиваль открывается карнавальным шествием по улицам города, а финальную точку ставит театральная капустник. Количество локаций позволяет в один день показывать до пяти спектаклей. Постановки идут на основной сцене Херсонского областного музыкально-драматического театра, «Сцене под крышей», в театре-кафе, областном академическом театре кукол и областном центре молодёжи. Поражает география праздника «провинции у моря» (И. Бродский), фестиваль презентует национальное искусство Грузии, Турции, Беларуси, Армении, Франции, Румынии, Венгрии, Португалии, Литвы.

В Одессе, в культурной столице юга Украины, количество театров в разы больше, чем в соседствующих

Николаеве и Херсоне, этим можно объяснить существование в городе нескольких масштабных и разножанровых фестивалей, они носят название «Встречи в Одессе», «Молоко», «Рождественский фестиваль», «Бархатный сезон в Одесской опере», Международный независимый фестиваль «Зелёный театр».

С 2006 по 2014 годы в начале сентября на базе Одесского русского драматического театра и при поддержке государственных, областных и муниципальных органов власти проходили «Встречи в Одессе». Международный авторитет этих творческих свиданий преданных сценическому искусству людей в мае 2009 года был подтверждён Золотой медалью и дипломом на продюсерском конкурсе фестиваля «Дягилевские сезоны: Пермь – Петербург – Париж». Регламент «Встреч в Одессе» не предполагал соревнования или присуждения призовых мест, каждый представленный спектакль награждался дипломом участника. Иными словами, главная функция фестиваля определялась «просветительско-творческой рефлексией» театральных коллективов Украины и ближнего зарубежья. Театры, известные и признанные во всём мире, привозили в Одессу свои лучшие спектакли: Московский театр «Et Cetera» под руководством А. Калягина, Государственный академический Большой драматический театр им. В. Качалова (г. Казань), Санкт-Петербургский академический драматический театр им. В. Комиссаржевской, Харьковский академический русский драматический театр им. А. Пушкина, Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А. Грибоедова, Театр «Гешер» (г. Тель-Авив – Яффо) и др.

Особую нишу на фестивальной карте Украины занимает творческий форум с метафорическим названием «Молоко». Впервые фестиваль состоялся в 2007-м в городе Ровно, а через четыре года переехал в Одессу и стал традиционным событием лета. Организатором выступает директор и художественный руководитель Одесского Культурного центра Михаил Журавель. Спецификой фестиваля является не только то, что на одной сцене вступают в творческую дуэль коллективы профес-

имени Н. Кулиша. Николаевский академический украинский театр драмы и музыкальной комедии – неизменный участник фестивальной программы.

Спектакли в Херсоне проходят на конкурсной основе. Жюри определяет лучшие постановки по 14 номинациям: «Лучший спектакль на большой сцене», «Лучший спектакль на малой сцене», «Лучшая режиссура», «Лучшая сценография», «Лучшее музыкальное оформление», «Лучшее пластическое решение», «Лучший актёрский ансамбль»,



*Александр Книга – директор – художественный руководитель  
Херсонского театра им. Н. Кулиша,  
организатор фестиваля «Мельпомена Таврії»*

сиональных, детских и аматорских театров, но также и тесное сплетение в программе множества креативных конкурсов и мастер-классов, презентаций пьес современной драматургии, творческие встречи авторов, режиссёров. «Основная цель фестиваля – практически содействовать развитию современного театра в Украине», – признаётся идейный вдохновитель и арт-директор фестиваля М. Журавель.

Киевский «Молодой театр» и театр «Золотые ворота», «Сузір'я», «Парадигмариум», Львовский академический драматический театр им. Л. Украинки, Ровенский област-



*Организаторы фестиваля «Молоко» в Одессе*

ной академический украинский музыкально-драматический театр, Харьковский «Театр 19» – и это далеко не весь список участников фестиваля театров «Молоко», география которого позволяет говорить о его неофициальном международном статусе. В разные годы участниками конкурсной программы становились коллективы из России, Грузии, Беларуси, Молдовы.

Фестиваль также реализует просветительскую функцию, поскольку знакомит одесскую публику поистине с уникальными спектаклями ведущих украинских режиссёров. Так, в 2015-м спектакль «Солодка Даруся» по повести украинской писательницы Марии Матиос и в постановке народного артиста Украины Ростислава Держипольского (ныне – директор Ивано-Франковского областного музыкально-драматического театра им. И. Франко) открыл VIII фестиваль «Молоко». В 2016-м в рамках его программы состоялся показ спектакля по пьесе современного украинского драматурга Павла Арье «Слава героям» в режиссуре заслуженного артиста Украины, директора – художественного руководителя киевского театра «Золотые ворота» Стаса Жиркова.

Большинство театральных фестивалей устроены в некотором смысле как спортивные соревнования, но есть исключения. Смог стать творческим форумом и Одесский национальный академический театр оперы и балета, организатор нескольких фестивалей.



*Уличный спектакль «Être-jeté-là» киевского театра «Парадигмариум» на фестивале «Молоко» в 2016 году*



В 2017 году состоялся III фестиваль искусств «Бархатный сезон в Одесской опере», он популяризирует украинское и мировое классическое искусство, объединяет различные стили и направления: оперу, балет, музыку барокко и современные композиции. Гостями фестиваля стали: народная артистка Украины, солистка Национальной оперы Украины Татьяна Анисимова, народная артистка Украины Нина Матвиенко и бардовская певица Марьяна Садовская (Германия), пианистка Елена Башкирова (Германия, Израиль), дирижёр Оксана Лынив (Германия), звезда мирового балета Светлана Лунькина (Канада).

«Бархатный сезон в Одесской опере» в том же 2017-м был посвящён знаменательной дате, 130-летию архитектурного шедевра – Одесского оперного театра.

С 2013 года Одесский театр оперы и балета проводит так называемый «Рождественский фестиваль». В 2015 году он познакомил одесситов с мировой премьерой хоровой оперы Леси Дычко «Рождественское действо», а в 2016-м состоялась премьера оратории Ф. Мендельсона «Илия», впервые в Одесской опере исполнялись «Messa di Gloria» Дж. Пуччини и «Gloria» Ф. Пуленка.

«Фестиваль проходит с целью создания игрового духа. Духа театра, не обременённого многотонной философией и морализацией. Одна из задач фестиваля – наращивание культурной мощи театрального творчества путём обмена опытом, идеями и подарками», – такова концепция ещё одного международного «независимого фестиваля» «Зелёный театр», который в 2015 году получил прописку в Одессе. Отличает этот фестиваль от других изобилие перформансов постановок театров танца, пантомимы, выступлений клоунов, читок пьес и конкурсов для зрителей.

Отец-основатель фестиваля Олег Савченко подчёркивает, что его жюри «не оценивает достоинства и недостатки представленных работ, а проводит с театрами-участниками по итогам фестиваля разбор сыгранных спектаклей, переходящий в мастер-классы». Постановки проходят на различных площадках, включая арт-пабы, арт-галереи, арт-клубы, академические и альтернативные сцены, центры искусств.

Артём Живой, один из организаторов фестиваля, признаётся: «Как художник, хочу раскрыть смысл живого арта. В последнее время художники стали говорить об одном и том же. Как будто они утратили свой внутренний мир. Это неестественно. Поэтому я продвигаю живой арт, он возвращает свободу в искусство. Позволяет всем быть разными».

Сам факт существования на театральной карте Северного Причерноморья полноценной фестивальной инфраструктуры, невзирая на постоянные финансовые, организационные трудности, свидетельствует о стремлении к «оздоровлению» культурного климата. Исключительно благодаря творческому обмену, сценическим новациям можно обеспечить обновление современного театрального языка. Заглядывая в будущее, хочется видеть не только количественный рост театров – участников наших фестивалей и их географическую прогрессию, но и качественный отбор исключительных, уникальных постановок. Хочется, чтобы фестивальная афиша представляла собой экстракт всего нового и лучшего, что рождается на обширном пространстве театрального искусства.

***Жатько Елена Александровна.** Родилась в Николаеве. Окончила Николаевский национальный университет (2012), Харьковский национальный университет искусств (2015), Харьковскую государственную академию культуры (2017), магистр театрального искусства. Автор искусствоведческих публикаций, театральных рецензий в газетно-журнальных изданиях Киева, Львова, Харькова, Николаева.*

Ольга СКВИРСКАЯ

## ИСКУССТВО МАЛЕНЬКИХ ШАГОВ

Не задумываться о востребованности и успехе, а просто делать своё дело день за днём, жить тем, что делаешь, любить свою работу. И однажды получить признание и оказаться на пороге заманчивой неизвестности, сулящей исполнение заветных желаний. Мечта? – скажете вы. А между тем это реальная история успеха, которой поделилась с «Соборной улицей» художник Екатерина Беликова.

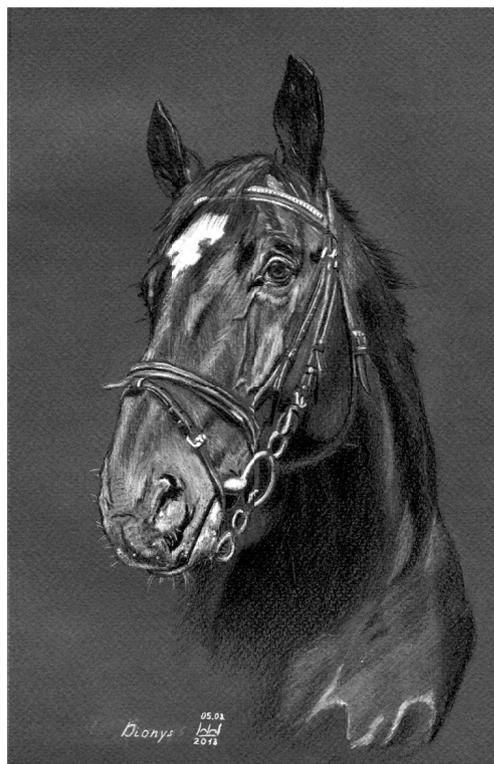
Началось всё тогда, когда деревья были большими, а животные казались сказочными великанами – разве что без витого жемчужного рога над переносицей. Как лошади оказались в жизни городской девочки, Екатерина не помнит, но точно знает – они были всегда. Возможно, путь нашёптывала кровь предков, которые, по линии отца, принадлежали к казачьему роду. А дед матери был кузнецом и держал конюшню, гордостью которой был тяжеловоз – непозволительная роскошь для того времени. Так или иначе, к лошадям тянуло с детства, хотелось как можно больше находиться рядом с любимыми животными, узнавать их, «общаться» с ними. Мечта начала сбываться с записью в конно-спортивную школу в 1995 году, занятия в которой перемежались с «юннатством» в Николаевском зоопарке. Выбор профессии был очевиден (пусть и против воли родителей) – «аграрка», с записью в дипломе – «зооинженер, коневод». Именно там будущий художник-анималист досконально изучила анатомию лошади и впоследствии смогла применить эти знания в своих работах. Таким образом, живописец-самоучка стал мастером, творчество которого интересно и востребовано, в том числе за пределами Украины.

«После университета я искала работу на конных заводах Украины. Безуспешно, увы. Хотела даже уехать в село. Уверена, я смогла бы вести хозяйство. Но через какое-то время узнала о вакансии в зоопарке. Пришла туда, меня вспомнили. После трёх с лишним лет работы там попробовала силы в частном пони-клубе, у меня уже был свой пони. Мы занимались иппо-терапией, ходили в центр реабилитации к детям. Потом у меня появилась своя лошадь, меня пригласили работать всадником в частное коневладение. Но через какое-то время я решила вернуться в зоопарк и заняться наукой. Начала дистанционное обучение в аспирантуре одного из харьковских институтов (соискателем степени кандидата наук), работала над темой по коневодству. Но закончить не успела, ушла в декрет. В то же время мой муж уехал на заработки, нужно было как-то выживать. И вот именно тогда меня выручили мои картины», – рассказала Екатерина.

Работ было немного. В основном – на подарки друзьям. Но когда в один прекрасный день фото картин увидели посетители одного из конных форумов, им захотелось, чтобы и их питомцев изобразили так же – подметив характер животного, его особые черты, настроение. За первый месяц



*Катя пишет «Страницу»*



*«Dionys».*

*Бумага, карандаши. 18,5×28 см. 2013*



Екатерине удалось продать четыре работы из старых запасов. Это была графика – чёрная тушь на белой бумаге. А в 2008 году художница впервые попробовала работать на заказ. С тех пор написано около 200 картин, и не только с лошадьми, но и с другими животными. Доскональное знание анатомии четвероногих позволяет создавать изображения, которые ценители относят к гиперреализму. Сегодня художница работает акриловыми красками и стремится придать своим работам эффект 3D. Пишется, как и любому творческому человеку, по вдохновению: что-то за сутки, а что-то годами. От заказчиков нет отбоя. Казалось бы, живи и радуйся. Но в 2012 году Екатерина неожиданно для себя впервые в жизни приняла участие в выставке (это было в «Могилянке») и открыла новые смыслы – в творчестве и в жизни; поняла, как это важно для художника – показывать людям свои работы. И хотя, по словам Екатерины, выставочная деятельность – не самоцель, в ней всё же кроется и вдохновение, и стимул, и планка, которую надо держать и повышать.

Новый настрой обернулся неожиданным интересным предложением – осенью 2016 года принять участие в выставке художников постсоветского пространства в Берлине. Единственной представительницей от Николаева.

«С человеком, который предложил мне принять участие в ряде выставок в Берлине, я познакомилась в интернете. Ему понравились мои работы. Он решил повезти их в числе прочих на выставку в Берлин. Самой такие вещи делать очень трудно. На каждую картину нужно брать разрешение на экспорт. Мне было приятно, что меня нашли, а не я кому-то навязывалась. По договору работы находятся в Берлине год, и они будут участвовать во всех выставках, которые организует этот куратор. Началось с выставки художников постсоветского пространства в ноябре 2016 года. Из Украины куратор повёз 83 работы, 3 из них мои. Из Николаева я единственная участница».

А ещё была стажировка на Французской племенной конферме и поездка в США – тоже на практическую работу по диссертации. Взятые в Америку картины приняли участие в экспозиции в рамках конного шоу и вызвали большой интерес посетителей. И как же были удивлены гости представления, когда узнали, что могут лично познакомиться с автором. Тогда Екатерина узнала о том, что за рубежом существуют визы для людей творческих профессий, и задумалась над возможностью получить её. Задача не из лёгких, нужно доказать свой профессиональный уровень и способность обеспечить себя на допустимый в той или иной стране период проживания. Одним из важных шагов, приближающих к цели, стало вступление летом 2016 года в Ассоциацию художников-анималистов Великобритании.

На пути к мечте Екатерина столкнулась с тем, с чем сталкиваются в нашей стране все, кому необходимо продвижение творческого продукта, – с отсутствием профессиональных помощников, агентов.

«Художник пишет, а агент его продвигает, ищет клиентов, спонсоров. Продвижение (поиски сайтов, галерей, ведение собственного сайта) занимает много времени. Если художник делает это сам, он отвлекается от написания картин. За рубежом такой деятельностью занимаются арт-дилеры. У нас, к сожалению, это не распространено».



*«Queen of the night savanna».*  
Оргалит, акрил. 40×50 см. 2017



*«Please stay wild».*  
Холст, акрил. 35×40 см. 2015

Несмотря на отсутствие помощников, Екатерина расширяет географию своих клиентов и заказчиков. Может быть, потому что очень любит то, что делает?

«На своём примере я хочу доказать, что добиться успеха может каждый. Всё начинается с маленьких шагов, которые обязательно дадут результат в конечном итоге. Главное – не опускать руки и верить в то, что делаешь».

## Блиц-опрос с художником-анималистом Екатериной Беликовой

– У Вас есть любимая порода лошадей?

– Да. Это старая немецкая порода Тракененская.

– *Есть ли у Вас лошадь, которая стала другом на всю жизнь?*

– К сожалению, наши питомцы так долго не живут, чтобы стать другом на всю жизнь. Но есть такие, которые навсегда остались в сердце. Это Караван (ещё из учебной группы по конному спорту), Аспект тракененской породы и моя собственная лошадь Лилу (я её изобразила на нескольких картинах).

– *Есть ли у Вас какая-то своя, особая «фишка» в творчестве?*

– Да. Одна из них – чёрные лошади на чёрном фоне. Однажды заказчики из Риги, увидев эти мои работы, попросили написать дельфинов на чёрном фоне. Редкое зрелище, согласитесь. Но я справилась, и картина уехала в Ригу.

– *Были ли какие-то казусы, связанные с творчеством?*

– Да. Иногда мои работы принимают за фотографии. Я же хорошо знаю анатомию лошадей, изображаю строение животного очень точно. Однажды я настолько фотографично нарисовала портрет гориллы, что убедиться в том, что это не фото, покупатели смогли, лишь вынув картину из-под стекла в раме.

– *Были ли попытки попробовать себя в других направлениях творчества?*

– Однажды в магазине товаров для хобби я увидела заготовку для творчества – деревянную лошадку-качалку. Она мне очень понравилась, но я не знала, что с ней делать. Спросила продавца, и та посоветовала использовать технику декупаж. Я попробовала – получилось. Выставила на конном форуме, и мне поступило много заказов. В общей сложности я сделала 100 таких лошадок. Они разошлись по миру.



«Лилу и Катя».

Фото – Иксанова Татьяна

**Беликова Екатерина.** Родилась 10 июня 1984 года в Николаеве. Художественное образование получено самостоятельно, путём профессионального изучения анатомии и экстерьерных особенностей животных, техники рисунка и живописи различных мастеров. Член Ассоциации Художников Анималистов Соединённого Королевства. Работы находятся в частных коллекциях многих городов Украины, а также в Америке, Англии, Германии, Голландии, Дании, Канаде, Латвии, Норвегии, Палестине, Польше, России, Франции, Швейцарии. Персональные выставки: арт-кафе «Griffe'ль», в рамках программы Фестиваля культур приграничных регионов «Гуцульская лошадь в культуре Восточных Карпат» проведена выставка «Созвездие гуцульской лошади», «Equine Wine & Dine» на Whitebridge Farm в г. Litchfield (Connecticut, USA). Участие в многочисленных выставках, среди которых: Николаевский областной краеведческий музей, Галерея Черноморского национального университета имени Петра Могилы, дипломант Национального конкурса «Глоток вдохновения», Фестиваль изобразительного искусства «Берлин – место свободного проявления художников из стран постсоветского пространства» (Берлин), «Осенняя выставка» и «Ежегодная весенняя выставка» Ассоциации Художников Анималистов Соединённого Королевства и многие другие.



Александр САЙКОВСКИЙ

## ОСТАНОВИТЬ ВЗГЛЯД ЗРИТЕЛЯ

Фотомир Ирины Гузий



*Не фотографирует сегодня разве только очень ленивый человек. Этот «девайс» – фотоаппарат, изобретённый в конце XVIII века и претерпевший массу изменений как внешне, так и внутренне, – настолько плотно вошёл в нашу современную жизнь, что перестал быть чем-то «волшебным» и доступным лишь избранным. По крайней мере, так думают обыватели.*

Среди тонн виртуального фотомусора, заполонившего Интернет, всегда можно найти и свои жемчужинки. Приятно, что наш Николаев был причастен не только к строительству кораблей, но и дал миру великолепных фотомастеров, повлиявших на развитие и советской, и украинской, и мировой фотографии.

Но сегодняшний наш рассказ не о соборе «Огонька» николаевце Аркадии Шайхете или руководителе народного фотоклуба «Корабел» Борисе Панове (хотя эти люди заслуживают отдельных публикаций), а о современнике – фотохудожнике Ирине Гузий.

Как всё неординарное в этом мире происходит случайно, так случайно же увлечение фотографией ворвалось в жизнь Ирины. Хотя надо отметить, что в детстве о «волшебной коробочке» с объективом и плёнкой она имела весьма смутное представление. В семье фотографии хоть и водились, но на сугубо бытовом уровне.

– «Живую» фотографию, сам процесс её получения «от и до» я увидела уже в более зрелом возрасте, когда была замужем, – рассказывает Ира. – Это «таинство» хоть и понравилось безумно, но... не увлекло. В жизни тогда были немного другие приоритеты.

Получилось так, что муж Иры, получив контракт на длительную работу в солнечной Испании, увлёк за собой всю семью.

– Заняться чем-то, сидя в четырёх стенах, активному человеку всегда хочется. Плюс – страна такая, что на каждом шагу как не древние замки, так масса интересностей, не обычных для нашего человека. Вот тогда-то мы и купили первую цифровую мыльницу.

Она стала снимать всё, что видела. Занятие увлекло и завлекло настолько, что остановиться было уже невозможно.

– Я попробовала тогда выкладывать фото в Интернет (можно только представить, какой Интернет был 13 лет назад!), первую обработку на компьютере в фотошопе... Посыпались отзывы. Людям, оказывается, понравился новый взгляд на привычные вещи. Это безумно вдохновило.

А вот в Украине, когда вернулась на родину, пришлось столкнуться с поисками работы по новому профилю. И такая возможность подвернулась – искали студийного фотографа.

– Я по натуре немного авантюристка, – смеётся Ирина, – поэтому махнула на всё рукой – будь что будет... – и показала работодателю свои работы. Меня, к удивлению, приняли на работу в студию с профессиональным оборудованием, но совершенно поверхностными знаниями о фотографии.

Уже в фотостудии потихоньку-помаленьку она начала осваивать и свет, и цвет, и законы композиции (хотя детское увлечение рисованием и учёба в изостудии очень помогли)... «Методом научного тыка» познала многие премудрости.

– Развивала свой взгляд на природу вещей я опять в Испании. Снимала и репортажи, была «ивент-фотографом» (как сейчас называют т. н. «событийных» фотографов-репортёров), снимала знакомых, разные города. В общем, познавая фотографию – познавала себя.

В Испании, в выставочном зале банка «Каха Гранада» в Андалузии, прошла вторая персональная выставка Ирины (первую она провела ещё в старом здании областного краеведческого музея) – называлась она «Испанские краски»: фотозарисовки с поездок по стране, жанровая и уличная фотография.



Гранада

Надо отметить, что уличное фото, или, как модно его называют, «стрит-фотография», наряду с журналистским фоторепортажем – один из наиболее трудных в художественном исполнении жанров: очень сложно заметить там, где прошли сотни людей – и даже не оглянулись, причудливую тень на асфальте или игру света в отражении витрин. Да и просто поймать чей-то взгляд, искреннюю живую эмоцию в многотысячном людском потоке современных городов – весьма и весьма трудно. Тем не менее, стрит-фото, достаточно популярное в Европе, постепенно завоёвывает Украину, в том числе – и наш город.

– В родном Николаеве я тоже неоднократно выставлялась, пошла в народный фотоклуб «Корабель», когда он ещё функционировал, потом заметили в Союзе фотохудожников и т.д. и т.п.

Надо добавить, что сегодня Ирина Гузий – не просто член НСФХУ, а с недавних пор возглавляет Николаевскую областную организацию фотохудожников, по возможности привлекая в ряды новых молодых членов – творческую молодёжь.

Рассказывая об Ирине Гузий, нельзя обойти и достаточно весомый пласт в её жизни – преподавание. Не каждый практикующий фотограф – учитель. И не каждый учитель знает, как, когда и где вовремя нажать на кнопку затвора фотокамеры. В Ирине (для своих юных учеников детской студии «ФотоКрок» она уже лет шесть как Ирина Сергеевна) эти два дара неразрывно переплелись. И сейчас юркую стайку подростков с фотокамерами разных моделей очень трудно не заметить – они посещают практически все городские мероприятия, отрабатывая навыки съёмки репортажа, часто выходят в город просто так, сделать фотонаброски с натуры то в парке Победы, то в Народном Саду, в городке «Сказка», то просто на Соборной.

– А вот снимать у меня дома не получается. Возьму в руки камеру, увлекусь – дети разбегутся кто-куда, – смеётся Ирина. – Поэтому снимаю я где угодно, только не в Николаеве.

Говорят, что об успехе преподавателя судят по достижениям его учеников. В случае с Ириной Гузий так оно и есть: ученики студии «ФотоКрок» лидируют на конкурсах, выставках и биенале в Украине и странах Европы, достойно отмечены и в своём родном городе.

– Фотография всё-равно развивается, даже несмотря на засилье людей с фотоаппаратами. Другое дело – сложно сейчас: в связи с тем, что каждый снимает хоть чем-то, теряется понимание ценности фотографии как искусства. Но как бы то ни было, профессиональное фото останавливает взгляд зрителя, потому что оно того стоит и всегда будет выделяться среди фотохлама, потока селфи и всего прочего.

Я своих учеников веду к тому, чтобы не быть «как все» – искать свой собственный стиль и подход, и сама стараюсь не просто «щёлкнуть», а сделать всё так, чтобы взгляд зрителя остановился.



*Девочка и леопард*



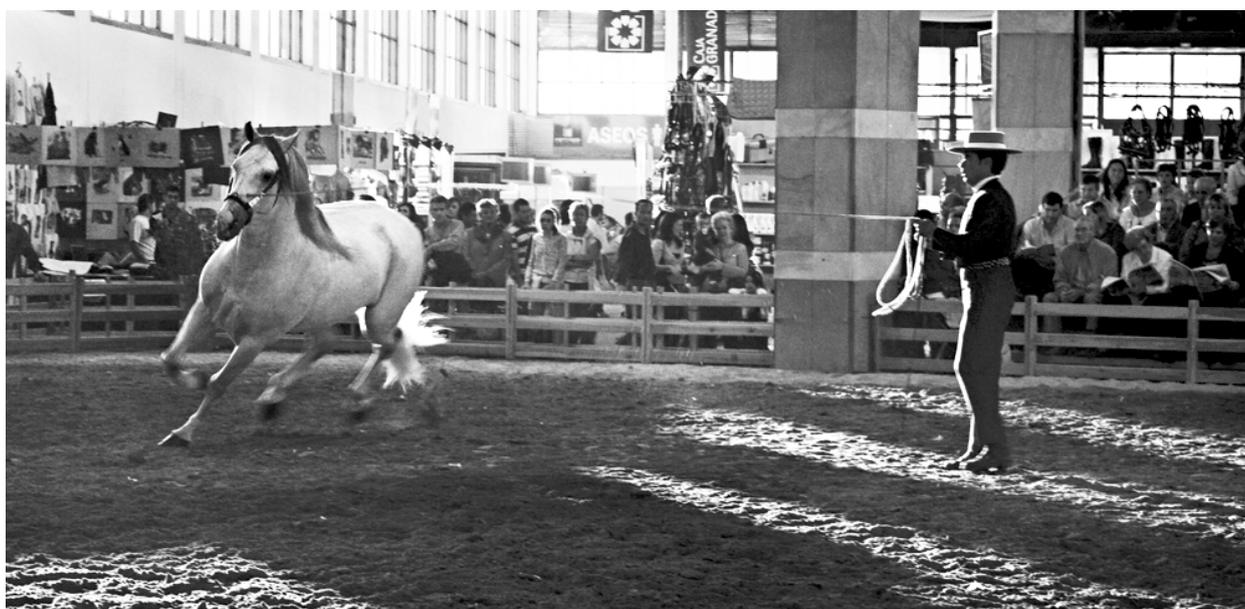
*История любви*



*Особое мнение*



*Мадрид. Пуэрта-дель-Соль (Врата Солнца)*



*Продажа лошадей. Гранада*

**Гузий Ирина Сергеевна** родилась 19 мая 1971 года в Николаеве в семье служащих. Закончила исторический факультет Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова (1996). Работала лаборантом сектора археологии (1988–1991), научным сотрудником отдела охраны памятников (1996–1998) при Николаевском областном краеведческом музее, научным сотрудником Николаевского музея судостроения и флота (1998–2003). Фотографией увлекается с 2005 года, а с 2007-го – увлечение стало профессией. Закончила Николаевское высшее профессиональное училище технологий и дизайна по специальности «Фотограф» (2015). Член народного фотоклуба «Корабел» им. Б. Панова. Руководитель студии «ФотоКрок» (2012). Разрабатывает авторские методики обучения детей фотографии. Любимые жанры: документальная фотография, репортаж, стрит. На её счету семь персональных выставок (одна из них – в г. Гранада, Испания, 2012). Занятия фотографией и преподавание совмещает с волонтерской деятельностью. Член Национального союза фотохудожников Украины (2015), председатель правления Николаевской областной организации НСФХУ (2017).



Марина ТАСИНКЕВИЧ



## ЗАБЫТЫЙ ЖАНР

*Листая страницы старых региональных газет, изданных 100–120 лет назад, невольно обращаешь внимание на ироничные, часто остроумные, поучительно-нравственные статьи, в которых затрагиваются проблемы и вопросы жизни, близкие нам, людям XXI века. Написаны эти статьи в форме злободневных миниатюр – фельетонов.*

Сатирический жанр художественно-публицистической литературы, высмеивающий порочные явления общественной жизни, был популярен в конце XIX – начале XX века. Сегодня о том, что же такое «фельетон», знают уже не все. В силу исторических причин этот жанр фактически исчез, почти перевелись и талантливые авторы фельетонов.

Этот жанр получил известность в периодической печати и очень часто хорошо служил для привлечения внимания читателя к определённому событию, номеру газеты, журнала. Автору-сатирику приходилось нелегко, ибо осуждая пороки общества и утверждая добродетель, приходилось срывать лживую маску зла и невежества. Именно такие статьи были самыми злободневными, именно они более всего интересовали читателя.

Текст фельетона отличается лёгкостью, живостью и образностью, на основе конкретных фактов он использует элементы юмора и сатиры. Автор, работающий в данном жанре, рассуждает о любых проблемах – политике, морали, общественной жизни. В хороших фельетонах используются поговорки, народная речь. Информация преподносится в своеобразной форме, а иронический и сатирический эффект пробуждает острую реакцию у людей, которые прямо или косвенно затронуты в тексте. Фельетон эффективно воздействует на аудиторию, но сегодня журналисты обходят этот сложный жанр стороной.

Королём отечественного фельетона считается В. М. Дорошевич (1865–1922) – журналист, театральный критик, писатель. Каждый номер газеты с его фельетоном, путевыми заметками, литературным или театральным обзором становился ярким общественным событием. Так было, к примеру, с его циклом публикаций «Кому в Одессе жить хорошо» («Одесский листок»). В советские годы зачитывались фельетонами Остапа Вишни, Михаила Кольцова.

Среди известных фельетонистов, которые печатались в николаевских газетах первых десятилетий начала XX века – «Южанине», «Николаевской газете», «Утреннем курьере», «Трудовой копейке», «Николаевском листке» и др., можно назвать издателя, журналиста и политического деятеля, члена николаевского яхт-клуба, первого чемпиона города по шахматам С. П. Юрицына (1873–1920), в 1900 г.

он приобрёл у М. В. Рюмина право на выпуск николаевской газеты «Южанин» и в августе того же года купил у него же «Русскую типолитографию»; журналиста, писателя, поэта А. Л. Гранкина, его стихотворные фельетоны были подписаны псевдонимами «Діхі», «Ваш искренний», «Адаменский», «Гама», «Наблюдатель». Злободневность публикаций редактируемого им «Николаевского курьера» вызвала запрет издания более чем на месяц (с 25 апреля по 31 мая 1908 года), а сам редактор был заключён под арест. Ещё один николаевский газетчик – Д. Я. Айзман (1869–1922) – писатель, драматург, журналист, очерки и рассказы которого печатались в газете «Южанин», а после его переезда в Одессу и в «Одесском вестнике». Известен нам и фельетонист «Николаевской газеты» Я. П. Ядов (настоящая фамилия Давыдов, 1873–1940), печатавший фельетоны также в Одессе, киевских газетах под литературными псевдонимами Жгут, Боцман Яков, Яків Отрута, Яков Боцман, Пчела и др.

Сегодня мы знаем не все имена литераторов, журналистов, которые публиковались в николаевской периодике прошлого. Любопытны фельетоны М. Чухнина (псевдоним М. Верин), М. Любимова, А. Ардова, печатавших в «Николаевской газете» материалы литературно-критического характера. О них мы знаем не так много, как хотелось бы. Четырёхтомный «Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И. Ф. Масанова, вышедший на протяжении 1941–1949 гг., раскрывает свыше 80 тыс. псевдонимов публицистов и журналистов. К сожалению, среди них мало знакомых имён. К примеру, Бурка и Любимов печатались в «Николаевской газете» под общей рубрикой «Эхо» и посвящали свои фельетоны явлениям общественно-политической и духовной жизни города. Кем был Бурка и почему избрал себе такой псевдоним, мы не знаем. Возможно, автору приглянулся образ сказочного Сивки-Бурки?

Особое место среди злободневных публикаций занимают фельетоны на литературные темы. Известно, что в августе 1909 года в николаевской «Трудовой газете» был напечатан рассказ А. И. Куприна «В клетке зверя», вызвавший «вольные подражания», или, другими словами, фельетонный пересказ. Сразу же возникла местная полемика вокруг имени автора и достоинств его творчества. Газетчики вспомнили шокирующий роман «Яма» о жизни публичного дома, обвиняли Куприна в «садимизме» и декадентстве («Беллетристы и артисты», «Николаевская газета», 3 ноября 1909).

Для лучшего понимания того, о чём говорится в фельетонах, стоит обратиться к историческим фактам. Революция 1905–1907 гг. оставила глубокий след в народной памяти. В январе 1907 года прошли выборы во II Государственную думу, которая просуществовала всего 5 месяцев. Николаевское лето в фельетонах – время разочарования, неверия в лживых благодетелей, партийных говорунов.

25 февраля 1907 года по инициативе общественного деятеля, композитора и историка Н. Н. Аркаса (1853–1909) в городе открылось украинское просветительское общество «Просвіта». 15 марта началась эксплуатация водонапорной башни, построенной по проекту инженера В. Г. Шухова (1853–1939). Функционирует лучший в Российской империи Николаевский яхт-клуб. Ничто в период безвременья – нравственного и морального – не может служить толчком к подъёму культуры: рутина, эпидемия карточной игры да лото поглотили интересы николаевских обывателей. Социальные события, происходящие в стране, влияют на морально-нравственное и культурное состояние гражданского общества во все времена.

Давайте вспомним журналистов, порой скрытых за вымышленной фамилией, может быть, в их метком словце найдётся что-то близкое, актуальное сегодня. «Не могу молчать» – вот пафос их статей. Согласитесь, история местной беллетристики – довольно интересная тема.

Ниже – фельетоны, которым уже больше ста лет. Стилистика и пунктуация сохраняются в оригинале.

## ЭХО

Такого мертвого сезона не помнят, говорят, и «старожилы».

Тишина гробовая.

Политикой совершенно не интересуются.

Революционные прокламации и неистовые воззвания «смирненного» иеромонаха Иллиодора одинаково никем не читаются.

Больше того – разные «Персики», «Бубенчики», «Многоточия» покрываются в газетных киосках пылью и плесенью к глубочайшему огорчению торговцев.

Нет спроса даже на порнографию! Это, как пишут в афишах заезжие гастролеры:



– Первый раз в вашем городе! Где же, черт возьми, публика и что она делает?

В ресторанах пустота.

«Иллюзионы» надоели до тошноты.

В театре медленной смертью умирает еврейская труппа.

В гражданке – хоть шаром покати.

В яхт-клубе матросов больше, чем членов и гостей.

Процветает только городское собрание и то потому, что там культивируется азарт.

Это «строжайше запрещено» и законом, и административными распоряжениями, и уставом, но всегда у нас так случается, что крупные фокусы сходят благополучно.

Если на базаре какой-нибудь малышка устроит «вертушку» или другую запрещенную игру, – его моментально сцапают и отправят в каталажку.

А в клубе на глазах у всего города с вечера до утра дуются в лото сотни игроков, проигрываются до копейки мужчины и женщины, – и ничего.

Конечно, дубиной в рай не вгонишь.

Но лото – ужасный вид азарта. Хуже баккара и макао.

Чтобы сесть играть в макао, нужно иметь в кармане 50–100 руб. Такой суммой располагают немногие. Для лото за глаза довольно последнего рубля. Это найдется у всех. Клуб великолепно зарабатывает на этом деле и стрижет посетителей, как баранов.

– Без различия пола, национальности и вероисповедания!

Проповедовать дешевую мораль бесполезно.

Резонно возражат:

– А что прикажете делать?

И на это искренне можно ответить:

– Делать решительно нечего!

Покой и запустение.

Люди ходят хмурые и угрюмые, как осенние мухи.

А хмурые люди – скучные люди.

Что выдумывают скучные люди, кроме карт и лото?

Там, где их нет, атмосфера гроба.

Потому что русский человек прежде всего неповоротлив и неизобретателен.

Возьмите, например, гражданский клуб.

Клуб, основанный даже с идейною целью.

Национальный клуб.

И напустили в него такую национальную тоску, что никакая национальность туда не заглядывает. Потому что опять-таки ничего кроме карт и набивших оскомину любительских спектаклей, не придумали.

Хватило сил создать новый клуб, в котором, несомненно, чувствовалась потребность, а для поддержки энергии уже не хватило.

Так всегда и во всем, потому что, если лень есть мать всех пороков, то шаблон и рутина – родители лени.

А у нас все делается по шаблону и по рутине, по традициям этих прародителей всех российских пороков.

Еще более яркий пример – яхт-клуб, спортивное учреждение, где, казалось бы, не должно быть места неповоротливости и инертности.

А на самом деле наш яхт-клуб превратился Бог знает во что.

По оборудованию, по инвентарю, по местоположению это один из лучших яхт-клубов России, а интереса к нему нет.

Не угодно ли: на одну гребную гонку записались два гребца, побившие рекорд на... тихую езду. На другую – ни одного.

В парусных гонках участвуют одни и те же 10–15 человек, и они, эти гонки, всем осточертели, потому что комитет и гоночная комиссия сумели сделать их поразительно неинтересными.

Во время одной парусной гонки, зайдя случайно в яхт-клуб, я увидел любопытную картину: флаг гоночной комиссии на мачте, под мачтой графин с водой, на террасе спящий официант, и больше ни живой души.

Вдали на реке суда.



– Где гоночная комиссия?

– Не можем знать.

И никто вообще ничего «не может» знать.

Например, гонка не кончена, благодаря штилю. Гоночная комиссия советуется с рулевыми и решает:

– Гонку перенести на вечер.

Вечером опять штиль, опять совещание с рулевыми, конечно, не уведомляет, а вывешивает на воротах объявление, которого, разумеется, никто не читает и в результате – ряд недоразумений.

В конце концов опять никто ничего «не может знать» и живое симпатичное дело превратили в такую канцелярщину, что от таких мук кончают жизнь самоубийством.

Между тем, у яхт-клуба все данные для процветания.

Там много молодежи, есть гимнастика, на которой никто не упражняется, кроме сопливых карапузов, есть тяжести и штанги, много судов.

Можно было бы устраивать гимнастические состязания, атлетические игры, состязания в плавании, гонки на байдарках, прогулочных шлюпках и т.д.

Все это в загоне, совершенно не эксплуатируется, и тоска там смертная.

Заела все та же мертвящая рутина и шаблоны, приучившие нас жить и мыслить, и даже развлекаться по трафарету.

И возможно, что яхт-клуб, как и гражданский клуб, на пути к гибели. Куда же деваться публике?

Азарт городского собрания принимает ее с распростертыми объятиями.

– Милости просим!

Здесь тоже не Бог весть как весело, но здесь, по крайней мере, за двугривенный с дыркой можно получить двадцать рублей, и это привлекает публику, которой иначе решительно нечего делать.

Мне кажется, что клуб, который сумел бы, действительно, доставлять своим членам развлечение, комфорт и удобства, мог бы сделать блестящие дела.

Неужели весь Николаев только и света видит, что в лото?

Конечно, нет.

Но когда кругом решительно ничего, кроме этого дурацкого лото, то волей неволей полезешь хоть к черту в пекло, потому что как ни глупо и как ни пошло сидеть над картой и слушать меланхолические выкрикивания клубного «крупье», – все-таки это веселье абсолютной пустоты и скуки.

Скучные мы люди и нет в нас ни жизни, ни энергии, ни предприимчивости.

Тем хуже для нас.

**М. Любимовъ**

*«Николаевская газета», 18 июня 1907 г.*



## БЛИКИ

*Полна «идей» различных голова,  
Но все они – ненужные софизмы.  
И все красивые и звучные слова –  
Лишь жалкие, постыдные трюизмы.*

Пусть эпиграф резок, но тем не менее он верен в отношении многих современных мыслей и слов. Первые не идут дальше вторых или вторые расходятся с первыми.

Слова...

Всюду слова...

Мишурно-яркие, «пустые, звучные слова!..»

Из слов, как вещает грамматика, составляется речь. Из позолоченных слов составляются блестящие речи. Потоки речей – пламенные, как кипящая лава, страстные, как разнузданная вакханка.

Льются они, эти потоки, «и днем, и в час ночной» на митингах, банкетах, в заседаниях, и в кабинете загородного ресторана, и даже – в кабинете журналиста. Какие картины рисуют воображению во всех тонах и красках эти сильные, образные, рельефные речи, как они обязательно эффектны!

Они бьют по нервам, увлекают рассудок и сердце. Слово находит своего слушателя. Идея подчиняет себе человека... многих...

Толпа идет за своим кумиром...

Милые читатели! Вы забудете мою слабую бесцветную статью «таланта», когда услышите и властные, и чарующие призывные звуки всемогущей речи бога трибуны...

Забудьте...

Но я все-таки договорю до конца. В неясных еще бликах будущего я вижу много вдохновенных вождей – ораторов, слышу их «зажигательные» речи – быть может, музыкальные, но... неизбежно с фальшивыми нотами...

Скоро будут вновь раздаваться призывы к «добру, свету, свободе, счастью, чему угодно»...

Я не люблю этих назойливых «благодетелей», их болтовня давно надоела, как жужжанье мух, охрипшая шарманка или бестолковый лай привередливой болонки...

Однако с ними надо считаться ибо в мировой жизни учитывается не только крупный отброс, а каждая пылинка.

Вот почему я желаю, чтобы при случае, среди цветастых речей, вспомнили вы эти обыкновенные слова, чтобы тогда вы искали затерявшегося среди бездушных, лживых, алчных себялюбцев истинного человека.

Человека!

Не приверженца истинно-разрушительных одиночных и партийных идей и крайностей, не автоматического программного говоруна. Нет. Я хочу, чтобы вы нашли истинного человека, действительно хорошего, полезного друга – гражданина.

О, как бы я хотел, чтобы вы внимали не подлой искусственной поэзии роскошных трутней человечества. А простому, ясному голосу разума, его, может, невычурному, но чистому и правдивому слову!..

**Бурка**  
*«Николаевская газета», 8 июля 1907 г.*



## КНИГИ – ПЕРЕМОЖЦІ XII ОБЛАСНОГО КОНКУРСУ «КРАЩА МИКОЛАЇВСЬКА КНИГА»

Конкурс проводиться згідно з розпорядженням голови облдержадміністрації від 03 березня 2008 року № 82-р на виконання обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання, книгорозповсюдження та популяризації української книги у Миколаївській області на 2017–2021 роки.

На конкурс представлено 55 книг місцевих авторів, виданих протягом 2017 року у 8 миколаївських видавництвах. 29 незалежних експертів визначили кращі серед представлених видань.

За статистичними даними Книжкової палати України, протягом 2017 року місцевими видавництвами Миколаївщини видано 201 назву книжкової продукції загальним накладом 48,5 тис. примірників, що на 50% більше, ніж у 2016 році (134 назви книжкової продукції загальним накладом 34,6 тис. примірників). Із загальної кількості назв видавничої продукції видано 177 книг загальним тиражем 43,4 тис. примірників та 24 брошури тиражем 5,1 тис. примірників.

У 2017 році за кошти обласного бюджету в рамках обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання, книгорозповсюдження та популяризації української книги у Миколаївській області на 2017–2021 роки видано 7 книг місцевих авторів загальним тиражем 5878 примірників, а саме: «Купальська містерія зеленого свята» – автор Л. Я. Чижова, «Борис Николаевич Мозолевский» – автор Н. М. Гаркуша, «Богдановичи» – автори О. В. Пономарьова, І. В. Гаврилов, «Завжди в бойовому строю» – автор Б. І. Білик, «Миколаївщина козацька» – автори О. Ф. Ковальова, О. М. Шарафанов, О. А. Добровольський, «Миколаївщина (нариси історії революції 1917–1921 рр.)» – авторський колектив під керівництвом Л. Л. Левченко, «Подорож у Дивне, або Нова казка» – автор Т. Д. Свірська.

За кошти обласного бюджету видано 4 номери літературно-художнього журналу «Соборна вулиця».

### Краще історико-краєзнавче видання

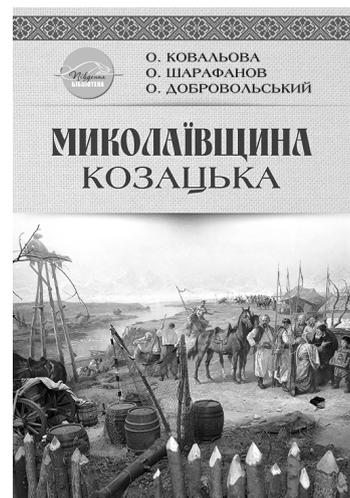
#### «Миколаївщина козацька»

Автори – О. Ф. Ковальова, О. М. Шарафанов, О. А. Добровольський.  
Видавництво – ТОВ фірма «Іліон».

У полі зору авторів – козацтво на Миколаївщині як соціальна верства, що протягом століть була носієм, хранителем і виразником українства.

Досліджуючи наявність козацьких поселень на території краю, через осмислення великої кількості документальних джерел, свідчень жителів та історичних пам'яток автори відтворили різні періоди історії Миколаївщини. Часові межі розповіді – від зародків козацтва до ліквідації Січі наприкінці XVIII століття.

Книга корисна краєзнавцям та всім, хто цікавиться історією рідного краю.

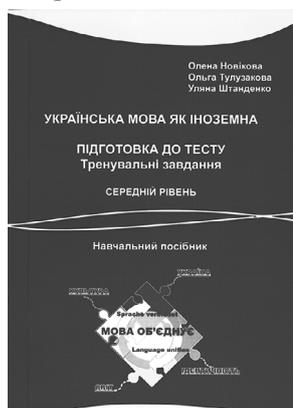


### Краще учбове видання та підручники

#### «Українська мова як іноземна: Підготовка до тесту. Тренувальні завдання. Середній рівень»

Автори – О. М. Новікова, О. Г. Тулузакова, У. М. Штанденко.  
Видавництво ЧНУ ім. Петра Могили.

Навчальний посібник підготовлений відповідно до сучасних вимог та досягнень у вивченні та викладанні української мови як іноземної. Він містить 20 розділів з різноманітних тем повсякденного спілкування со-





ціально-побутової та соціально-культурної спрямованості переважно на основі матеріалів сучасної української преси для середнього рівня володіння українською мовою. У кожному з розділів запропоновано на вибір тренувальні завдання у тестовій формі з основних видів письмової та усної мовленнєвої діяльності – читання, аудіювання, письма й говоріння, якими має опанувати людина, що вивчає іноземну мову.

Видання призначене для всіх, хто викладає чи вивчає українську мову як іноземну.

## Краща поетична збірка

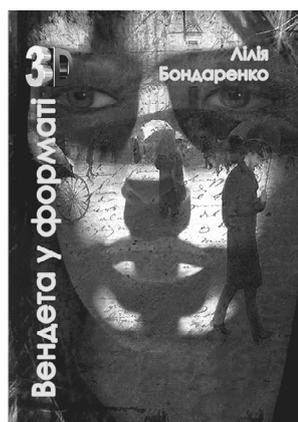
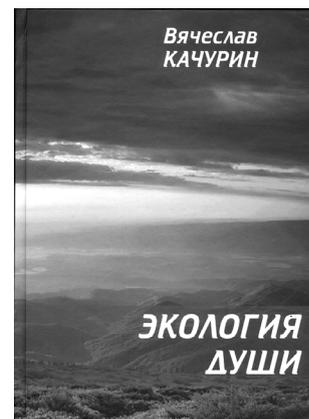
### «Екологія душі»

Автор – Вячеслав Тимофійович Качурін.

Видавець – Віктор Дмитрович Швець.

У нову книгу Вячеслав Качурін включив вибрані твори різних років. Поетична збірка «Екологія душі» – це своєрідний звіт автора більш ніж за 40 років праці в жанрі поезії. В книгу увійшли громадянська і любовна лірика, твори, написані автором під час плавання на китобійній флотилії.

Нова книга поета розрахована на широке коло читачів.



## Краще прозаїчне видання

### «Вендета у форматі 3D»

Автор – Лілія Петрівна Бондаренко.

Видавництво – ТОВ фірма «Іліон».

Психологічний роман про жорстку емоційно-психологічну боротьбу за право кохати і бути коханим. Історії трьох українок, темпераментних, емоційних, але з Богом у серці, мають намір переконати читача у тому, що справжня жінка, яка знала силу і глибину кохання, не здатна на помсту, що несе руйнування і знищення. Любов одну зцілює, інша, проходячи свій терновий шлях, незважаючи на тягар зі страждань, болю і горя, йде вперед. Це може бути дорога довжиною у ціле життя. Автор створює узагальнюючий образ жінки, освіченої, самодостатньої, запальної.

## Краще видання для дітей та юнацтва

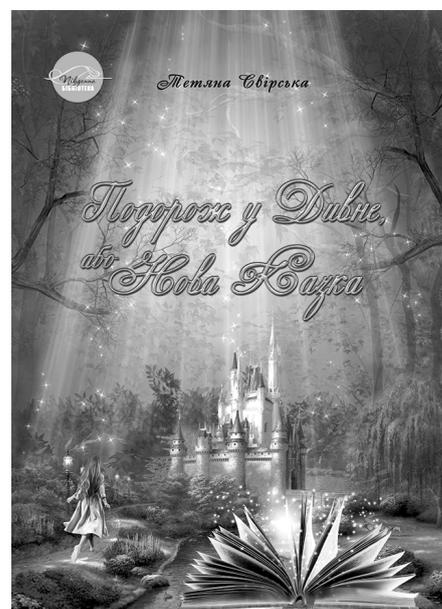
### «Подорож у Дивне, або Нова Казка»

Автор – Тетяна Дмитрівна Свірська.

Видавництво – ТОВ фірма «Іліон».

Нову казку Тетяни Свірської адресовано читачам середнього шкільного віку. Фантастичне та неймовірне неодмінно приходить у життя тих, кому звичного та буденного замало. Саме бажання дива, а ще вміння бачити незриме довкола себе відкрило перед головною героїнею казки Надійкою чарівний світ Тридев'ятого царства, даруючи їй та її подругам дивовижні зустрічі та незабутні враження.

Твір пропонує поглянути на важливі життєві теми (добра, зла тощо) з нової, трохи незвичної точки зору, місцями гротескної та сатиричної. Гумор поєднується із серйозними роздумами над формуванням особистості, часто всупереч існуючим форматам.



## Кращий літературний дебют

### «Неудобные зарисовки гибридной войны»

Автор – Олексій Володимирович Пайкін.

Видавництво – ТОВ фірма «Ліон».

Автор оповідань, безпосередній учасник антитерористичної операції, осмислює, аналізує та вкладає в художню форму реальні події 2014–2015 років на сході України.

Майстерність письменника-початківця проявляється в оригінальному стилі викладення, чіткій сюжетній лінії, захоплюючій фабулі, описах жорстоких боїв. Насичена книга й реальними героями, відкритими почуттями, а також справжньою колоритною емоційною мовою, що дає змогу читачеві бути безпосереднім учасником драматичних подій. Головна перевага оповідань Олексія Пайкіна – достовірні свідчення очевидця.

Книга адресована всім, кому небайдужа доля нашої країни.

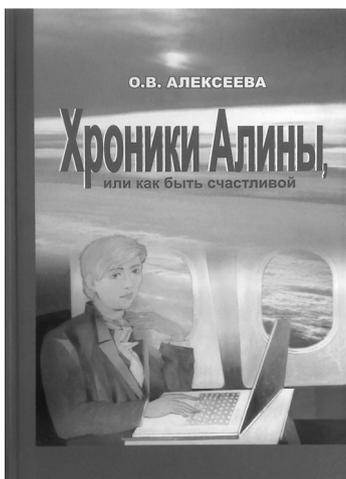


*Издательский перекрёсток*

## КАК ЖЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ?

В аннотации к этому художественному изданию, как обозначено в служебной части книги, можно прочитать следующее: здесь «повествуется о том, как девочка Алина изменила себя и свою жизнь, поверила в свою мечту и добилась её осуществления. Показаны социально-психологические аспекты жизненного пути героини, её переживания, сомнения и поступки».

Много места, как и положено главной героине с мечтой, в жизнеописании Алины занимает её внешний облик, причём в разный период возраста: от времени первой влюблённости до зрелых лет дефектолога-логопеда, в совершенстве овладевшей методикой Монтессори в детском саду и школе-интернате для умственно отсталых детей. В юности у Алины была выразительная талия «в виде рюмочки, красивые округлые бёдра, небольшая округлая грудь, «как у молодой козочки!» А ещё «округлая, упругая и красивая попа!»



**Алексеева О. В.**

*Хроники Алины, или как быть счастливой. – Николаев: Издатель Н. Шамрай., 2017. – 176 с., ил.*

Характеристике Алины в пору «немного старше сорока» автор уделяет меньше внимания, зато с подробностями документа сообщает о её отроческих годах, учёбе, жизни в общежитии, борьбе за жениха Саню, работе на хлебозаводе в Восточной Сибири, на БАМе, в Иркутске, о свадьбе, драматических родах, описанных в главе под названием «Дочь. Дыхание смерти». Вся хроника Алины в авторском повествовании уместилась в трёх частях, сорока двух главах и нескольких сценах авиапутешествия, во время которых Алина, погружённая в удобное кресло, предавалась воспоминаниям.

И всё-таки, может спросить любознательная читательница, как же быть счастливой? Дело в том, что социально-бытовыми аспектами реальной жизни далеко не исчерпывается личностное, экзистенциальное состояние женщины. На это пронизательно указала знаменитая Франсуаза Саган, мастер изображения женской души. Счастье женщины, писала она («Немного солнца в холодной воде»), заключается не в удачном замужестве, а в личном совершенствовании, умении любить и быть любимой. В литературе это выражается в особом психологизме повествования.

**Е. Максимов**



## ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРЕИЗДАНИЮ

На полке краеведа эта книга займёт особое место. Впервые увидевший свет в 1890 году, хорошо знакомый любителям истории очерк секретаря Николаевской городской Думы, писателя и общественно-го деятеля Г. Н. Ге (1830–1911), переиздан на бумаге «под старину», снабжён иллюстрациями и таблицами, многочисленными подстрочными примечаниями, украшен красочной суперобложкой. Уже более века исследователи заглядывают в это сочинение, сверяя свои положения со свидетельствами авторитетного летописца г. Николаева. Книгу открывает предисловие научного редактора и переводчика В. В. Чернявского, предисловие дополняет справка В. В. Щукина о жизни и деятельности Г. Н. Ге.

Говоря о достоинствах нового издания, уместно вспомнить, что в 2016 году впервые появилось полное русскоязычное переиздание «Очерка» Г. Н. Ге в содержательной антологии «Старина николаевская и очаковская» (Источники по истории городов Николаева и Очакова с конца XVIII по начало XX века, в 2-х томах, авт.-сост. В. В. Щукин, А. Н. Павлюк).

Г. Н. Ге не случайно назвал свою книгу «историческим очерком», а не «историей». Короткие, или, как он пишет, «беглые», заметки изначально по целому ряду причин не претендовали на всестороннее и подробное изложение хронологии и гражданской жизни Николаева. Стоит ли предъявлять Ге претензии по поводу «своей идеологии самого твору», как это делает научный редактор и комментатор нового переиздания? Идеологию мы рассматриваем в контексте той эпохи, в которой создавался исторический труд, и в рамках принятой автором методологии. В современных комментариях хотелось бы найти указание и на источник, утверждающий, что труд Ге «зарахували до розряду «шкідливої» буржуазної літератури».

Автор перевода очерка на украинский язык попытался сохранить стилистику, фразеологию и терминологический аппарат текста сочинения Г. Н. Ге. Сделано это средствами лингвистической адаптации текста для широкой читательской аудитории. К сожалению, в книге присутствуют многочисленные, но досадные ошибки и неточности перевода.

Хочется надеяться, что отдельные, субъективные замечания не умаляют достоинств труда Г. Н. Ге, а его книга по-прежнему будет пользоваться вниманием всех, у кого существует серьёзный интерес к углублённому знакомству с различными этапами исторического развития нашего города.

*Олег Баран*



*Ге Григорій Миколайович.  
Історичний нарис столітнього існування міста Миколаєва при гирлі Інгулу (1790–1890). – Миколаїв: Іліон, 2018. – 151 с.*



*Владимир Христенко.  
Николаевский камертон. – Николаев: ФЛП Швець В.М., 2017 – 348 с.*

## ЕГО ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Пообщаться с Владимиром Николаевичем, послушать его произведения в авторском исполнении и поздравить не только с премьерой поэтической книги, но и с днём рождения, в библиотеку им. М. Кропивницкого пожаловали коллеги по творческому цеху, друзья и близкие.

Корабел, кандидат технических наук, автор более чем 70 научных работ, журналист и поэт, общественный деятель – это неполный список из характеристики Владимира Христенко. Но главное его качество, о котором говорила директор библиотеки Татьяна Твердая и другие выступающие, – искренняя по-сыновьи любовь к городу, в котором родился, и желание, чтобы весь мир полюбил Николаев так, как любит его он.

Чего только стоит созданный им международный сетевой журнал «Николаев литературный», каждый выпуск которого читают и ждут с нетерпением тысячи николаевцев по всему миру и ещё тысячи влюблённых в этот город, его культурное и литературное наследие. Так же, как и этот журнал, книга Владимира Христенко «Николаевский камертон» посвящена родному городу, его жителям и сакральным местам.

Поэтические произведения земляка воспринимаются, как лирический дневник, они полны ностальгических воспоминаний и размышлений о прошлом и будущем корабельного края, его славных адмиралов, о Сухом Фонтане, улице Террасной, где автор провёл детство и юность и где, как он сам признаётся, ему всегда хорошо дышится. Многие его поэтические строки адресованы друзьям. Одним из таковых был и остаётся легендарный мэтр – Владимир Чайка, руководивший городом 12 лет и безвременно ушедший из жизни 2 марта 2013 года.

Некоторые стихи Владимира Христенко уже стали песнями. Так николаевский композитор Евгений Долгов, автор многих музыкальных композиций, посвящённых городу на берегу Южного Буга, и организатор ежегодного фестиваля «Песни старого яхт-клуба», написал музыку на стихотворение В. Христенко «Каштановый сквер», где «невозмутимо и смиренно» аркасовские мраморные львы глядят на главную городскую улицу. Рядом с ними прошли яркие минуты нескольких поколений николаевцев.

*Александр Влащенко*

## ГДЕ НАШИ АВИАНОСЦЫ?

*Новая книга известного журналиста, инженера-судостроителя Валерия Бабича, принимавшего участие в создании всех николаевских авианосцев бывшего Советского Союза, называется «Властелины океанов» (2017).*

Рождению этого издания предшествовала огромная подготовительная работа, ведь автор выступает в нём историком и исследователем необычной, вчера ещё строго засекреченной темы – строительства авианосцев на стапелях николаевских судостроительных заводов. «Одна, но пламенная страсть» движет им – рассказать, дать аналитическую оценку самоотверженному труду земляков. В. В. Бабич работал начальником конструкторского бюро на ЧСЗ, курировал строительство авианосщих кораблей, а также судна космической службы «Академик Сергей Королёв».

«Властелины океанов» включают очерки и об американском авианосном флоте. «Помню, как меня поразило, – вспоминает В. Бабич, – когда вдруг понял, что все остальные страны, кроме СССР и США, в этой глобальной гонке морских вооружений были лишь статистами. Для себя вывел такие цифры: если надводный флот ВМС США принять за 100 процентов, ВМФ Советского Союза в 1980-х годах составлял примерно 80 процентов американского. На долю остальных стран мира, вместе взятых, приходилось приблизительно 6–7 процентов общего потенциала военно-морских сил СССР и США». Военно-морской флот СССР в 1960–1980-х годах стал океанским, ракетно-ядерным, вторым в мире после ВМС США, пишет автор. Палубную авиацию, военную мощь страны Советов создавали николаевские судостроители. А для Америки, надо полагать, такую же гордость представляют авианосцы, построенные на верфи «Newport News Shipbuilding», что в штате Вирджиния на Атлантическом побережье США.

Рассказывая об авианосце «Джордж Вашингтон», введённом в эксплуатацию в День независимости США 4 июля 1992 года, Бабич приводит такой эпизод. 11 сентября 2001 года, во время атаки террористов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона, «Джордж Вашингтон» находился недалеко от берегов Вирджинии и уже на следующий день прибыл в акваторию Нью-Йорка, обеспечивая безопасность воздушного пространства города и прилегающих к нему районов. Когда в мире возникают политические и военные конфликты, американцы спрашивают: «Где сейчас наши авианосцы?»

На презентации книги бывший генеральный директор Черноморского завода И. Н. Овдиенко поведал о том, с каким энтузиазмом ежедневно поднимались на борт строящегося гиганта до 3 тысяч рабочих, специалистов. «Авианосец – венец инженерной мысли, сравнимый с космическим кораблём, – говорил он. – И при этом благодаря умелой организации работ у нас было меньше происшествий, чем во время подобного строительства на американских верфях». С николаевских стапелей сошли противолодочные вертолётоносцы, тяжёлые авианосущие крейсера, авианосцы «Адмирал Кузнецов», «Варяг», «Ульяновск». Некоторые из них до сих пор числятся боевыми единицами военно-морского флота Индии и Китая.

Не будет преувеличением назвать все три книги В. Бабича, посвящённые палубным кораблям и их николаевским строителям, «тяжелонесущими изданиями», они дают ёмкое представление о труде инженера, конструктора-кораблестроителя. Этому хорошо служат дневниковые записи автора во время испытательных походов на кораблях «Новороссийск» и «Баку» в Средиземном море и Север-



ной Атлантике. Новую книгу иллюстрируют сотни фотоснимков. Отличную многоцветную печать фотоматериалов смогло обеспечить киевское издательство. Все эти сопутствующие обстоятельства делают книжную новинку прекрасным подарком и историку-краеведу, и ветерану труда.

*Е. Гордеев*

## КОГДА АВТОР ИНТРИГУЕТ

«Полоса прибой» (2018) – название уже седьмой книги николаевского прозаика, врача и моряка Александра Финогеева. Она состоит из трёх разделов: «Блики солнечного света», «Шёпот волны», «Радуга мыслей».

Сборник начинается рассказом «Большая история одного маленького дня». И сразу же наш автор берёт своего читателя в плен, лихо закручивает сюжет так, что повествование читается на одном дыхании. Речь идёт о судьбе молоденькой девушки, которой от роду всего 18 лет, но сколько горестей уже выпало на её долю. Умерла мама, отец стал пить горькую, мачеха горит желанием отдать замуж девушку за своего сына, который только вышел из мест не столь отдалённых. И как же играет судьба человеком всего за один день! Вряд ли стоит пересказывать сюжет, действие которого происходит в Николаеве.

Не менее захватывает воображение и рассказ «Первое лицо», в котором автор повествует о жизни богатых людей, их потребностях в красивой жизни и делает это через на первый взгляд обыденную историю. Директор вместе с супругой летал в Берлин, привёз оттуда дорогую сантехнику и доверил установить её опытному мастеру Степану. В помощники прислал племянника Эдика. Здесь писатель уже уходит от обыденного, жизненные коллизии описывает ярко и колоритно. И снова пересказывать повествование нет резона, ибо сюжет сам по себе захватывает и поучает.

В разделе «Шёпот волны» Александр Финогеев снова позволил себе быть предельно откровенным и искренним. Тут уже речь идёт о жизни, очень близкой автору, ведь ему пришлось служить в рядах военно-морских сил более четверти века. Кстати, все книги земляка посвящены морской тематике, судите по заголовкам: «В те дни в морях дороги наши были», «И жизнь, и море, и любовь», «По местам стоять!», «Миражи тумана», «Круги на воде». Из них мы узнаём о нелёгкой судьбе моряка, но как романтична, увлекательна, а порой драматична эта судьба, автор не сетует на трудности, наоборот, за ними скрываются человеческие страсти, которые порой хочется назвать шекспировскими. Не чуждается Финогеев и юмора, вымысла, ибо эти качества весьма характерны для его художественной стилистики.

Рекомендовала бы обратить внимание на рассказ «Полоса прибой». И снова здесь события, которые происходят в нашем городе. Морской офицер Дмитрий Вишневский прилетел в Николаев, последовал в сторону Черноморского судостроительного завода, где строилось судно, где предстояло служить главному герою. На улице Водопроводной встретил заплаканную девушку. Моряк заинтересовался, чем она расстроена. И услышал историю студентки, которая не могла смириться с домогательствами преподавателя. Снова автор интригует нас, разворачивая необычный сюжет, узнайте о нём из самой книги.

«Дорога жизни» – очень милая, буквально мелодраматичная новелла. Как и другие, она написана живо, с множеством диалогов. Финогеев повествует историю двух любящих сердец. Геннадий и Наташа дружили ещё со школы. Потом их дороги разошлись, но моряк никогда не забывал подругу. Далее следуют встречи, нежные отношения, сватовство. Трогательно звучат наставления мамы невесты: «Любовь – это очень хрупкий и чувствительный сосуд, который ежедневно требует огранки и шлифовки...». Писатель ведёт читателя дорогой жизни молодой пары, уходящей за горизонт.

Не обходит вниманием автор и юных героев своих рассказов. В предыдущей книге «Круги на воде» он познакомил с маленькой проказницей Олей. Не забыл её и в новом сборнике, так как с этой девочкой, находчивой болтушкой, случились новые приключения, вызывающие улыбку и добрые воспоминания о детстве. Можно рекомендовать автору собрать все весёлые приключения Оли и издать о них отдельную книжку, адресовав её юным читателям.

А вот подборка афоризмов Александра Финогеева. Они напечатаны в разделе «Словам тесно, а мыслям просторно». «Если часто смотреть на красоту, окружающую тебя с детства, останешься вечно молодым», утверждает автор. Возможно, это звучит несколько наивно, но мне очень близко такое мироощущение.

*Вера Марущак*

## ЗБІЛЬШУВАЛЬНЕ СКЛО

Нарешті вийшла друком перша поетична збірка миколаївського поета Олега Дороша «Сьогодні і завжди» (2018). Автор успішно дебютував 2011 року в миколаївській періодиці – з добіркою самобутніх віршів, що згодом склали фундамент його першої поетичної книжки. Час показав: на цьому фундаменті виріс не просто будинок, а ціле місто – гамірне й кольорове в одних рядках та мовчазне й монохромне в інших.

Місто як об'єкт поетичного простору, що його збудували вірші. Вірші, що їх породило реальне місто, в якому живе автор. Образ міста у збірці – один з найголовніших. Це не тільки тло, в яке вписане життя численних ліричних героїв, зокрема й біографія автора. Це персонаж, чю особисту історію транслює Поет, здатний розсувати межі буденного.

«Сьогодні і завжди» – книжка урбаністичних пейзажів, у яких автор найперше шукає Людину. Розглядає останню, наче крізь збільшувальне скло, шукаючи Бога. Місто-Людина-Бог – триада, що створює поліфонічний ефект у збірці, «а ми мовчазні – слухаємо».

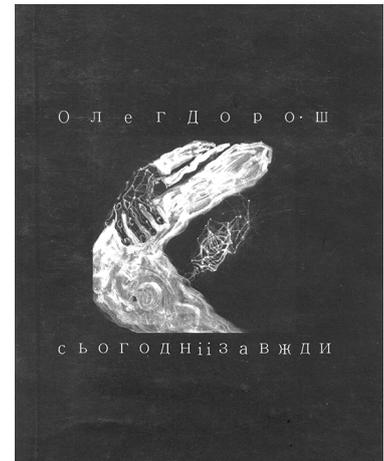
Автор і місто – одна матерія («ти і це місто – один організм»). Дорош осмислює Миколаїв як приватний всесвіт, намагаючись «увібрати крізь очі кожную найтоншу пульсацію світу». Рудий песик і вахтерка Маня, коти Михаїл і Габриїл, пацани з його двору й самотні рибалки, дощ і ліхтарі – усі вони роблять спільну справу, створюючи неповторний дух південного міста.

Справді, це дуже миколаївська книжка – у тому сенсі, що повноцінно зчитати усі коди, що їх автор свідомо й несвідомо вклав у мову верлібрів, напевно, зможе лише місцевий абориген, для якого Спаський узвіз, Сухий фонтан, Абіссінія, Південний Буг, аркасівські леви або вулиця Декабристів – не порожні звуки, а знаки, що прокладають шлях до об'ємного сприйняття відтвореної поетом реальності, в якій оживають знайомі з дитинства запахи, мелодії, світло, кольори.

Миколаїв Дороша – це місто «занедбаних мрій, привидів кораблів і спекотної тиші», але саме в цьому місті «сонце заходить за яхт-клуб величне і певно святе», «світло у темряві світить і темрява не обгорнула його» і двір з чотирма панельними коробками «так несамовито калатає у грудях, мов птах полонений, якого піймав птахолов у долині».

Попри сум, який викликають картини суцільної безнадії (як-от Сидір Іванович, що «лежить уже врізаний біля баку зі сміттям»), чи «пошматоване тіло вмерлого суднобудівного заводу»), у цій книжці багато світла й любові. «А ще маю любов, а це єдине, що мені треба насправді», – пише автор, і від цієї любові місто-персонаж набуває загального характеру. Миколаївська географія плавно перетікає у Тернопільську та Львівську, Абіссінію (мікрорайон у Миколаєві) змінює Єліся (мікрорайон у Тернополі). Але ж і там той самий спів ластівок, і той самий гуркіт машин, і холод привокзального неба той самий.

Я переконана, що одесит, киянин чи львів'янин легко розпізнають у миколаївських реаліях голоси своїх міст, своїх сусідів чи колег та навіть птахів за вікном, адже небо в нас одне на всіх, «лише воно пройшло крізь віки незмінним для міста». Вірю, що з-поміж розмаїття кольорів, на які багаті вірші збірки «Сьогодні і завжди», кожен зможе вибрати собі відтінок до душі.



*Дорош О. Сьогодні і завжди. – Миколаїв: ФОП Швець В. М., 2018, 84 с.*

**Інга Видюца,**  
поет, журналіст (м. Одеса)



## ЖЕТОН 58-ГО ПРАГСКОГО ПОЛКА

*Перед нами фалеристическая редкость – личный знак военнослужащего 58-го пехотного Прагского полка, который дислоцировался в городе Николаеве с 1873 года до начала Первой мировой войны.*

Такие знаки были в «обиходе» и в других воинских подразделениях, как в российской армии, так и её военно-морском флоте, военно-воздушных формированиях. Часть коллекционеров считают эти знаки увольнительными жетонами, другие – специальными идентификаторами, позволяющими определить личность тяжелораненого или погибшего военнослужащего. В своих версиях, предположениях или догадках никто из них не ошибается.

Первым документом, реально подтверждающим появление специальных знаков для нижних чинов русской армии, стал проект устава внутренней службы, утверждённый Николаем II в сентябре 1902 года. В результате многих преобразований были введены личные номера военнослужащих, они устанавливались для каждой роты, эскадрона и батареи особо и присваивались нижним чинам на всё время службы в этих частях. При переводах военнослужащего из одной роты в другую номер в предыдущем месте службы освобождался, а там, куда он переводился, назначался на один из свободных номеров. При командировании сохранялся номер роты, эскадрона, батареи, где нижний чин числился.

Одним из положительных результатов введения личных номеров стало изменение системы клеймения казённых и личных вещей. До этого, наряду с официально установленными клеймами, на всех вещах и амуниции делались надписи с фамилиями владельцев. Имя и фамилия подписывались самим нижним чином, часто корявыми, неразборчивыми буквами и выцветавшими, выгорающими и смывающимися чернилами. Теперь же вместо фамилии проставлялся личный номер. Такое клеймение обмундирования и снаряжения позволяло лично идентифицировать личность убитого или тяжелораненого воина в военное время.

Появление личных номеров позволило конкретизировать порядок увольнений нижних чинов. Для этого были введены специальные «увольнительные знаки», выполненные из металла, чаще – из бронзы или меди.

«Увольнительный знак» представлял собой металлическую пластину произвольной формы. Размеры для знака предлагались от 1 до 1,5 вершка (от 4,4 до 6,6 см). На знаке выбивались буквами и цифрами: номер роты (эскадрона, батареи и т. д.) или название команды, номер и название части и личный номер нижнего чина, которому принадлежал знак. Уволенные на одни сутки и больше считались отпускниками и получали отпускные билеты, при увольнении менее нежели на сутки считались увольнениями со двора и получали увольнительный знак, уволенные до позднего времени – увольнительную записку.

В каждой роты, эскадроне, батарее имелось столько увольнительных знаков, сколько нижних чинов числилось по списку части. Все увольнительные знаки хранились в специальных ящиках или шкафчиках, ключи от которых находились у дежурного соответствующего военного формирования. Нижние чины перед тем, как покинуть территорию части, являлись к дежурному по роте, эскадрону, батарее, который осматривал их внешний вид и выдавал увольнительные знаки или увольнительные записки. Возвращаясь обратно в часть, нижние чины сдавали свои увольнительные знаки или записки дежурному, который отмечал в специальной книге время прибытия уволенных.

Несмотря на то, что форма увольнительного знака предлагалась произвольная, в Приложении к проекту устава были опубликованы два рисунка знака: один – восьмиугольный, а второй – круглый. В дальнейшем в частях в основном



использовались знаки предложенной формы, хотя и преобладали круглые из-за простоты изготовления.

В июне 1909 года на основании проекта 1902 года был высочайше утверждён новый устав внутренней службы. Название «увольнительный знак» было заменено словосочетанием «личный знак». Отныне «личный знак» становится своеобразным военным билетом или солдатской военной книжкой, при этом выполняя и первоначальную функцию увольнительного атрибута.

Можно предположить, что в годы Первой мировой войны личный знак использовался в качестве смертного жетона, хотя документального подтверждения этому не найдено. Для определения личности убитого или тяжело раненого, если невозможно было использовать клейма на амуниции или обмундировании, на помощь приходил личный знак военнослужащего. Учитывая опыт противника – немецкой, австрийской и других армий, где смертные жетоны доказали свою необходимость, на третий год войны и в русской армии было принято решение о введении специальных опознавательных знаков. В январе 1917 года, на закате Российской империи, царь Николай II подписал указ о введении особых шейных знаков для опознавания убитых и раненых и для отметки Георгиевских наград нижних чинов. Последнее, на мой взгляд, предпринималось умышленно, чтобы развеять страх о суеверных военнослужащих. К сожалению, этот жетон не мог защитить от ранений и смерти.

Знак представлял собой выполненный из жести жетон – медальон, состоящий из двух половинок, в который вкладывалась пергаментная бумага с краткими данными владельца: звание, имя, фамилия, год и место рождения, год призыва, сословие, вероисповедание, номер роты, эскадрона или сотни, номер и название воинской части, имеющиеся награды. Носился он под

мундирной одеждой на тесёмке или шнурке. В действующую армию их было отправлено небольшое количество, так как вскоре императорская Россия приказала долго жить. Поэтому личные солдатские знаки до конца войны, у кого они ещё сохранились, выполняли роль смертных жетонов.

Но вернёмся к нашему раритету. Я не буду вдаваться в историю Прагского полка (так и хочется написать – Николаевского). Это отдельная, большая и ещё не совсем изученная тема. Полк существовал почти 87 лет – с 4 февраля 1831 года по 1918 год. В истории полка – участие в подавлении Польского восстания (1830–1831), Кавказская война (1840–1846), Русско-турецкая война (1877–1878), Русско-японская война (1904–1905), Первая мировая (1914–1918). В годы Первой мировой войны полк воевал на юго-западном фронте, в составе 8-й армии, 8-го армейского корпуса, 15-й пехотной дивизии принимал участие в знаменитом Брусиловском прорыве.



Настоящий жетон найден на месте боёв полка в Галиции (сегодня Львовская область). Знак выполнен из латуни диаметром 49 мм, вес – 14,54 г. На лицевой стороне – трёхстрочная надпись: «1р.=58п. Пр. п.=81» – 1 рота 58 пехотного Прагского полка 81. Вверху жетона имеется отверстие диаметром 4 мм для крепления с помощью шнурка или проволоки к обмундированию владельца. На лицевой стороне

выбит крест, аналогичный крест имеется по центру жетона на оборотной стороне. Можно предположить, что этот жетон неоднократно переходил «по наследству» от тяжело раненых или погибших воинов к новобранцам полка. Так это или нет – остаётся только гадать.

Жетон действительно является раритетом, в фондах нашего областного краеведческого музея такого нет. Это наводит на мысль, что отличительные знаки солдаты бережно хранили и старались не терять.

**Евгений Горбуров,**  
член Национального союза краеведов Украины



## ТУРЕЦКИЙ ФОНТАН В ЯХТ-КЛУБЕ

В 1784 году обширный участок земли на западе Николаевского полуострова был отмежеван купцу австрийского происхождения Францу Фабре. Спустя всего три года в урочище были возведены каменный дом, водяная мельница, птичник, погреб и фонтан. 27 августа 1789 года Фаброва дача была переименована в Спасское в связи с тем, что князь Г. А. Потёмкин планировал создать в этом месте Спасско-Николаевский мужской монастырь. В первые годы существования г. Николаева Спасск был летней резиденцией главного командира Черноморского флота.

Самым первым николаевским водопроводом был водовод, проложенный от Спасского источника к дворцу Потёмкина. Там вода подавалась на кухню и в баню и, конечно же, к фонтану у дворца. Трубы изначально были деревянными. Кроме дворца, водопровод шёл ещё и к

Спасской (Военной, Царской) пристани. Она располагалась примерно там, где сейчас мостик в яхт-клубе. К этой пристани тоже был проведён водопровод, и долгие годы здесь бункеровались водой военные суда, за что пристань и получила название Военной. А название Царской появилось после того, как к ней причалила яхта Александра II во время его визита в Николаев (1837, 1855, 1861).

Турецкий (Султанский) фонтан – искусственный источник воды – был устроен в Спасском урочище рядом с дворцом Потёмкина. Он проявлял о нём особую заботу. При перестройке дворца в 1843–1849 годах фонтан был перестроен и выполнен в «турецком стиле». Вот что писала в своих воспоминаниях фрейлина императрицы Елизаветы, писательница О. Ф. Шишкина, которая посетила Спасский сад в 1845 году: «...Прекрасная родниковая вода. Она проведена с горы пятью трубами в каменный бассейн, откуда семь желобов разливают её в разные стороны. Всё выполнено достаточно хорошо; над каждой трубой отдельный в земле проход, выложенный кирпичом, чтобы всегда было удобно следить за его состоянием». Спасский источник был не просто ручейком, стекающим к реке, а сложным гидротехническим сооружением, подающим воду в разные места Николаева. В поздние, уже советские, годы в связи с ликвидацией остатков источника в яхт-клуб была подведена вода из городского водопровода.

Фонтан пережил если не полную разборку, то, как минимум, серьёзную реконструкцию предположительно в 1926 году. Вероятно, тогда же была разобрана и основная его часть, при снятии старой штукатурки это обнаружилось по каменной кладке, выполненной на цементном растворе. Неизвестно, к какому событию было приурочено его восстановление, но на фасаде появилась надпись «1926».

В августе 2016 года начались работы по реставрации Турецкого фонтана. Они выполнялись за счёт личных средств директора компании «Техстрой 99» Г. Г. Григорьяна коллективом этой же компании. Восстанавливала фонтан бригада в составе Владимира Расторгуева, Алексея Погановского, Андрея Грицуля, скульптора Сергея Маломана, Николая Яроцкого. Научно-техническое сопровождение выполнял автор этих строк.

Открытие восстановленного Турецкого фонтана в Николаевском яхт-клубе состоялось 11 сентября 2016 года в 11 часов утра.

*Андрей Шинкаренко*  
*Фото Александра Сайковского*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.



Алексей Маркитан. «Скоро Пасха!». Холст, масло. 85 x 100 см (2017)

## ЧИТАЙТЕ В НАСТУПНИХ НОМЕРАХ:

- Бузька Ойкумена:  
**ПОВЕРНЕННЯ «ІКАРА»**. 30-річчя навколосвітньої подорожі
- Поезія: **Дмитро КРЕМІНЬ** (65 років від дня народження),  
**Рувим МОРАН, Тетяна ФУРЦОВА**
- Проза: **Олександр СИЗОНЕНКО** (95 років від дня народження),  
**Ілля СТАРИКОВ, Єлизавета БЕЗУШКО**
- Публіцистика: **Оксана ДЕНИСЕНКО, Арина СУЄТІНА:**  
АВТОРСЬКА ШКОЛА ТУТ І ЗАРАЗ  
**Тетяна СЕРЕБРЯКОВА:** БІБЛІОТЕКА НА ДОЛОНІ
- Майстерня: **Андрій АНТОНЮК** (75 років від дня народження)



Ирина Гузий. «Замри!» (2018)